АЛЬФРЕД

БЕСТЕР

МОЯ ЦЕЛЬ – ЗВЕЗДЫ

Моя цель — звезды

Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. Моя цель — звезды
Часть первая
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7

Часть вторая
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

Аннотация

Один из лучших фантастических романов двадцатого века.

Яркий, энергичный, полный отсылок и скрытого смысла текст самого «Мастера пиротехники» — Альфреда Бестера. Роман, совершивший прорыв из «Золотого века» в «Новую волну» и ставший прообразом «киберпанка». Публикуется в новом переводе.

Межпланетный корабль «Кочевник» был атакован и уничтожен. «Ворга» прилетел на сигнал бедствия, но не оказал помощь. Гулливер Фойл, единственный оставшийся в живых, брошен на верную смерть. У Фойла появляется цель — отомстить экипажу «Ворги». Месть станет легендарной и отправит человечество к звездам.

Альфред Бестер
Моя цель — звезды

Часть первая

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

***Уильям Блейк*[1]**

[1] Примечания: 1
Перевод С. Маршака.

Пролог

То был золотой век, время захватывающих приключений, щедрое на жизнь и жестокую смерть… Правда, никто так не считал. То было будущее богатства и воровства, разбоя и насилия, культуры и порока… Правда, никто его таким не признавал. То был век всего чрезмерного, великолепное столетие фриков… И никому оно не пришлось по вкусу.

Были обжиты все пригодные для этого миры Солнечной системы. Три планеты, восемь спутников, одиннадцать миллиардов человек; они роились в одной из наиболее увлекательных эпох в истории человечества, но мечтали, как обычно, о других временах. Солнечная система кишела жизнью. Люди питались, воевали и размножались, создавали новые технологии, которые выскакивали, подобно семенам из стручка, но вскоре их место занимали более совершенные; люди готовились выбраться в глубокий космос, снаряжая первую экспедицию к дальним звездам; но…

— Где же новые фронтиры? — вопили Романтики, и знать не знали, что новый фронтир — фрон-

тир человеческого сознания — уже открыт.

Это произошло в каллистянской лаборатории на рубеже двадцать четвертого века. Исследователь по имени Джонт ненароком устроил пожар. Загорелись и лабораторная установка, и он сам. Так уж вышло. Он в отчаянии возопил о помощи, и все его мысли в этот момент были только об огнетушителе. Не было предела изумлению и самого Джонта, и его коллег, когда бедолага внезапно обнаружил себя рядом с вышеуказанным огнетушителем, в семидесяти футах от лабораторного стола.

Джонта расспрашивали и обследовали так и сяк, пытаясь в точности воссоздать обстоятельства мгновенного перемещения на семьдесят футов. Телепортация… транспортировка через пространство силою одной лишь мысли… Это была давняя теоретическая придумка. Нельзя было исключать, что такое уже случалось в прошлом: тому имелось несколько сотен скверно документированных подтверждений. Но в данном случае все отличалось: акт телепортации впервые возымел место в присутствии профессиональных наблюдателей. Ученые с дикарским азартом набросились на эффект Джонта. Слишком уж потрясающие перспективы он открывал, чтобы

ходить вокруг да около, да и сам Джонт только и мечтал увековечить свое имя. Он с готовностью согласился и на всякий случай простился с друзьями. Джонт понимал, что риск смерти очень велик: если понадобится, коллеги его убьют. Уж в этом-то не было сомнений.

Двенадцать психологов, парапсихологов и нейрометристов различных специальностей были назначены ответственными наблюдателями нового опыта.

Экспериментаторы поместили Джонта в неразрушимый кристаллический контейнер. Открыли клапан, пустили внутрь воду и сбили рычаг клапана на глазах у Джонта. Теперь открыть бак было невозможно, и поток воды оказался неостановим.

Теория предполагала, что именно страх смерти принудил Джонта телепортироваться. Чтобы воссоздать эти условия, требовалось снова напугать его до смерти. Бак стремительно заполнялся. Наблюдатели регистрировали, камеры записывали.

Джонт начал тонуть.

И вдруг оказался снаружи бака, отчаянно кашляя, с него ручьем лила вода.

Он телепортировался снова.

Эксперты обследовали и расспросили его.

Изучили графики и рентгенограммы, модели нейронных связей и биохимические анализы. Понемногу становилось понятно, какой именно фактор помог Джонту телепортироваться. На техническом совещании было принято секретное решение: объявить набор добровольцев-самоубийц. Программа исследований телепортации еще пеленки пачкала. Единственным известным хлыстом оставалась смерть.

Они тщательно проинструктировали волонтеров. Джонт рассказал, что он сделал и как, по его мнению, ему это удалось. Затем добровольцев начали убивать. Их топили, вешали, сжигали заживо. Были изобретены и новые формы медленного контролируемого убийства. Никому из подопытных не дозволялось сомневаться, что у них иная цель, кроме смерти.

Восемьдесят процентов пали жертвами науки. Их агония и муки совести невольных убийц стали предметами отдельных интереснейших исследований, однако места в истории не получили. Таков уж был тот жестокий век.

Восемьдесят процентов добровольцев погибли. А двадцать ушли в джонт. (Имя почти сразу стало нарицательным.)

— Верните нам романтические времена! —

взывали Романтики. — Века, когда люди могли рисковать жизнями ради великих приключений!

Быстро накапливались новые данные. К концу первой декады двадцать четвертого века принципы джонта были твердо установлены, и открылась первая школа, которой руководил сам Чарльз Форт Джонт. Ему исполнилось пятьдесят семь. Он обессмертил свое имя и неустанно мучился от осознания, что ему никогда более не хватило смелости уйти в джонт. Примитивные дни остались позади: не было нужды угрожать смертью, чтобы человек телепортировался. Люди научились распознавать, взращивать и эксплуатировать новооткрытый ресурс бездонного разума.

Как же именно человек телепортируется? Одно из наименее удовлетворительных объяснений дал некий Спенсер Томпсон, пиарщик сети школ Джонта, в интервью для прессы.

ТОМПСОН. Джонт подобен зрению. Это естественная способность почти любого человеческого организма, однако ее требуется тренировать и постоянно развивать.

РЕПОРТЕР. Вы что, хотите сказать, что без такой тренировки мы не могли бы видеть?

ТОМПСОН. Либо вы еще не женаты, либо у вас нет детей, либо и то и другое одновременно.

(Смех в зале.)

РЕПОРТЕР. Я не понимаю…

ТОМПСОН. Любой, кто наблюдал, как младенец учится пользоваться глазами, понял бы меня.

РЕПОРТЕР. А что такое телепортация?

ТОМПСОН. Самоперенос из одного места в другое силой одного лишь разума.

РЕПОРТЕР. Значит ли это, что мы способны *передумать* себя… ну… из Нью-Йорка в Чикаго?

ТОМПСОН. Именно так. По крайней мере это известно в точности. Джонтируя из Нью-Йорка в Чикаго, необходимо досконально вообразить себе, откуда стартуешь и где желаешь оказаться.

РЕПОРТЕР. Это как?

ТОМПСОН. Если вас поместить в темную комнату, без понятия, где находитесь, то безопасный джонт станет для вас невозможен. Кроме того, если даже вы прекрасно представляете себе, где вы, но желаете джонтировать в никогда прежде не виденное место, живым вы туда не доберетесь. Нельзя джонтировать из неизвестности в неизвестность. Оба пункта, отправления и прибытия, требуется изучить и запомнить.

РЕПОРТЕР. Но если мы знаем, где мы и куда

направляемся, то…

ТОМПСОН. Можно быть уверенными, что вы уйдете в джонт и прибудете на место.

РЕПОРТЕР. А если мы прибудем нагими?

ТОМПСОН. Только в том случае, если отправитесь нагими.

(Смех в зале.)

РЕПОРТЕР. То есть, я хотел спросить, телепортируется ли вместе с нами и наша одежда?

ТОМПСОН. Когда люди телепортируются, они телепортируют вместе с собой все, что на них надето, и все, что способны удержать при себе. Мне горько разочаровывать вас, но женские одежки прибудут вместе с хозяйкой.

(Смех в зале.)

РЕПОРТЕР. Но как это сделать?

ТОМПСОН. А как мы думаем?

РЕПОРТЕР. Силой разума.

ТОМПСОН. Ну и как думает разум? Что такое мышление? Как мы запоминаем, воображаем, делаем выводы, создаем новое? Как работают мозговые клетки?

РЕПОРТЕР. Не знаю. Никто не знает.

ТОМПСОН. И вот так же никто в точности не знает, как телепортироваться, однако нам известно, что мы на это способны, как известно

то, что мы способны мыслить. Вы слышали про Декарта? Он говорил: Cogito ergo sum[2]. Мы же говорим: Cogito ergo jaunteo. Мыслю, следовательно, джонтирую.

Если объяснение Томпсона вам показалось недостаточно вдохновляющим, прочтите-ка нижеследующую выдержку из отчета сэра Джона Кельвина Королевскому научному обществу о механизме джонта.

> Мы установили, что способность к телепортации связана с так называемыми тельцами Ниссля, или тигроидным веществом нервных клеток. Тигроидное вещество проще всего обнаружить методом Ниссля… 3,7 г метиленового голубого и … г оливкового (венецианского) мыла в 1000 $см^3$ воды…
>
> …Если тигроидное вещество не выявлено, субъект неспособен уходить в джонт. Телепортация, таким образом, есть тигроидная функция.

(Бурные аплодисменты аудитории.)

---

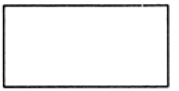
[2] Примечания: 2
Мыслю, следовательно, существую (*лат.*).

Джонтировать может, в принципе, любой, были бы способность к визуализации да умение сконцентрироваться. Требуется точно и полно представить себе место, куда желаешь попасть, и, сконцентрировав латентную мыслеэнергию, единым толчком перенестись туда. А главное, нужна вера. Вера, которую Чарльз Форт Джонт так никогда и не сумел восстановить. Необходимо верить, что ты джонтируешь. Малейшее сомнение блокирует мыслеимпульс, порождающий телепортацию.

Врожденные ограничения человеческого организма накладывали отпечаток и на способность к телепортации. Некоторым удавалось превосходно визуализировать и установить координаты пункта назначения, а воли переместиться туда у них не было. У других такая воля имелась, но они, образно говоря, не видели, куда ведет их джонт. Окончательным и универсальным барьером выступал космос. Никто еще не смог телепортироваться дальше, чем на тысячу миль. Путешествие из Нома в Мехико можно было осуществить последовательными джонтами через море и сушу, но не далее, чем на тысячу миль.

К 2420 году бланки заявлений о приеме на работу выглядели следующим образом:

Место зарезервировано для снимка сетчатки глаза



ИМЯ ....

ОТЧЕСТВО (если есть) ФАМИЛИЯ

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА
(официальной регистрации) ....
континент страна округ

ДЖОНТ-КЛАСС (официально сертифицированный, отметить только одну графу)

L (50 миль) ..... M (1000 миль) .....

X (10 миль)..... D (500 миль) .....

V (5 миль) ..... C (100 миль) .....

Старое Бюро автомобильной регистрации перепрофилировалось в службу джонт-тестирования и сертификации. Американская автомобильная ассоциация, ААА, поменяла аббревиатуру на АДА.

Несмотря на многочисленные усилия, никто не смог джонтировать через великую пустоту космоса, хотя пытались как эксперты, так и просто дураки. Так, некий Гельмут Грант месяц напролет запоминал координаты джонтировочной площадки на Луне, а также каждую милю из двухсот сорока тысяч, отделявших его по кратчайшей

траектории от Таймс-сквер до Кеплер-сити. Грант ушел в джонт и бесследно исчез. Его так и не нашли.

Не были найдены и Энцио Дандридж, лосанджелесский религиозный возрожденец, стремившийся попасть на Небеса; Якоб Мария Фрейндлих, парафизик, которому стоило бы подыскать объект для джонта получше, чем сокрытые в глубинах космоса метаизмерения; Коган по прозвищу Кораблекрушенец, профессиональный вымогатель секретов, и сотни других: сумасшедших, невротиков, эскапистов, самоубийц. Космос для телепортации оставался закрыт. Джонтирование было возможно только на поверхностях планет Солнечной системы.

Однако спустя три поколения джонт охватил всю Солнечную систему. Переход оказался даже более впечатляющим, чем от гужевого транспорта к бензиновому четырьмя столетиями раньше. На трех планетах и восьми спутниках рушились незыблемые социальные, юридические и экономические структуры. Новые законы и обычаи вступали в действие, прорастали как грибы после дождя, порождаемые универсальной способностью к джонтированию. Жители неплодородных пустынь джонтировали в леса и поля, угоняли

скотину и истребляли дичь; начались мятежи. В строительстве и планировании офисных площадей грянула революция: несанкционированные джонты конкурентов приходилось предотвращать, сооружая лабиринты и ловушки. Существовавшие до открытия джонта отрасли промышленности банкротились и коллапсировали. Воцарились паника и бескормица.

Свирепствовали заразные заболевания, иногда пандемические: бродяги и нищие, джонтируя, разносили паразитов и возбудителей инфекции по беззащитным странам. Малярия, слоновая болезнь и лихорадка на севере достигли Гренландии; в Англию после трехсотлетнего перерыва вернулось бешенство. По всем уголкам мира расползлись японский хрущ, цитрусовая поганка, каштановая моль, изумрудная ясенежорка, а из богом забытой дыры на Борнео вылезла и начала шириться давно, казалось бы, уничтоженная проказа.

По планетам и спутникам прокатывались волны преступлений: обитатели ночного мира тоже научились джонтировать. Полиция, не стесняясь в средствах, отчаянно сражалась с ними на каждом углу. Исподволь возрождалось худшее ханжество Викторианской эпохи:

общество отвечало на угрозу сексуального и морального разложения, привнесенную джонтом, протокольными ограничениями и табу. Между Внутренними Планетами (Венерой, Террой и Марсом) и Внешними Спутниками разразилась беспощадная и свирепая война, вызванная давлением телепортации на политику и экономику.

До начала эры джонта три Внутренних Планеты и Луна поддерживали хрупкое экономическое равновесие с семеркой обитаемых Внешних Спутников: Ио, Европой, Ганимедом и Каллисто, спутниками Юпитера, Реей и Титаном, спутниками Сатурна, и Ласселлом, спутником Нептуна[3]. Объединенные Внешние Спутники поставляли Внутренним Планетам сырье и создавали рынок для сбыта готовой продукции последних. Всего десятилетие потребовалось, чтобы под напором джонта это равновесие рухнуло.

Внешние Спутники, молодые и, само собой, относительно слаборазвитые, закупали семьдесят процентов продукции транспортной отрасли промышленности Внутренних Планет. Джонт с

[3] Примечания: 3

В настоящее время такого спутника у Нептуна нет. Именем Уильяма Ласселла, британского астронома, называется одно из колец Нептуна. Об их существовании у этой планеты Бестеру, однако, еще не могло быть известно. — *Примеч. перев.*

этим покончил. Они также закупали девяносто процентов коммуникаторов, произведенных на Внутренних Планетах. Джонт и это обессмыслил. В итоге поток сырья с Внешних Спутников на Внутренние Планеты полностью пересох.

Крах торговли, естественно, привел к трансформации экономической войны в реальную. Картели Внутренних Планет отказывались отгружать Внешним Спутникам промышленное оборудование, стремясь защитить себя от конкуренции. Внешние Спутники в ответ конфисковали все планеты, расположенные поблизости, разорвали договоренности о взаимном признании патентов и отчислении авторских гонораров… и тут началась война.

То был век фриков, монстров и гротескных выходок. Мир изменился — зловещим и завораживающим образом. Приверженцы Классицизма и Романтизма, ненавидевшие свое время, не уделяли внимания росткам потенциального величия двадцать пятого века. Они оставались слепы к холодному сиянию фактов эволюции. Прогресс рождается из слияния-столкновения антагонистических крайностей, когда браком сочетаются вопиющие фрики. Классицисты и Романтики одинаково проглядели приближение

Солнечной системы к рубежу взрывоподобного качественного перехода, который способен был трансформировать человечество и сделать людей повелителями Вселенной.

Вот на таком бурлящем историческом фоне двадцать пятого столетия начинается история возмездия Гулливера Фойла.

Глава 1

Он умирал уже сто семьдесят дней и все же не был мертв. Он сражался за жизнь с яростью зверя, угодившего в ловушку. Он был в умопомрачении, гнил заживо, но время от времени примитивный его разум восставал из пылающего кошмара битвы за выживание и обретал некое подобие нормальности. Тогда вздымал он ничего не выражавшее лицо свое к Вечности и бормотал:

— Ну что такое со мной-то? Помогите, ядреные боги! Помогите, и всё.

Богохульство ему легко давалось: так он говорил всю свою жизнь. Он рос в сточной канаве двадцать пятого столетия и привык изъясняться языком помоек. Из всех отбросов общества он казался наименее ценным и обладал наибольшими шансами выжить. Он цеплялся за жизнь и молился, пользуясь богохульным наречием, но время от времени мятущийся разум его перескакивал лет на тридцать назад, в детство, и тогда ему вспоминалась старая песенка-нескладуха:

Гулли Фойл — таково мое имя,
Мне приютом — небесная твердь,

С Терры жизнь от рожденья влачу я,
Ну а цель у меня — только смерть.

Он был Гулливером Фойлом, помощником механика третьего класса, тридцати лет от роду, крепкого телосложения и вспыльчивого нрава. Он дрейфовал в космосе уже сто семьдесят дней. Он был Гулли Фойлом, смазчиком, уборщиком, бункерным грузчиком. Чересчур легкомысленный, чтобы о чем-то тревожиться, слишком туповатый, чтобы чему-то радоваться, слишком пустой, чтобы с кем-то дружить, чересчур ленивый, чтобы в кого-то влюбиться. Летаргическое состояние его характера хорошо иллюстрируется записью в официальном реестре Торгового флота:

ФОЙЛ, Гулливер, л/д AS-128/127:006
Образование: нет
Особые навыки: нет
Личные качества: нет
Рекомендации: нет

Краткая характеристика сотрудника. *Человек физически сильный, с недюжинным интеллектуальным потенциалом, развитие тормозится недостатком амбиций. Личностная энергия в минимуме. Стереотипный Обычный Человек*

Непредвиденный шок способен его пробудить, но психологам не удалось подыскать к нему ключика. Для повышения по службе не рекомендуется. Развитие личности зашло в тупик.

Он действительно зашел в тупик. Он плыл по течению жизни тридцать лет, словно броненосец, ленивый и ко всему безразличный, Гулли Фойл, стереотипный Обычный Человек. Теперь, однако, он дрейфовал в космосе сто семьдесят дней, и ключ к его пробуждению уже был вставлен в замочную скважину. Вот-вот он повернется и откроет дверь для нового холокоста.

Космический корабль «Кочевник» завис примерно на полпути между Марсом и Юпитером. Какая бы катастрофа с ним ни стряслась, ясно было одно: нечто вроде тонкой стальной ракеты, длиной сто ярдов и шириной сто футов, врезалось в него и содрало всю обшивку, оставив скелет, на котором хаотично болтались фрагменты кают, палуб, переборок и поручней. Огромные дыры в корпусе пропускали яростный солнечный свет с одной стороны и льдистый звездный — с другой. «Кочевник» висел в недвижной невесомой пустоте, между слепящим солнцем и непроглядной тьмой, вымороженный и безгласный. Искореженный корабль заполняли плавающие

в невесомости мертвенно-стылые обломки, что придавало его внутренностям сходство с моментальным фотоснимком какого-то взрыва. Гравитационное притяжение обломков, хоть и незначительное, постепенно собирало их в более крупные кластеры, а те временами растаскивал, расчищая себе путь, единственный выживший в катастрофе. Звали его Гулливер Фойл, личное дело AS-128/127:006.

Он ютился в единственном помещении на борту полуразрушенного судна, откуда еще не вышел воздух, а именно — в шкафчике для инструментов, что в коридоре, ведущем на главную палубу. Шкаф был размерами четыре на четыре на девять футов и походил на довольно большой гроб. Шестью веками раньше на Востоке считалось весьма изощренной пыткой поместить человека в клетку таких размеров на несколько недель. А вот Фойл провел в ней — в полной темноте — уже пять месяцев, двадцать дней и четыре часа.

— Кто ты?

— Гулли Фойл, таково мое имя.

— Где ты?

— Мне приютом — небесная твердь.

— Откуда ты?

— С Терры жизнь от рожденья влачу я.

— Куда ты направляешься?

— А цель у меня — только смерть.

На сто семьдесят первый день битвы за жизнь Фойл в очередной раз ответил на эти вопросы и пришел в себя. Сердце его молотом колотило в грудную клетку, глотка пересохла. Он потянулся через тьму к воздушному баллону, с которым делил гроб, и проверил его. Баллон оказался пуст. Следовало немедленно притащить новый. Итак, день начнется с очередного поединка со смертью. Это Фойл воспринял с тупой готовностью.

Он обшарил полки шкафа и нащупал там продранный скафандр. Других на борту «Кочевника» не было. Фойл уже не помнил, где и как он обнаружил этот. Дыру он залатал герметизирующим спреем, но способа заново наполнить кислородом или заменить баллоны на спине скафандра не нашел.

Фойл влез в скафандр. Туда вместе с ним проникло ровно столько воздуха из шкафа, чтобы хватило на пять минут пребывания в вакууме. Не больше.

Фойл открыл дверцы шкафа и выплыл наружу, в морозную черноту космоса. Немного воздуха улетучилось, и содержавшаяся в нем влага тут же осыпалась снежным облачком, которое

утянулось вниз по искореженному коридору на главную палубу. Фойл зацепил израсходованный баллон, вытащил его из шкафа и оттолкнул прочь. Прошла минута.

Он развернулся и растолкал парящие в коридоре обломки, направляясь через люк в сторону балластного отсека. Он не бежал, но двигался тем уникальным способом, какой применим только в сочетании свободного падения с невесомостью; отталкивался ногой, локтем и рукой от палубы, стены и угла — и плыл, словно в замедленной съемке, через пространство. Так могла бы перемещаться под водой летучая мышь. Фойл пролетел через люк в темный балластный отсек. Прошло две минуты.

Как и все космические корабли, «Кочевник» располагал балластными и крепежными резервуарами, вытянутыми вдоль киля в подобие древнего бревенчатого плота, опутанного лабиринтом сплетения трубопроводов. Минута ушла у Фойла, чтобы отсоединить очередной баллон. Не было средства установить, полон тот или уже пуст: узнать, окончится ли на этом баллоне его жизнь, можно было только по возвращении к шкафу. Раз в неделю Фойл играл в эту космическую рулетку. Пока что игра продолжалась.

В ушах ревело: воздух в скафандре быстро заканчивался. Фойл толкнул массивный цилиндрический баллон в сторону люка так, чтобы тот пролетел над его головой, после чего и сам туда протиснулся. Четыре минуты истекли. Его трясло, зрение мутилось. Он направил баллон вниз по коридору и затолкал в шкаф.

Выдавив дверь шкафа, он запер ее за собой, отыскал на полке молоток и трижды врезал им по баллону, покрытому изморозью, чтобы ослабить клапан. Мрачно повернул кран. Из последних сил откинул забрало скафандрового шлема, чтобы не задохнуться в наполненном воздухом шкафу… если в баллоне есть воздух. Он потерял сознание, как с ним часто случалось и прежде. Непонятно было, смерть это или еще нет.

— Кто ты?
— Гулли Фойл.
— Где ты?
— В космосе.
— Откуда ты?
— С Терры.
— Куда ты направляешься?

Фойл очнулся. Он был жив. Он не тратил время на благодарности или молитвы, продолжая вместо этого борьбу за жизнь. Во мраке он обшарил

полки шкафа, где хранил припасы. Оставалось всего несколько пакетов. Коль он и так в залатанном скафандре, можно снова выскочить в вакуум и пополнить рацион.

Он накачал скафандр воздухом из баллона, опустил забрало шлема и снова выплыл в морозный свет. Пробрался вниз по коридору и поднялся по тому, что осталось от лестницы, ведущей в рубку управления. Теперь это место представляло собой коридор посреди космоса с дырявой крышей, но почти без стен: они по большей части рухнули. Солнце было от него по правую руку, а звезды — по левую. Ориентируясь по ним, Фойл проплыл на корму в сторону кладовой. На полпути по коридору он увидел дверную раму, каким-то чудом удержавшуюся между палубой и крышей. Металлический лист двери продолжал висеть на петлях, полуоткрытый в никуда. По ту сторону протянулась усеянная неподвижными звездами пустота.

Пролетая мимо двери, Фойл заметил свое отражение в полированном хромосплаве. Гулли Фойл, темный гигант, обросший густой бородой с приставшими грязью и кровью, изнуренный, с покорным и бессмысленным взглядом больных глаз. За ним тянулся ручеек плавающего в

пустоте мусора, возмущенный его движениями, подобный хвосту тающей на солнечном свету кометы.

Фойл свернул в кладовую и начал методично, с выработанным за пять месяцев проворством, загружаться припасами. Большей частью хранившиеся на корабле продукты замерзли в камень либо взорвались. То, что было в жестянках, в основном вылетело наружу и смерзлось в пыль при абсолютном нуле космоса. Фойл собирал уцелевшие сухпайки, концентраты и лед — отламывал от взорвавшегося бака с водой. Добычу он сгрузил в большой медный котелок, развернулся и оттолкнулся прочь из кладовки, держа котелок перед собой.

Вернувшись к двери в никуда, Фойл снова глянул на свое отражение в обрамленном звездами листе хромосплава. И остановился в изумлении. Звезды за дверью стали ему давними друзьями — за пять-то месяцев. Среди них явилась незнакомка: вроде бы комета? С незримой головой и коротким извивающимся хвостом. Вдруг до Фойла дошло, что смотрит он на звездолет, кормовые дюзы которого полыхают по мере ускорения к Солнцу. Курс корабля пролегал совсем рядом.

— Нет, — пробормотал он. — Не-а, чувак. Не-а.

Его постоянно донимали галлюцинации. Он повернулся, собираясь отправиться дальше своим путем в гроб. Потом поглядел снова. Звездолет остался там, где был: кормовые дюзы полыхали ракетными залпами, разгоняя корабль к Солнцу. Он должен был пройти совсем рядом.

Фойл обсудил иллюзию с Вечностью.

— Шесть месяцев уже, — пробормотал он на языке помоек. — Щас? Послушайте меня, паршивые боги. Сделка. И всё. Я снова смотрю, сладкие мои молитвожоры. Если корабль — я ваш. Забирайте меня. А если не то, ну… если не корабль… тогда я щас выпущу себе кишки. Балласт. Мы все балласт. Дайте знак. Да или нет. И всё.

Он взглянул в третий раз. И в третий раз увидел звездолет.

Это был знак. И Фойл поверил. Он был спасен.

Фойл встряхнулся, бросил добычу и устремился по коридору в рубку управления, на мостик. На боковой лестнице ему пришлось умерить пыл. Если срочно не перезарядить скафандр, через несколько минут он потеряет сознание. Он одарил приближавшийся корабль еще одним взглядом мольбы, метнулся в шкаф и наполнил скафандр новой порцией воздуха.

Вернулся на мостик. Через дыру на месте об-

зорного окна он видел звездолет: кормовые дюзы продолжали полыхать — по всей вероятности, корабль существенно скорректировал курс, поскольку приближался теперь очень медленно.

Фойл нашел панель с надписью СИГНАЛЫ и вдавил кнопку СИГНАЛ БЕДСТВИЯ. Три секунды мучительного бездействия, и его ослепила вспышка белого света: три тройных импульса сигнала бедствия, девятикратная мольба о помощи. Фойл нажал кнопку еще дважды, и еще два раза вспышки озарили пространство. Радиоактивные изотопы, входящие в состав сигнальной смеси, генерировали статический шум электромагнитного импульса, который должен быть заметен на любой длине волны любого приемника.

Выхлоп звездолета резко стух. Его заметили. Его спасут. Фойл как заново родился. Он был на седьмом небе от счастья.

Фойл снова метнулся в свой шкаф и наполнил скафандр свежей порцией воздуха. Слезы потекли у него из глаз. Он начал торопливо собирать пожитки — часы без циферблата, которые он оставил только затем, чтоб тикали, рычаг с рукоятью в форме руки, за которую он хватался, когда подступало одиночество, яйцерезку, на чьих струнах он ухитрялся наигрывать примитивные

мелодии… От возбуждения он уронил их, начал собирать в темноте, потом покатился со смеху над собой.

Еще раз наполнив скафандр воздухом, он поспешил обратно на мостик. Нажал кнопку, помеченную как СИГНАЛ СПАСЕНИЯ. И корпус «Кочевника» изрыгнул протуберанец яркого света, видного на много миль вокруг.

— Иди ко мне, ты, малышка, — лепетал Фойл. — Спеши, парень. Спеши, малышка, малышка, ты спеши.

Как призрачная торпеда, незнакомец скользнул по внешнему гребню светового сигнала, медленно приблизился, словно бы оглядывая его. У Фойла на миг сжалось сердце: тот вел себя так осторожно, что ему вдруг подумалось, а не вражеское ли это судно, с Внешних Спутников. Но нет: он увидел хорошо знакомую красно-синюю эмблему, торговый знак могущественного клана промышленников. Клан Престейна. Престейн с Терры, великолепный, властный, щедрый. Он понял, что космическая посудина «Кочевнику», можно сказать, сестра: корабль Фойла тоже принадлежал Престейнам. Ему почудилось, что гостья парит над ним, словно ангел.

— Сестренка, — залепетал Фойл. — Маленький

ангелочек… забери меня домой…

Корабль проследовал совсем рядом с Фойлом, на уровне его груди, так что тот мог видеть освещенные иллюминаторы, название и регистрационный код, четко выделявшиеся на корпусе: «Ворга-Т:1339». Звездолет поравнялся с ним за одно мгновение, миновал за второе, удалился во тьму за третье.

Сестренка от него отреклась. Ангел бросил его в аду.

Фойл замер, оборвав приплясывание и лепет. В полном отчаянии он воззрился ей вслед. Потом кинулся к семафорной панели и яростно застучал по кнопкам, подавая все сигналы подряд: зов на помощь, посадка, отбытие, карантин. «Кочевник» воссиял белыми, красными и зелеными огнями, запульсировал, извиваясь… И тут «Ворга-Т:1339» молча, безжалостно устремилась вдаль. Кормовые дюзы ее снова загорелись ракетным пламенем. Звездолет лег на прежний курс в сторону Солнца.

За пять секунд он родился заново, прожил целую жизнь и умер.

Тридцать лет бесцельного существования и шесть месяцев пыток Гулли Фойла, стереотипного Обычного Человека, завершились. Ключ

повернулся в замке, дверь распахнулась. Это происшествие не оставило от Обычного Человека даже праха.

— Ты меня бросаешь, — проскрежетал он, наливаясь злобой. — Ты меня бросаешь тут гнить, как собаку. Оставляешь меня подыхать, ты, Ворга. Ты, Ворга-Т:1339. Не-е-е-е-ет. Я отсюда выберусь, я. Я за тобой пойду, за тобой, Ворга-Т:1339. Я найду тебя, Ворга. Я тебе за все отплачу, тебе. Я. Я тебя сгною. Я тебя убью, Ворга. Я тебя урою.

Ярость, будто кислота, потекла по его жилам, выедая тупое терпение и покорность, делавшие Гулли Фойла ничтожеством. Кислота замыкала цепь реакций, которым суждено было произвести на свет нового Гулли Фойла — адскую машину смерти. Теперь у него появилась цель.

— Ворга, ты… я тебя урою.

Он занялся тем, на что ничтожество не способно: принялся спасать себя.

Двое суток он бороздил обломки в пятиминутных вылазках, потом отыскал нечто вроде заплечной переноски, прицепил к ней баллон и присоединил к шлему скафандра импровизированным шлангом. Он извивался и протискивался, как муравей, тянущий на себе сучок, зато теперь весь «Кочевник» был ему доступен.

Фойл размышлял.

В рубке управления он нашел несколько уцелевших навигационных инструментов и научился ими пользоваться по стандартным руководствам, которые в изобилии валялись на полу. За десять лет службы на космофлоте он на это так и не сподобился, вопреки обещаниям повышенных окладов и продвижения по службе; теперь же его ждала более значительная награда: «Ворга».

Он определил, где находится. «Кочевник» висел в космосе на плоскости эклиптики, в трехстах миллионах миль от Солнца. Перед ним раскинулись созвездия Персея, Андромеды и Рыб. Почти точно впереди виднелось дымчатое оранжевое пятно Юпитера: даже невооруженным глазом было видно, что это планетарный диск. Если повезет, он доберется до Юпитера и найдет там спасение.

Юпитер не был и никогда не будет обитаем. Как и все планеты за пределами пояса астероидов, он представлял собой мерзлый ком метана и аммиака, а вот четыре крупнейших спутника его кишели людьми и городами, и все их население ныне вело войну с Внутренними Планетами. Ему грозила участь военнопленного, зато он останет-

ся жив, чтобы свести счеты с «Воргой-Т:1339»

Фойл исследовал двигательный отсек «Кочевника». В баках еще оставался запас топлива для высокоскоростных маневров, а один из четырех хвостовых двигателей казался пригодным к полету. Фойл отыскал руководства по двигателям и изучил их. Затем починил топливопровод, соединявший баки с камерой сгорания. Баки располагались на солнечной стороне корабля, поэтому разогрелись выше точки замерзания топлива, и оно оставалось жидким. Но течь не могло. В невесомости не было гравитации, способной продавить топливо вниз по топливопроводу.

Фойл продолжил изучение корабельных справочников и узнал оттуда кое-что про искусственную гравитацию. Если «Кочевник» удастся раскрутить, центробежная сила создаст на корабле достаточную силу тяжести, чтобы топливо перетекло в камеру сгорания. Если далее поджечь его там, нескомпенсированная тяга одной камеры придаст «Кочевнику» вращение.

Однако чтобы поджечь топливо, корабль сначала нужно было раскрутить. А как его раскрутить, если топливо не подожжено?

Фойл раздумывал, как выбраться из тупика. Его подстегивала «Ворга».

Он открыл дренажные каналы камеры сгорания и методично перетаскивал по ним топливо вручную, изображая собой насос. Теперь, если бы только топливо удалось воспламенить, оно будет гореть достаточно долго, чтоб корабль раскрутился и возникла сила тяжести. Затем из баков потекут новые порции топлива, и судно полетит.

Он попробовал спички.

Спички в космическом вакууме не горят.

Он испытал сталь и огниво.

Искры при абсолютном нуле не высечь.

Он задумался о нитях накаливания.

На «Кочевнике» не было электричества — ни в какой форме, — чтобы эти нити раскалить.

Фойл вернулся к руководствам и вчитался в них. Периодически сознание его оставляло — он был истощен до крайности. Тем не менее он продолжал думать и планировать. «Ворга» вознесла его к величию.

Фойл отколол лед от разбитого водяного бака, расплавил его теплом своего тела и налил воды в камеру сгорания. Топливо и вода не смешивались: вода плавала сверху тонким слоем.

После этого он обшарил склад химикатов и отыскал там серебристую проволоку чистого натрия. Просунул ее через дренажный люк. Кос-

нувшись воды, натрий вспыхнул и стремительно разогрелся. Тепло передалось топливу, и то воспламенилось от раскаленной металлической иглы. Фойл полез за рычагом и закрыл им люк. В камере началось горение топлива, из единственной уцелевшей хвостовой дюзы бесшумно вырвалось пламя, и весь корабль сотрясла беззвучная вибрация.

Центробежная тяга привела «Кочевник» в медленное вращение. Появилась сила тяжести. Вернулся вес. Паривший внутри расколотого корабля мусор осыпался на палубу, стены и потолки. Гравитация направила топливо из баков в камеру сгорания.

Фойлу некогда было радоваться. Покинув двигательный отсек, он с решимостью отчаяния устремился на мостик — сделать решающее наблюдение. Теперь станет ясно, обречен ли «Кочевник» затеряться в глубинах космоса или же ляжет на курс к Юпитеру, где ждет спасение.

Даже при небольшой силе тяжести тащить воздушный баллон оказалось практически невозможно. Затем внезапный рывок стронул с мест массы мусора, которые покатились назад по курсу «Кочевника». Фойл в это время как раз пытался взобраться в рубку по боковой лест-

нице. Обломки вылетели с мостика, ссыпались по коридору и врезались в него. Пойманный на космической карусели, он катился по пустому коридору, пока его не шибануло о переборку с такой силой, что сознание тут же стало меркнуть. Он лежал в центре мусорного кома весом добрых полтонны, беспомощный, чуть живой и горящий жаром мести.

— Кто ты?

— Где ты?

— Откуда ты?

— Куда ты направляешься?

Глава 2

Между Марсом и Юпитером раскинулся обширный астероидный пояс. Из тысяч известных и неизвестных объектов его наибольшее значение в век фриков приобрел Саргассов астероид, крохотная планета, созданная собственными обитателями за двести с лишним лет из камня и корабельных обломков.

То были дикари, единственные настоящие дикари двадцать четвертого века, потомки исследовательской группы, затерявшейся в астероидном поясе за два столетия до того, когда корабль, перевозивший ученых, потерпел крушение. К тому времени, как потомков обнаружили, у них успел оформиться собственный мирок и выработалась своеобразная культура. Они предпочли остаться в космосе, перебиваясь случайными находками и грабежами, а научный метод предков, память о котором ими сохранялась, превратили в бурлескную варварскую пародию. Себя они называли Науконародом. Мир о них успешно позабыл.

Космический корабль «Кочевник» описал петлю в пространстве, направленную ни к Юпитеру, ни к дальним звездам, но сквозь астероидный

пояс: медленную спираль агонии маленького зверька. Он проследовал на расстоянии мили от Саргассова астероида и был немедленно захвачен Науконародом, чтобы стать частью искусственной планетенки. Они нашли Фойла.

Один раз он очнулся и увидел, что его триумфально тащат на носилках через естественные и искусственные полости в толще астероида, построенного дикарями-мусорщиками. Состоял астероид главным образом из метеоритного металла и камня с включениями старых корпусных плиток. На некоторых еще можно было различить имена кораблей, откуда их содрали, давно затерянные во мгле истории космофлота: «Королева Индии», Терра; «Сыртианский бродяга», Марс; «Цирк трех колец», Сатурн. Из прибившихся к астероиду кораблей выстроили соединенные проходами залы, склады, апартаменты и прочие жилые помещения.

Фойла проволокли последовательно через древний ганимедянский шаландовик, ласселлский ледобур, капитанскую баржу, каллистянский тяжелый крейсер, топливный транспортник двадцать второго века с баками, где продолжало медленно дымиться ракетное топливо. Изнутри астероид смахивал на исполинский муравейник,

строившийся два века напролет. Здесь были арсеналы, библиотеки, музеи костюмов, склады разномастной машинерии, инструментов, выпивки, химических реактивов, синтетики и полуфабрикатов.

Толпа вокруг носилок издавала торжествующий рев.

— Не обходи мое! Кол! — орали они. — Во!

Женский хор восторженно заблеял:

Бромид аммония — 1,5 г!
Бромид калия — 3 г!
Бромид натрия — 2 г!
Лимонная кислота — необходимое кол-во!

— Не обходи мое! — ревел Науконарод. — Кол! Во!

Фойл потерял сознание.

И снова очнулся. Скафандр с него успели стащить. Он лежал в астероидной теплице: там выращивали растения, снабжавшие обитателей кислородом. Стоярдовой ширины корпус древнего грузовоза был освобожден от переборок и превращен в огромный зал, одна стена которого полностью состояла из окон, понатасканных с других кораблей. Окна были круглые, квадрат-

ные, шестиугольные, алмазной огранки, всех форм и возрастов. Высоченная стена казалась диковинным сплавом стекла и света.

Далекое Солнце пробивалось сквозь нее. Воздух был горячий и влажный. Фойл тупо оглядывался. На него уставилось лицо страшнее черта: щеки, нос, подбородок и веки были обильно татуированы, как у маори. Поперек бровей тянулось слово ДЖ♂ЗЕФ. Буква О в нем была перечеркнута тонкой стрелкой, исходившей из правого «плеча», что придавало ей сходство с древним астрологическим символом Марса, какой ученые впоследствии использовали для обозначения мужского пола.

— Науконарод суть мы, — изрек Дж♂зеф. — Я Дж♂зеф, а это люди мои.

Он сделал широкий жест. Фойл поглядел — со всех сторон вокруг носилок теснилась толпа. Все лица были татуированы и напоминали дьявольские маски, и поперек бровей на каждом было проставлено имя.

— Как долго странствовал ты? — поинтересовался Дж♂зеф.

— Ворга, — промямлил Фойл.

— Первый ты гость у нас за пятьдесят лет, кому повезло выжить. Ты силен. Очень силен. Прибы-

тие приспособленных вещает доктрина святого Дарвина. Крайне научно это.

— Не обходи мое! — замычали кругом. — Кол! Во-о-о-о-о!

Дж♂зеф взял Фойла за локоть, как мог бы терапевт взяться за запястье, считая пульс. Искривленный в дьявольской усмешке рот зашевелился. Он с идиотской серьезностью сосчитал до девяноста восьми.

— Твой пульс! Девяносто восемь и шесть! — сообщил Дж♂зеф, извлек термометр и яростно встряхнул его. — В высшей степени научно!

— Не обходи мое! — вступил хор. — Кол! Во-о-о!

Дж♂зеф выудил откуда-то плоскодонную колбу Эрленмейера с нацарапанными метками: *Легкое, кош., очищ., гематоксилин + эозин.*

— Витаминку? — вопросил Дж♂зеф.

Фойл не ответил. Дж♂зеф извлек из колбы большую таблетку, опустил в чашку, растворил и втянул через соломинку. Выдохнул разок и зажестикулировал. Подле Фойла возникла троица девушек. Лица их были замысловато татуированы. Поперек бровей у каждой шло имя: ДЖ♀АН, М♀ЙРА, П♀ЛЛИ. Буква О в каждом имени была снабжена небольшим крестиком у основания.

— Выбирай же, — проговорил Дж♂зеф. — Науко-

народ практикует естественный отбор. Научным будь ты в выборе своем. Генетичным будь!

Фойл снова отключился. Рука его безвольно соскользнула по краю носилок и коснулась Мойры.

— Не обходи мое! Кол! Во!

Он пришел в себя в круглой палате с куполообразным потолком. Помещение было уставлено ржавыми аппаратами древнего вида: центрифуга, операционный стол, поломанный флюороскоп, автоклавы, стеллажи изъеденных коррозией медицинских инструментов.

Фойл вырывался и брыкался, но его привязали к операционному столу, насильно залили внутрь питательную кашицу, побрили и помыли. Затем двое мужчин принялись вручную раскручивать старинную центрифугу. Вертясь, она издавала дребезжащее ритмичное клацанье, походившее на бой барабанов войны. Собравшиеся прыгали и скандировали что-то нечленораздельное.

Потом включился старинный автоклав. Он шипел и плевался гейзерами горячей воды; зал заполнили клубы пара. Включили старинный флюороскоп. Его тут же замкнуло, и сквозь пар полетели искры.

Над столом склонилась десятифутовая фигура:

Дж♂зеф на ходулях. На нем была хирургическая шапочка, хирургическая маска и хирургический халат, ниспадавший с плеч на пол. Халат был расшит красными и черными нитями, слагавшимися в изображения из анатомического атласа человеческого тела. Дж♂зеф походил на оживший гобелен с картинками и текстом по хирургии.

— Нарекаю тебя Кочевником! — возгласил Дж♂зеф.

Рев перешел в оглушающий вой. Дж♂зеф склонил над телом Фойла старую ржавую канистру. Из нее потек эфир.

Фойл лишился остатка чувств, и тьма поглотила его. Из тьмы снова и снова выныривала «Ворга-Т:1339», ускоряясь в направлении Солнца сквозь кровь и мозг Фойла, и он не переставая орал, что отомстит ей — орал и сам себя не слышал.

Затем появились слабые ощущения: его обмывали, кормили, а вокруг прыгали и скандировали. Наконец наступил период ясного сознания. Повисла тишина. Он лежал в кровати. С ним была девушка. М♀йра.

— Ты к-хто? — прокаркал Фойл.

— Жена твоя, о Кочевник.

— Што?

— Твоя жена! Ты выбрал меня, о Кочевник. Мы гаметы суть.

— Што?

— Научно сочетались мы, — гордо объяснила М♀йра. Закатав рукав своей пижамы, она показала ему кисть. Руку девушки обезобразили четыре уродливых царапины. — И мне сделали четыре прививки. От всего старого и всего нового, от всего земного и всего скучного.

Фойл выбрался из кровати.

— Где мы?

— В нашем доме.

— Каком доме?

— Нашем. Ты один из нас, Кочевник. Ты должен будешь жениться каждый месяц и принесешь нам много детей. Это будет научно. Но я-то первая…

Фойл перестал обращать на нее внимание и взялся обследовать комнату. Это была главная каюта какой-то маленькой ракеты, по виду — начала 2300-х. Возможно, частной яхты. Каюту превратили в спальню.

Он подобрался к иллюминаторам и выглянул. Суденышко застряло глубоко в толще астероида, соединяясь проходами с основной его частью. Он отправился в хвостовое отделение. В двух мень-

ших каютах росли растения, производившие кислород. Двигательный отсек переделали под кухню. В баках уцелело топливо, но оно теперь питало горелки на маленькой плите сразу над камерами сгорания. Фойл прогулялся на нос. Рубку управления превратили в прихожую, но основные приборы были в целости.

Он подумал немного, вернулся в хвост ракеты, на кухню, и отключил плиту, соединив топливные баки, как было, с камерами сгорания. М♀йра с интересом таскалась за ним.

— Что ты делаешь, Кочевник?

— Свалить мне надо, девочка, — пробормотал Фойл. — У меня дело к одному кораблю. «Ворга» называется. Поняла, девочка? Хочу отсюда свалить в этом корыте, ну и всё.

М♀йра встревоженно попятилась. Фойл перехватил ее взгляд и прыгнул. Он так ослабел, что девушка без труда увернулась, открыла рот и издала писклявый вопль. Сей же миг по корпусу ракеты прокатился гулкий лязг: это Дж♂зеф и его бесоликий Науконарод забарабанили по металлу, исполняя высоконаучный ритуал приветствия первого полового акта новобрачных.

М♀йра визжала и махала руками, а Фойл методично гонял ее по всей ракете. Поймав наконец в

углу, он стащил с нее пижаму, разорвал на полосы и связал ими. М♀йра так орала, что астероид мог бы расколоться от этого звука, если б не всепоглощающий ритуальный концерт.

Фойл закопался в двигательный отсек: он уже стал почти экспертом по двигателям. Покончив с настройкой, подхватил девушку и отнес к люку, ведущему наружу.

— Вали отсюда! — заорал он М♀йре в ухо. — Убирайся! Щас вылечу к едрене-фене из этого астероида! Всё тут к чертям разнесу! Может, вы все подохнете, и ты тоже. Всё раскорячу! Поняла, что будет? Никакого воздуха, никакого астероида! Скажи им! Предупреди! Вали, девчонка!

С этим напутствием он распахнул люк, выкинул в него М♀йру, захлопнул и снова запер. Кошачий концерт немедленно прекратился. Фойл вернулся в рубку управления и вдавил кнопку поджига. Автоматически включились сирены, чьего воя тут не слышали уже десятки лет. Тупой рокот прокатился по камерам сгорания. Фойл ожидал, пока они разогреются до температуры, достаточной для непрерывной реакции. Ему было тяжко. Ракету крепко вцементировало в астероид, ее окружали слои металла и камня. Кто знает, хватит ли тяги двигателей, чтобы вы-

рвать ее отсюда. Он понятия не имел, что вообще случится, когда двигатели начнут ускорять ракету. Но решил, что «Ворга» стоит риска.

Он активировал двигатели. С громогласным хлопком из хвостовых дюз вырвалось пламя. Суденышко содрогнулось, застонало, накалилось. Заскрипел и завизжал металл, а потом ракета рванулась вперед. Ошметки камня, сплавов и стекла полетели во все стороны, и корабль вырвался из утробы астероида в космос.

Патрульный крейсер космофлота Внутренних Планет подобрал его в девяноста тысячах миль за орбитой Марса. После семи месяцев конфликта патрульные стали осторожны и безжалостны; когда чужой корабль не ответил на пеленг и не предоставил никаких идентификаторов, его должны были бы разнести одним залпом, а уж потом разбираться, что он собой представлял. Но судно было маленькое, а команда патрульного крейсера изголодалась по призам за находки потерявшихся кораблей. Они приблизились к неизвестному суденышку и взяли его на абордаж.

Внутри обнаружился Фойл. Как безголовый червяк, извивался он в беспорядочно наваленной куче хлама — космических приборов и домаш-

ней утвари. У него открылись раны и началась гангрена, отчего в каюте стояла ужасающая вонь. Одна сторона головы пошла язвами. Его спешно перетащили в бортовой лазарет крейсера и занавесили отсек: даже крутых перцев, какими были флотские санитары, тянуло блевать при одном взгляде на Фойла.

Пока крейсер завершал рутинный облет периферии, полуживой скелет Фойла плавал в амниотическом баке. Когда корабль взял курс на Терру, Фойл пришел в себя и начал бормотать слова, начинавшиеся с буквы В. Он понял, что спасен. Он знал, что лишь время теперь стоит между ним и местью. Флотские услышали, как он ворочается в баке, и отдернули занавески. Затянутые пленкой глаза Фойла насилу открылись. Дежурный по лазарету не сдержал любопытства.

— Ты меня слышишь? — прошептал он.

Фойл захрипел. Дежурный склонился над баком.

— Что с тобой случилось? Кто, черт подери, над тобой так поизгалялся?

— Ыргхх? — прокаркал Фойл.

— Ты не знаешь?

— А? Чё там?

— Погоди минутку, я сейчас.

Дежурный джонтировал в соседнюю каюту и пятью секундами позже снова возник рядом с баком. Фойл высунулся из питательного раствора. Глаза его дико блуждали.

— Вспоминаю, пацан. Кое-что. Джонт. Я не мог джонтировать на «Кочевнике», я…

— Что?

— У меня башка не варила.

— Да у тебя вообще башка считай что отвалилась.

— Я не мог джонтировать. Я все забыл. Забыл, как. Я… еще не помню… я…

Он отдернулся в испуге, когда дежурный показал ему жуткую картинку замысловато татуированного лица. Лицо напоминало маорийскую ритуальную маску. Щеки, подбородок, нос и веки были разрисованы полосами и петлями. Поперек бровей шло слово К♂ЧЕВНИК.

Фойл некоторое время смотрел на картинку, потом дико завизжал. Это была не картина, а зеркало. Лицо же оказалось его собственным.

Глава 3

— Браво, мистер Харрис! Отлично! МВО, господа. Никогда не забывайте про МВО. Местоположение, высота, окружение. Единственный способ запомнить свои джонт-координаты. *Etre entre le marteau et l'enclume,* по-французски[4]. Еще рано джонтировать, мистер Питерс. Дождитесь своей очереди. Терпение, терпение, мало-помалу вы прокачаетесь до класса С. Кто-нибудь видел мистера Фойла? Он куда-то делся. *Ой, вы только посмотрите на этого шоколадного симпатягу, что он мелет. Вы только послушайте.* Простите, я что, все это время думала? Или говорила вслух?

— Поровну то и то, мэм.

— Нечестно как-то. Односторонняя телепатия — такая досада. Простите, что все время осыпаю вас мыслями, как шрапнелью.

— А нам нравится, мэм. Вы классно мыслите.

— Как лестно от вас это слышать, мистер Горгас. Так, класс, вернулись в школу и начали сначала. Мистер Фойл уже джонтировал? Я за ним все не услежу.

---

[4] Примечания: 4
Между молотом и наковальней (*фр.*).

Робин Уэнсбери вела урок джонтирования по Нью-Йорку для своего реабилитационного класса. Занятие это — терапия лиц с нарушениями мозговой активности — было столь же увлекательным, как и преподавание в настоящем классе начальной школы. Она относилась к взрослым, будто они дети, а тем это скорее нравилось. За последний месяц они научились запоминать джонт-координаты перекрестков, скандируя хором:

— МВО, мэм. Местоположение. Высота. Окружение.

Робин была высокой красивой негритянкой, умной и образованной. И постоянно смущалась того, что рождена телепередатчиком — односторонним телепатом. Она транслировала свои мысли миру в широкополосном режиме, а взамен не получала ничего. Этот недостаток закрыл ей путь к более гламурным профессиям, зато очень пригодился на должности лектора. Вопреки своему бурному темпераменту Робин Уэнсбери стала методичным и терпеливым джонт-инструктором.

Ее ученики из Центрального военного госпиталя попали прямиком в джонт-школу, занимавшую целое здание на углу 42-й улицы, недалеко

от моста через Гудзон. Оттуда они маршировали черепахой к просторной джонт-площадке на Таймс-сквер и старательно запоминали ее координаты. Затем джонтировали в школу и назад на Таймс-сквер. Перегруппировав черепаху, маршировали на Коламбус-сёркл и запоминали координаты этой площади. После этого джонтировали назад в школу, уже через Таймс-сквер, и возвращались тем же путем на Коламбус-сёркл. И еще раз выстраивались черепахой, и маршировали на Великую армейскую площадь, а потом запоминали координаты и уходили в джонт.

Робин приходилось заново обучать пациентов, позабывших искусство джонтирования, как, образно говоря, тормозить на общественных джонт-остановках. Впоследствии она показывала им, как запоминать и применять координаты перекрестков. Кругозор пациентов расширялся, утраченные умения возвращались, им становилось все легче запоминать джонт-координаты в пределах, ограниченных теперь лишь врожденной мерой способности к телепортации. Первым же делом им растолковывали: чтобы запомнить какое-то место, надо его сначала увидеть, а значит, сперва потребуется попасть туда пешком или на транспорте. Даже трехмеркограммы не

оказывали желаемого воздействия. Кругосветное путешествие обрело новый смысл для тех, кто мог себе его позволить.

— Местоположение. Высота. Окружение, — повторяла Робин Уэнсбери, а ученики джонтировали по остановкам от Вашингтон-хайтс до Гудзонского моста и обратно, телепортируясь примерно на четверть мили за скачок и старательно следуя наставлениям прекрасной темнокожей преподавательницы.

Невысокий сержант-техник, чья макушка поблескивала платиной, внезапно обратился к ней на помоечном жаргоне:

— Но тут нет никакой высоты, ёперный балет, мэм. Мы же тут на земле, не?

— *Здесь нет* никакой высоты, сержант Логан. *Здесь нет* — так будет корректнее. Извините, пожалуйста, но я так привыкла учительствовать, что мыслеконтроль дается мне тяжело. Вести с войны очень беспокоят… Как только разберемся с перемещением по остановкам на крышах небоскребов, сразу же перейдем к высоте, сержант Логан.

Человек с металлическим черепом переварил услышанное и задал новый вопрос:

— А мы вас слышим, когда вы думаете, так, да?

— Точно.

— А вы нас не слышите?

— Нет. Я односторонняя телепатка.

— Но мы все слышим вас или это только я? Или все?

— По-разному бывает, сержант Логан. Стоит мне сконцентрироваться на ком-либо, и меня слышит только он, а когда я даю себе послабление, то все и каждый… *ох, бедолаги.* Извините. — Робин обернулась и скомандовала: — Старшина Харрис, не раздумывайте слишком долго перед джонтом. Вы начнете сомневаться в себе. Сомнение — убийца джонта. Просто шагните вперед и приземлитесь на той стороне.

— Я тревожусь иногда, мэм, — отвечал космофлотский старшина с туго перебинтованной головой. Он явно колебался на пороге скачка.

— О чем же?

— А вдруг там, куда я прибуду, кто-нибудь стоит. Тогда будет чертовская непонятка, мэм. Извините…

— Я же вам сто раз объясняла. Эксперты разработали схему размещения джонтировочных платформ с оглядкой на пиковый трафик. Вот поэтому частные джонт-остановки маленькие, а та, которой мы пользуемся, на Таймс-сквер,

шириной добрых две сотни ярдов. Все это математически рассчитано. Существует лишь один шанс одновременного появления из десяти миллионов. Это даже меньше, чем вероятность погибнуть при катастрофе пассажирской ракеты.

Перебинтованный флотский старшина с туповатым видом покивал и поднялся на платформу. Та была круглая, из белого бетона, разукрашенная странными черно-белыми узорами для лучшей запоминаемости. В центре остановки была врезана подсвеченная плитка, на которой значились название этого места и джонт-координаты: долгота, широта, высота над уровнем моря.

Пока забинтованный ветеран собирался с духом для первого джонта, на платформе внезапно замелькали, прибывая и отбывая, смутные силуэты. Они появлялись лишь на мгновение: выходили из джонта, замирали, сверяя координаты и окружение, а затем джонтировали дальше. При каждом исчезновении раздавался слабый хлопок: это оттесненный воздух заполнял пустоту, оставшуюся на месте внезапно пропавшего тела.

— Класс, погодите, — скомандовала Робин. — У нас тут образовался движняк. Все покиньте платформу, пожалуйста.

Рабочие в тяжелых комбинезонах, припоро-

шенных снежком, держали путь домой на юг после вахты в северных лесах. Пятьдесят молокоразвозчиков в белой униформе направлялись к западу, в Сент-Луис. Они следовали за убегающим утром из часового пояса Восточного побережья в Тихоокеанскую зону. А вот из восточной Гренландии, где уже настал полдень, на ланч в Нью-Йорк устремилась еще одна колонна офисных служащих.

Спустя несколько минут суматоха унялась.

— Порядок, класс, — оповестила Робин. — Продолжаем. А где мистер Фойл? Он то и дело куда-то пропадает.

— С таким лицом, как у него, мэм, трудно его в этом винить, ну понимаете. Мы в госпитале для мозговиков его знаете как прозвали? Бугимен.

— Он и вправду выглядит устрашающе, сержант Логан, трудно с вами спорить. А разве нельзя удалить эти… метки?

— Они пытались, мисс Робин, но не понимали, как. Это называется татуировкой. Это, ну, в общем, никто теперь не знает, как это делается.

— А как сам мистер Фойл воспринимает свое лицо?

— Никто не знает, мисс Робин. Он в церебральном отделении, потому что он, ну, это, съехал с

катушек. Он ни фига не помнит. Я вот что скажу: был бы я такой образиной, я бы тоже все на свете позабыл.

— Как жаль. Он кажется небесталанным человеком. Сержант Логан, а вы думаете, мистер Фойл уловил, что я о нем подумала, и оскорбился?

Коротышка с платиново сверкавшим черепом поразмыслил:

— Не, мэм. Вы никого из нас тут не сможете задеть, мэм. Да и Фойла, ну куда его там. Он же тупой, как валенок, вот.

— Я бы на вашем месте попридержала язык, сержант Логан. Видите ли, никому ведь не понравится узнать, что другой человек на самом деле о нем думает. Мы лишь воображаем, что мы можем это угадать. *Ерунда. А я тут как оплеванная хожу с этим даром телетрансляции. И вдобавок одинокая. Отверженная…* Я… Ой, короче, вы меня не слышали. Извините. Мне тяжело контролировать свои мысли. Я… А, вот и вы, мистер Фойл. Бога ради, где это вы шлялись?

Фойл только что джонтировал на платформу и безмолвно спускался с нее, отвернув от соучеников свое обезображенное лицо.

— Я, ну, практиковался, — промямлил он.

Робин подавила прилив омерзения и с друже-

любной улыбкой приблизилась к несчастному. Взяла его за руку.

— Вам стоило бы проводить в классе больше времени. Мы здесь все друзья, и нам хорошо вместе. Правда. Присоединяйтесь.

Фойл отводил взгляд. Потом внезапно вырвал руку, и тут же Робин сообразила, что рукав его одежды весь мокрый. Да что там, с больничного халата просто текло.

Мокрый? Он где-то попал под дождь. Но я же утром смотрела погоду. Никакого дождя восточнее Сент-Луиса. Значит, он должен был джонтировать дальше. А ведь он не умеет. Он же полностью потерял память и лишился способности к джонту… Значит, он притворяется!

Фойл сгреб ее в охапку.

— Ты, завали пасть!

Дикая ярость исказила его лицо.

Значит, ты притворяешься.

— Что ты обо мне знаешь?

Да хватит тебе дурака валять. Не устраивай тут сцен.

— Они тебя слышали?

Не знаю. Отойди от меня.

Робин отступила от Фойла на шаг.

— Класс, все в порядке. На сегодня закончили.

Возвращайтесь в школу и уезжайте на больничном автобусе. Вы джонтируете первым, сержант Логан. Помните: МВО. Местоположение, высота, окружение…

— Что ты хочешь? — проскрежетал Фойл. — Денег хочешь?

— *Тихо. Прекрати тут сцену устраивать.* Не надо колебаться, старшина Харрис. Просто сделайте шаг и уйдите в джонт.

— Я хочу с тобой поговорить, ты.

— *А я не хочу.* Мистер Питерс, погодите немного. Не спешите так.

— Ты доложишь про меня в госпиталь?

Само собой.

— Я хочу с тобой поговорить, ты. Они ушли. Все. У нас есть немного времени. Я хочу с тобой поговорить в твоей квартире.

— В моей квартире?

Робин неподдельно испугалась.

— В Грин-Бэй, Висконсин.

— Чушь. Я не намерена ничего обсуждать с…

— Вы намерены, мисс Робин. Вы намерены, скажем, сохранить в целости свою семью?

Фойл усмехнулся, поймав нахлынувшую от девушки волну ужаса.

— Встречаемся у тебя в квартире, — повторил

он.

— Ты же не можешь точно знать, где я живу, — промямлила она.

— Я ж тебе сказал, нет?

— Т-т-ты не сможешь так далеко джонтировать. Ты…

— Не смогу? — Маска искривилась в ухмылке. — Ты мне сказала, что я притворяюсь. Ты правду говорила. У нас полчаса. Я тебя там встречу.

Квартира Робин Уэнсбери располагалась в основательном здании на берегу Грин-Бэй. Жилой многоквартирный дом выглядел так, словно по мановению волшебной палочки его выдернуло из городского квартала и воткнуло посредь висконсинских сосен. Такие постройки стали обыденным явлением в мире джонта. Светом и теплом дом обеспечивал себя сам, а джонт решал транспортные проблемы. Поодиночке и группами такие здания появлялись в лесах, пустынях и дебрях.

Сама квартира была четырехкомнатная, тщательно заэкранированная, чтобы соседям не досаждали телепатемы Робин, заваленная стопками книг и музыкальных записей, увешанная картинами и чертежами. Антураж свидетельствовал,

что неудачливая односторонняя телепатка ведет жизнь культурную, но крайне одинокую.

Робин джонтировала в гостиную через несколько секунд после того, как там появился Фойл. Он ожидал ее с выражением грозного нетерпения на лице.

— Ну, теперь ты знаешь наверняка, — начал он без предисловий и больно стиснул ее кисть. — Но ты никому не скажешь про меня в госпитале, мисс Робин. Никому, слышала?

— Оставь меня!

Робин хлестала его по лицу.

— Зверь! Дикарь! Не прикасайся ко мне!

Фойл выпустил девушку и отступил на шаг. Мощь ее омерзения заставила его сердито отвернуться, уводя лицо от ее взгляда.

— Ты притворялся. Ты помнишь, как джонтировать. Ты все это время джонтировал, как нормальный человек, пока торчал в классе для начинающих. По всей стране. По всему миру, я так понимаю. Да?

— Ага. От Таймс-сквер до Коламбус-сёркл через… через разные места, мисс Робин.

— И вот потому-то ты все время пропадал из виду. Но зачем? Зачем? Чего тебе надо?

На жутком лице его возникло хитрое выра-

жение.

— Я тут прячусь, в госпитале, да. Это моя база. Я кое-что готовлю, мисс Робин. Мне кое-кто должен. И мне надо найти один корабль. Хочу с ней за все рассчитаться. С ней. Я тебя убью, Ворга! Я тебя урою!

Он умолк и торжествующе воззрился на нее. Робин отшатнулась.

— Бога ради, да о чем ты вообще говоришь?

— Ворга. Ворга-Т:1339. Ты о ней слыхала, мисс Робин? А я отыскал ее в корабельном реестре Бонесса — Уига. Бонесс — Уиг, там, в Сан-Фран. Я туда скакнул, я, пока ты их учила через скакалку прыгать. Я в Сан-Фран побывал. Я нашел «Воргу». Она в Ванкувере, на верфи. Она принадлежит Престейну из Престейнов. Слышала про него, мисс Робин? Престейн — самая крутая шишка на Терре. И он меня не остановит. Я убью тебя, Ворга! Я тебя урою! И ты меня тоже не остановишь, мисс Робин!

Фойл рывком придвинулся к ней.

— Я себя прикрываю, мисс Робин. Я все слабые места прикрыл, вот. Со всеми разберусь, кто может не дать мне убить Воргу. И с тобой тоже, мисс Робин. Ха! Я нашел твое жильишко. Они в госпитале знают. Я ходил и смотрел. Я нашел твой

дневник, мисс Робин. У тебя семья на Каллисто. Мать и две сестренки.

— Господи!

— Значитцо, ты у нас типа как вражеским информатором можешь быть, а? Тебе и всем дали месяц, когда война началась, чтоб вы на Внутренние Планеты ушуршали. Если нет, вас бы уработали как шпионов. — Фойл поднял руку и раскрыл ладонь. — Ты у меня вот тут, девчонка. — Он сжал ладонь в кулак.

— Мама и сестры полтора года пытались вылететь с Каллисто. Мы местные. Мы…

— Ты у меня вот тут, — повторил Фойл. — Ты знаешь, что они со шпионами делают? Они из них инфу по кусочкам вырезают. Они тебя на части разрежут, мисс Робин. По кусочкам.

Негритянка завизжала. Фойл с довольным видом покивал и приобнял ее за трясущиеся плечи.

— Ты у меня вот тут, девочка. Ты даже сбежать не можешь, а не то я разведке скажу — и где ты будешь? Никто меня не остановит. Ни ты, ни госпиталь, ни даже великий мистер Престейн из Престейнов.

— Пошел вон, ты, тварь, мерзавец! Убирайся!

— Не нравится тебе мое личико, мисс Робин? А ты уже ничего не сделаешь, да.

Неожиданно он подхватил ее на руки, донес до глубокой кушетки и швырнул туда.

— Ничего, — повторил он.

Следуя принципу демонстративной траты энергии, на коем зиждилось его общество, Престейн из Престейнов оснастил свой викторианский особняк в Центральном парке лифтами, проводными телефонами, привратниками и всеми прочими устройствами или слугами, надобность в которых устранил джонт. В этом пряничном домике слуги сновали из комнаты в комнату, открывали и закрывали двери, поднимались и спускались по лестницам.

Престейн из Престейнов вылез из постели, оделся, прибегнув к помощи камердинера и брадобрея, спустился на лифте в зал, где предпочитал завтракать, и откушал, пока ему прислуживали дворецкий, лакей и горничные. Затем он покинул зал и занялся делами. В эпоху, когда коммуникационное оборудование практически отмерло, — гораздо проще было напрямую джонтировать в офис нужного человека и обсудить с ним дела, чем воспользоваться телефоном или телеграфом, — Престейн сохранял в своем доме антикварный дисковый телефон и держал специальную девушку-телефонистку.

— Вызовите мне Дагенхэма, — приказал он.

Телефонистка не без труда пробилась в штаб-квартиру «Курьерской службы Дагенхэма». Организация эта, с годовым оборотом в сотню миллионов кредитов, объединяла джонтеров, готовых выполнить любой публичный или конфиденциальный коммуникационный заказ для любого, кто способен был оплатить их услуги по тарифу один кредит за милю. Дагенхэм гарантировал, что его курьер обойдет вокруг света за восемьдесят минут.

Спустя восемьдесят секунд после того, как звонок Престейна был зарегистрирован, на частной джонт-остановке рядом с домом Престейна появился курьер корпорации Дагенхэма. Он предъявил идентификатор и был впущен внутрь по джонтоустойчивой лабиринтоподобной анфиладе. Как и все сотрудники Дагенхэма, он был джонтером класса М, способным телепортироваться на тысячу миль за скачок независимо от внешних условий, и знал наизусть тысячи джонт-координат. Магистр притворства и уверток, вышколенный до совершенства и безукоризненно работоспособный: эти качества характеризовали как «Курьерскую службу Дагенхэма» в целом, так и ее беспощадного основателя.

— Престейн? — уточнил он, пренебрегая протоколом.

— Мне нужны услуги Дагенхэма.

— К вашим услугам, Престейн.

— Нет. Я хочу нанять Сола Дагенхэма. Лично.

— Мистер Дагенхэм больше не работает с клиентами за вознаграждение меньшее ста тысяч кредитов.

— Я оплачу его услуги в пятикратном размере от этой суммы.

— Гонорар и проценты?..

— И так, и так. Четверть миллиона чистыми и четверть миллиона бонусов в согласии с наценками за риск.

— Предложение принято. В чем суть заказа?

— ПирЕ.

— Пожалуйста, произнесите по буквам.

— Вам это ничего не говорит?

— Нет.

— Превосходно. Дагенхэм поймет. ПирЕ. П заглавная, и-р, Е заглавная. Произносится почти так же, как *пир* в значении *погребальный огонь*. Скажите Дагенхэму, что местоположение ПирЕ установлено. Пускай доставит его мне… любыми средствами. Наводкой послужит человек по имени Фойл. Гулливер Фойл.

Курьер извлек из кармана крохотную серебристую бисеринку мнемокристалла, надиктовал ей инструкции Престейна и без единого слова дематериализовался. Престейн обернулся к телефонистке.

— Свяжите меня с Регисом Шеффилдом, — велел он.

Через десять минут после того, как телефонистка дозвонилась адвокату Регису Шеффилду, на частной джонт-остановке Престейна появился молодой клерк. Его приняли и провели по лабиринту. Лицо у него было безукоризненно чистое, аж кожа скрипела, а выражение — как у радостного кролика.

— Простите за промедление, Престейн, — сказал клерк. — Ваш вызов был зарегистрирован в Чикаго, а у меня по-прежнему только D-класс, пятьсот миль. Мне понадобилось некоторое время, чтобы добраться сюда.

— Ваш начальник ведет процесс в Чикаго?

— В Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне. Он все утро джонтирует из суда в суд. Пока он отсутствует, мы его замещаем.

— Я хочу его нанять.

— Это лестное предложение, Престейн, но мистер Шеффилд крайне занят.

— Он не может быть слишком занят для ПирЕ.

— Простите, сэр, но я…

— Вы не. А Шеффилд поймет. Просто скажите ему. ПирЕ, произносится почти как *пир* в значении *погребальный огонь.* И назовите сумму гонорара.

— И какова же она?

— Четверть миллиона чистыми и четверть миллиона бонусов в согласии с наценками за риск.

— Какого рода услуги требуются от мистера Шеффилда?

— Он обязан будет подготовить все возможные законные основания для похищения и допроса одного человека, чтобы не подкопались ни флот, ни армия, ни полиция.

— И что же это за человек?

— Гулливер Фойл.

Клерк надиктовал себе под нос краткие заметки в мнемосерьгу, воткнул ее в ухо, выслушал запись, кивнул и исчез. Престейн покинул кабинет и поднялся по устланным плюшевой дорожкой ступеням в покои дочери, чтобы пожелать ей доброго утра.

В домах богачей женские комнаты обычно проектировались без окон и дверей, чтобы лишь

близкие могли туда джонтировать. Таким образом охранялись мораль и целомудрие. Но поскольку Оливия Престейн, образно говоря, от рождения жила без окон и дверей, будучи слепа к обычному свету и неспособна к джонту, доступ в ее покои через нормальные двери был сохранен. У дверей выстроились лакеи в ливреях клана Престейнов.

Оливия Престейн была прекрасной альбиноской. Волосы — как белый шелк, кожа — как белый атлас, ногти, губы и глаза кораллового оттенка. Она была прекрасна и слепа, но не как обычные слепцы, а поразительным образом: она видела в инфракрасном свете, от семи с половиной тысяч ангстрем до миллиметровых волн. Ей были доступны тепловые колебания, магнитные поля, радиоволны, излучения радаров и сонаров, а также электромагнитные поля.

Она вела утренний прием в гостиной, восседая на парчовом троноподобном колесном кресле под охраной дуэньи, время от времени отпивала чай. Со своей свитой девушка управлялась непринужденно, перебрасываясь репликами с дюжиной мужчин и женщин. Напоминала изящную статую из коралла и мрамора, чьи слепые глаза то и дело поблескивали, когда она видела

незримое.

Приемные покои девушка воспринимала как пульсирующий поток тепловых эманаций — от холодной тени до жарких потолочных светильников. Магнитными узорами манили часы, телефоны, лампы и замки. Людей она узнавала и отслеживала по характерным тепловым рисункам лиц и тел. Над головой каждого гостя маячила электромагнитная аура мозговой активности, а через тепловое излучение тела пробивались вечно изменчивые тона мышц и нервов.

Престейна не слишком интересовала свита художников, музыкантов и прочих прихлебателей, вьющаяся вокруг Оливии, но ему приятно было заметить этим утром в толпе нескольких нотаблей. Так, прием посетили Сирс-Робак, Жиллет, молодой Сидни Кодак, которому суждено однажды стать Кодаком из Кодаков, Юбиган, Бьюик из Бьюиков и Р. Х. Мэйси XVI, главу могущественного клана Сакс — Гимбель[5].

Престейн высказал дочери положенные приветствия и покинул дом. В штаб-квартиру клана

---

[5] Примечания: 5

Корпорация прекратила существование в 1987 г. Во вселенной Бестера, видимо, поглощена R. H. Macy's. Последний концерн в нашем мире тоже обанкротился, но, в отличие от Saks — Gimbels, названия не сменил и продолжает функционировать с иными владельцами. — *Примеч. перев.*

на Уолл-стрит, 99, он отправился в карете, запряженной четверкой лошадей, с грумом и кучером в цветах Престейнов: красном, синем и черном. Черная буква П на кобальтово-алом поле считалась одной из наиболее древних и уважаемых эмблем социального реестра, не уступая в древности 57 клана Хайнца и двойной Р династии Роллс-Ройс.

Главу клана Престейнов джонтеры Нью-Йорка хорошо знали. Седовласый, безупречно одетый, могущественный, с изысканными старинными манерами, Престейн из Престейнов являл собой воплощение избранности. Он так высоко поднялся в социальной иерархии, что позволял себе нанимать кучеров и грумов, хостельеров и мальчиков на побегушках, да что там — лошадей держал. Простые смертные обходились заурядным джонтом. По мере восхождения по общественной лестнице считалось хорошим тоном обозначать свое положение отказом от джонтспособностей. Новички-парвеню, только что принятые в могущественный корпоративный клан, раскатывали на велосипедах. Перспективный член клана водил маленький спортивный автомобиль. Капитан-септ перемещался на роскошной антикварной машине с шофером,

скажем, на винтажном «Бентли», «Кадиллаке» или «Астон Мартин Лагонде» с высокой посадкой. Прямой наследник или официальный преемник главы клана пользовался яхтой или самолетом. Престейн из Престейнов, глава клана Престейнов, владел каретами, машинами, яхтами, поездами и самолетами. Положение его в обществе было так солидно, что он уже сорок лет не джонтировал. Втайне Престейн презирал нуворишей вроде Дагенхэма или Шеффилда, которые продолжали бесстыдно джонтировать.

Престейн достиг своей крепости, кланового замка Престейнов на Уолл-стрит, 99. У входа выстроилась гвардия наемных джонтеров в клановой ливрее. Престейн с величественной неспешностью кланового вождя проследовал к себе в офис под звуки волынок стражи. Вообще говоря, он был больше чем клановый вождь, и невезучему чиновнику правительства, ожидавшему аудиенции, выпал случай в этом убедиться. Этот бедолага, завидев Престейна, вырвался из толпы просителей.

— Мистер Престейн! — начал он. — Я из Департамента внутренних сборов. Я должен поговорить с вами сегод…

Престейн заткнул его одним ледяным взгля-

дом.

— Престейнов тысячи, — промолвил он. — И ко всем обращаются «мистер». Но я — Престейн из Престейнов, глава дома и септ, первый в своем роду, вождь клана. Ко мне следует обращаться просто Престейн. Я не «мистер» Престейн. Я — Престейн.

Он развернулся и проследовал в офис под нестройный хор клерков:

— Доброе утро, Престейн!

Престейн кивнул, улыбнулся, как василиск, устроился за грандиозным столом. Джонт-стража дула в волынки и била в барабаны. Престейн жестом велел им заткнуться и начинать аудиенцию. Вперед выступил конюший замка, разворачивая лист бумаги. Престейн терпеть не мог мнемосережек и прочих механических устройств.

— Доклад по предприятиям клана Престейнов, — начал конюший. — Среднее верхнее значение курса: 201 с половиной. Среднее нижнее значение курса: 201 с четвертью. Среднее значение по Нью-Йорку, Парижу, Цейлону, Токио…

Престейн пренебрежительно махнул рукой. Конюший убрался, уступив место церемоний-мейстеру Черного Жезла.

— Необходимо провести инвеституру очеред-

ного мистера Престо, Престейн.

Престейн волевым усилием подавил нетерпение и провел занудную церемонию посвящения четыреста девяносто седьмого мистера Престо в иерархии Престо клана Престейнов. Эти существа отвечали за предприятия розничной торговли клана. До недавних пор человек, приводимый к присяге, обладал собственными лицом и телом. Теперь, по завершении многолетних испытаний и наставлений в клановой доктрине, он пополнил ряды Престо. Шесть месяцев пластических операций и психокондиционирования сделали его неотличимым от четырехсот девяноста шести прочих мистеров Престо и идеализированного портрета мистера Престо, стоящего у престола клана Престейнов. То был добросердечный, услужливый человек, напоминавший обликом Авраама Линкольна, спроектированный так, чтобы вызывать у покупателей расположение и доверие. По всему миру они являлись в магазины сети Престейн и сталкивались с идентичными друг другу менеджерами, воплощениями мистера Престо. С ним конкурировали, но превзойти не могли, мистер Квик клана Кодаков и дядюшка

Монти клана Монтгомери Уорда[6].

Когда ритуал завершился, Престейн резко встал из-за стола, давая понять, что публичная инвеституpа окончена. Из офиса убрались все, кроме высшего менеджмента. Престейн мерил зал шагами, с трудом подавляя растущее волнение. Он никогда не чертыхался, но эта его напускная сдержанность внушала больший страх, чем проклятия.

— Фойл, — произнес он сдавленным голосом. — Обычный флотский. Букашка. Шваль. Помоечный побирушка. И этот урод стоит между мной и…

— Если позволите, Престейн, — вежливо вмешался церемониймейстер, — я напомню: сейчас одиннадцать часов по восточному времени, восемь часов по тихоокеанскому.

— Что?

— Если позволите, Престейн, я напомню, что в девять часов по тихоокеанскому времени состоится торжественный спуск со стапелей. Необходимо ваше приветствие персоналу ванку-

---

[6] Примечания: 6

В нашем мире судьба этих корпораций сложилась печально: «Монтгомери Уорд» обанкротилась в 2001 г. (хотя и возродилась как онлайн-ритейлер), а «Кодак», потерпев колоссальные убытки при переходе от пленочной фотографии к цифровой, с 2011 г. балансирует на грани банкротства. — *Примеч. перев.*

верской верфи.

— Спуск? Какой еще спуск?

— Спуск нашего нового грузовоза, «Принцессы Престейнов». На установление трехмерной широкополосной связи с верфью потребуется определенное время, так что лучше нам…

— Я отправлюсь туда лично.

— Лично?! — Церемониймейстер чуть в обморок не упал. — Но, Престейн, мы не успеем долететь до Ванкувера за час! Мы…

— Я джонтирую, — отрезал Престейн из Престейнов. Так велико было его возбуждение, что он не мог оставаться на одном месте. Шокированная свита начала приготовления. Во все офисы Престейна по стране джонтировали порученцы — расчистить частные джонт-площадки. Престейн тем временем взобрался на платформу в своем нью-йоркском офисе. Она была круглая и располагалась в звукоизолированной комнате без окон: мера предосторожности и маскировки, чтобы посторонним сложнее было разнюхать и запомнить координаты. По тем же соображениям дома и офисы оснащались односторонне прозрачными окнами и снабжались лабиринтами.

Для джонта, среди прочего, существенно, чтобы человек мог запомнить, откуда и куда направ-

ляется, иначе надежды прибыть живым куда бы то ни было почти никакой. Невозможно джонтировать из неопределенной стартовой точки, немыслимо появиться в неизвестном заранее месте. Все равно что стрелять из пистолета: надо знать, куда метишь и за какой конец держишь оружие. Однако при этом единственного беглого взгляда за окно или дверь опытному человеку хватало, чтобы запомнить МВО-координаты.

Престейн ступил на платформу, представил себе координаты следующей площадки в филадельфийском офисе, тщательно визуализировав картинку и свое размещение в ней. Расслабился и единым сконцентрированным усилием Веры и Воли переместил себя к цели. Он джонтировал. В глазах у него на мгновение помутилось; площадка в Нью-Йорке выплыла из фокуса, площадка в Филадельфии появилась в фокусе. Ощущение падения и затем подъема. Он оказался на месте. Церемониймейстер Черного Жезла и прочие, почтительно выждав минуту, последовали за хозяином.

Так, джонтируя на сто-двести миль зараз, Престейн пересек континент и прибыл на ванкуверскую верфь точно в девять часов утра по тихоокеанскому времени. Он покинул Нью-Йорк

в одиннадцать часов утра. Он выгадал два часа дневного света — в мире джонта это также было не в новинку.

Верфь занимала квадратную милю; территория была сплошь забетонирована, но без ограды, да и какая ограда способна остановить джонтера? Она походила на устланный белой скатертью стол с разложенными по нему аккуратными концентрическими кружками черными пенни. Если приблизиться, становилось ясно, что каждое пенни на самом деле представляет собой стофутовой глубины яму, вгрызающуюся в недра земли. Горловину ямы гребешком обрамляли бетонные здания, офисы, КПП, склады, зоны отдыха.

Исполинская взлетно-посадочная площадка, сухой док и конструкторское бюро звездолетов. Как и обычные морские корабли, космические суда не в состоянии сами совладать с железной хваткой гравитации: земная сила тяжести переломит кораблю хребет, как скорлупку[7]. Поэтому звездолеты сооружались в глубоких шахтах, где покоились вертикально в сети опор и конструкционных перетяжек, огороженные и поддерживаемые антигравитационными

[7] Примечания: 7

Последующая история космонавтики, конечно, не подтвердила предположений Бестера. — *Примеч. перев.*

экранами. Из таких же шахт они брали старт, взбираясь в небеса по антигравитационному лучу, как мошки, роящиеся в поисковом луче прожектора, пока наконец, перебравшись через предел Роша, не переходили к ускорению за счет собственных двигателей. Приземляясь, звездолет глушил движки и спускался в посадочную шахту по таким же лучам.

Следуя по ванкуверской верфи, свита Престейна видела, что часть шахт активно используется: то там, то сям торчали носы и части корпусов, возносясь на четверть или полмили над бетоном в антигравитационной страховке, а рабочие сновали, присоединяя новые компоненты на нужных уровнях. Три транспортных корабля клана Престейнов класса В, а именно «Вега», «Весталка» и «Ворга», вздымались почти в самом центре верфи. Сооружение звездолетов уже входило в завершающую стадию: их корпуса покрывали теплоотводными плитками, как об этом свидетельствовало непрестанно пляшущее вокруг «Ворги» кольцо сварочных факелов.

Перед бетонным зданием с надписью ВХОД свита Престейна остановилась. Указатель гласил:

Вступив на территорию верфи без

разрешения, вы рискуете жизнью. Вы предупреждены.

Новоприбывшим выдали гостевые бейджики, и даже Престейн из Престейнов получил свой. Он тщательно приколол его на лацкан, поскольку понимал, чем может закончиться появление на охраняемой территории без такого пропуска. Свита продолжила путь, петляя между ям, пока не достигла шахты О–3, ободок которой разукрасили в цвета клана, а рядом воздвигли небольшую трибуну.

Престейн принял приветствия и в свою очередь пожелал доброго дня различным официальным представителям. Оркестр Престейна приступил к исполнению кланового гимна. Сверкали медью инструменты, ярились волынки. Потом один из оркестрантов словно обезумел: нота задиралась все выше и выше, пока не заглушила собой и весь оркестр, и недоуменные восклицания присутствующих. И тут Престейн понял, что это не инструмент оркестра, а тревожная сирена.

На ВПП проник посторонний — без идентификатора или гостевого бейджика. Радарное поле охранной системы активировалось, зазвучал сигнал тревоги. За жутким ревом сирены Пре-

стейн все же различил множественные хлопки: то спешно джонтировали на место происшествия стражники и построились по периметру квадратной мили верфи, а также вокруг трибуны. Его личная джонт-гвардия сомкнулась вокруг повелителя. Вид у телохранителей был изрядно бледный.

Над бетоном разносились сообщения для систем обороны:

На верфи посторонний. На верфи посторонний, направляется к E как Edward, девятая тахта. От E как Edward, девятая шахта, бежит на запад.

— Кто-то прорвался за периметр! — воскликнул церемониймейстер.

— Я заметил, — тихо ответил Престейн.

— Он, надо полагать, первый раз здесь, раз не джонтирует.

— Это я тоже заметил.

Посторонний приближается к D как David, пятая шахта. D как David, пятая шахта. Продолжает бежать. D-5, D-5, тревога.

— Господи, да куда это он? — озадачился церемониймейстер.

— Вам известен устав, дорогой мой, — холодно осадил его Престейн. — Никто из ассоциатов клана Престейнов да не помянет имя Бога всуе.

Вы забываетесь.

Посторонний может направляться к С как Charlie, пятая шахта. Посторонний бежит к С-5.

Церемониймейстер коснулся руки Престейна.

— Он направляется сюда, Престейн. Не соблаговолите ли удалиться в укрытие?

— Нет.

— Престейн, на вас уже покушались в прошлом. Трижды. Если…

— Как мне подняться туда?

— Престейн!

— Подсобите-ка.

С помощью продолжавшего громогласно протестовать церемониймейстера Черного Жезла Престейн взобрался на трибуну, откуда мог видеть, какие именно действия предпринимает служба охраны. Под ним из шахт высыпали рабочие в белых касках — зеваки. Из дальних секторов ближе к месту происшествия один за другим джонтировали гвардейцы.

Посторонний движется на юг в сторону В как Baker, третья шахта. Повторяю, В как Baker, третья шахта.

Престейн поглядел на шахту В-3. Там появилась какая-то фигура. Неизвестный споро мчался к яме, выписывая на бегу зигзаги и петли, уходя от

преследования. Он был огромного роста, в синей одежде, какую часто носят в госпиталях пациенты, с темными всклокоченными волосами и перекошенным лицом. На расстоянии казалось, что физиономия его разукрашена в кричащие цвета. По одежде его плясали язычки пламени: активировалось защитное индукционное поле.

В как Baker, третья шахта, тревога. В-3, В-3, опасность.

Вдалеке слышались вопли и тяжелые хлопки пневматических ружей. Полдюжины рабочих в белом устремились к незваному гостю. Пришелец раскидал их, как котят, не отклоняясь от курса. Он бежал к шахте В-3, откуда выдавался нос «Ворги». Как молния пронесся он через гущу рабочих и охранников, расшвыривая их в стороны и неуклонно приближаясь к цели.

Неожиданно он сбавил темп, остановился, полез в пылающую на нем куртку и выудил оттуда черную канистру. Конвульсивным движением пойманного в ловушку зверя он зубами сорвал какой-то предохранитель и швырнул бомбу по высокой дуге точно в корпус «Ворги». В следующее мгновение его настигли и сшибли с ног.

Взрывчатое вещество. Опасность. Всем в укрытие! Всем в укрытие!

— Престейн!!! — завизжал церемониймейстер.

Престейн пренебрежительно отмахнулся от него и с интересом пронаблюдал, как брошенная террористом канистра вздымается в небеса, а затем падает на нос «Ворги», посверкивая в солнечном свете и крутясь на лету. У края шахты канистра попала в антигравитационный луч и отлетела обратно ввысь, точно подкинутая щелчком гигантского пальца. Кувыркаясь, она летела все выше и выше: сто футов, пятьсот, тысяча. Затем сверкнула ослепительная вспышка. Мгновением позже верфь сотряс титанический удар, от которого у всех присутствующих заложило уши, заныли зубы и потянуло кости.

Престейн оправил одежду и неспешно спустился с трибуны на ВПП. Подошел к пульту запуска и приложил палец к нужной кнопке. Сейчас взлетит… «Принцесса»?

— Если этот человек еще жив, доставьте его ко мне, — сказал он церемониймейстеру Черного Жезла и нажал кнопку.

— Властью, данной мне, нарекаю тебя… «Мощь Престейнов»! — триумфально закончил он.

Глава 4

Звездная палата[8] замка Престейнов представляла собой овальное помещение с позолоченными стенными панелями из слоновой кости, высокими зеркалами и застекленными окнами с жалюзи. В палате имелся золотой орган с роботом-органистом производства Тиффани, золотой же библиотечный стеллаж с андроидом-библиотекарем на библиотечной лестнице, письменный стол времен Людовика XV, за которым перед ручным мнемографом сидел андроид-секретарь, и американский бар с роботом-барменом. Престейн предпочел бы биологических слуг, но андроиды и роботы тайн не выдавали.

— Садитесь, капитан Йеовил, — пригласил он. — Это мистер Регис Шеффилд, мой представитель в данном деле. А этот молодой человек — ассистент мистера Шеффилда.

---

[8] Примечания: 8

В нашей реальности — зал заседаний британского королевского суда в Вестминстере. Предметом разбирательств служили преступления аристократов и членов правящего дома. Заседания суда проходили за закрытыми дверями, свидетельские показания принимались только в письменной форме. В 1641 г. палата распущена. В американской правовой традиции термин имеет негативную окраску, так как вердикты палаты изобиловали судейским произволом. — *Примеч. перев.*

— Кролик — моя переносная юридическая библиотека, — усмехнулся Шеффилд.

Престейн коснулся тумблера. Застывшая экспозиция Звездной палаты ожила. Органист заиграл, библиотекарь принялся сортировать книги, секретарь начал печатать, бармен — встряхивать коктейли. Зрелище было впечатляющее. Промышленные психометрики организовали экспозицию таким образом, чтоб она приводила посетителей в некоторое смятение и позволяла Престейну установить контроль над их настроением.

— Капитан Йеовил, — напомнил Престейн, — вы говорили о некоем Фойле, не так ли?

Капитан Питер Ян-Йеовил из Центральной разведки был прямым потомком философа Мэн-цзы по мужской линии и принадлежал к разведгруппе Тун Вооруженных сил Внутренних Планет. Уже двести лет ВСВП отбирали лучших разведчиков среди китайцев, чья пятитысячелетняя история полнилась примерами высококвалифицированного коварства, и достигли превосходных результатов. Капитан Ян-Йеовил был членом устрашающего Общества Бумажных Человечков, адептом ордена Тяньцзиньских Лицеделов, мастером суеверий, свободно владел Тайной Речью.

На китайца он ничуть не походил.

Ян-Йеовил поколебался, полностью осознавая мощь психологического пресса, которому противостоял сейчас. Он внимательно изучил василископодобное, аскетичное лицо Престейна; проследил напускную тупую агрессивность на физиономии Шеффилда; особое внимание уделил молодому человеку по кличке Кролик, чьи кроличьи черты безошибочно выдавали восточное происхождение. Йеовилу настоятельно требовалось восстановить контроль над ситуацией или хотя бы равновесие.

Он предпринял обходной маневр.

— Не связаны ли мы узами в какой-то из пятнадцати степеней родства? — спросил он у Кролика на пекинском диалекте. — Я происхожу из рода легендарного Мэн-цзы, которого варвары предпочитают называть Менцием.

— В таком случае мы наследственные враги, — ответил Кролик на скверном китайском. — Досточтимый предок мой, губернатор Шаньдуна, был свергнут в 342 году до нашей эры земляной

свиньей по прозванию Мэн-цзы[9].

— Тогда, при всем почтении, я бы не против сбрить ваши дурно очерченные брови, — произнес Ян-Йеовил.

— Более уместно было бы мне подпилить ваши вкривь и вкось торчащие зубы, — рассмеялся Кролик.

— Да полно же, господа, — запротестовал Престейн.

— Мы возобновляем кровную вражду трехтысячелетней давности, — пояснил Ян-Йеовил Престейну, который явственно нервничал, слушая обмен непонятными ему репликами и вроде бы немотивированный смех.

Капитан пошел напролом.

— Когда вы закончите с Фойлом? — поинтере-

---

[9] Примечания: 9

Темное место. Ян-Йеовил, заподозрив в Кролике соотечественника, задает ему вопрос об одном из величайших исторических деятелей Китая периода Сражающихся царств и своем предке, философе Мэн-цзы. Кролик, отвечая ему, допускает несколько грубых ошибок: 1) приписывает Мэн-цзы участие в вооруженном восстании против правителя Шаньдуна; излишне говорить, что даже если бы Мэн-цзы в названном году и обретался на Шаньдуне (это не так), то насильственное свержение существующего государственного аппарата полностью противоречит конфуцианскому в основе своей учению мудреца, 2) называет якобы свергнутого Мэн-цзы человека *губернатором*, хотя такая должность в указанную эпоху на полуострове Шаньдун существовать не могла и была введена лишь в объединенном Китае — империи Цинь, созданной Цинь Ши-хуаном более века спустя; при Мэн-цзы же полуостров Шаньдун пребывал в состоянии феодальной раздробленности и делился на несколько владений, наиболее крупным из которых

было царство Лу. Убедившись, видимо, что Кролик уступает ему интеллектуально и «плавает» в обычаях культуры, принадлежность к которой тщится имитировать, Ян-Йеовил продолжает словесную перестрелку с позиции превосходства. — *Примеч. перев.*

совался он.

— С каким Фойлом? — влез Шеффилд.

— А какого Фойла вы себе заполучили?

— С кланом Престейнов ассоциированы тринадцать человек, носящих эту фамилию.

— Какое любопытное число. Вы разве не знали, что я мастер суеверий? Однажды покажу фокус с зеркальной галереей шепотов… Так вот, я имел в виду Фойла, который причастен к утреннему покушению на жизнь мистера Престейна.

— Просто Престейна, — уточнил Престейн. — Я вам не мистер. Я Престейн из Престейнов.

— На жизнь Престейна покушались трижды, — ответил Шеффилд. — Вам следует выражаться менее расплывчато.

— Как, этим утром уже трижды? Престейн, надо полагать, был сегодня крайне занят, — со вздохом заметил Ян-Йеовил. Шеффилд проявил себя достойным противником. Разведчик испытал другой подход. — Хотелось бы мне, чтоб наш мистер Престо выражался менее расплывчато.

— *Ваш* мистер Престо?! — воскликнул Престейн.

— А? О да! Разве вы не знали, что среди пятисот ваших мистеров Престо затесался наш агент? Странно. Мы были совершенно уверены, что вам

это известно, и привели в действие контрмеры.

У Престейна сделался уязвленный вид. Ян-Йеовил закинул ногу за ногу и весело добавил:

— Вот так обычно и случается в рутинной разведработе. Основная слабость происходит от переоценки противника. Начинаешь все отшлифовывать, а шлифовки-то и не требуется.

— Да он блефует! — вырвалось у Престейна. — Не мог никто из наших Просто знать про Гулливера Фойла!

— Благодарю вас, — улыбнулся Ян-Йеовил. — Вот этого-то Фойла мне и надо. Когда вы нам его отдадите?

Шеффилд с отвращением поглядел на Престейна и отвернулся к Ян-Йеовилу.

— Кто такие «мы»? — уточнил он.

— Центральная разведка.

— А зачем он вам понадобился?

— Вы занимаетесь любовью с женщиной до того, как полностью разделись, или после?

— Это до идиотизма неуместный вопрос.

— Равно как и ваш. Когда вы допустите нас к Фойлу?

— Когда вы назовете причину своего интереса.

— Кому?

— Мне. — Шеффилд раскрыл ладонь и стукнул

по ней указательным пальцем. — Это гражданское дело, и задействованы в нем гражданские. Гражданская юрисдикция превалирует, если только предметом разбирательств не является армейское имущество, не вовлечены военнослужащие, не затронуты стратегические или тактические вопросы ведения военных операций и так далее.

— Согласно сто девяносто первой поправке к Терранской конституции 2303 года, — пробубнил Кролик.

— «Кочевник» перевозил армейское имущество.

— «Кочевник» транспортировал платиновые слитки в Марсианский банк, — отрезал Престейн. — Если мои деньги…

— Разговор веду я, — прервал его Шеффилд и повернулся к Ян-Йеовилу. — Какое именно армейское имущество?

Этот прямой вопрос застал Ян-Йеовила врасплох. Он знал, что краеугольным камнем в ситуации с «Кочевником» явилось присутствие на борту двадцати фунтов ПирЕ — всего мирового запаса, ныне, после исчезновения первооткрывателя, вероятно, невосстановимого. Он знал, что Шеффилду известно, — они оба об этом осведом-

лены. Он предполагал, что Шеффилд не осмелится напрямую завести разговор о ПирЕ. А сейчас ему бросили прямой вызов, предлагая вслух назвать неназываемое.

Он решил ответить так же прямо:

— Ладно, господа. Пора поговорить начистоту. «Кочевник» перевозил двадцать фунтов вещества, известного как ПирЕ.

Престейн начал что-то говорить, но Шеффилд заткнул его.

— Что такое ПирЕ?

— Согласно нашим отчетам…

— Полученным от Престейнова мистера Престо?

— О, то был блеф, — со смешком ответил Ян-Йеовил и тут же взял себя в руки. — Согласно отчетам разведки, ПирЕ для Престейна разработал впоследствии без вести пропавший исследователь. ПирЕ — это *Mischmetal*, пирофорный материал. Вот все, что нам известно наверняка, однако имеются и менее надежные данные. Невероятные сообщения от агентов с безукоризненной репутацией. Если они хотя бы отчасти правдивы, то ПирЕ — средство превратить поражение в победу. И наоборот.

— Чушь какая-то. Не существует оружия, спо-

собного оказать такое значительное воздействие на ход войны.

— Правда? Осмелюсь напомнить вам про ядерную бомбу 1945-го. Про антигравитаторы 2022-го. Про всеполевой радарный экран Тэлли 2194-го. Новое оружие зачастую разворачивает ход войны, в особенности если враг получает его первым.

— Вероятность этого теперь нулевая.

— Благодарю, что вы наконец дали себе труд признать значение ПирЕ.

— Я ничего не признаю и всё отрицаю.

— Центральная разведка готова была провести обмен. Голову за голову. Изобретателя ПирЕ за Гулливера Фойла.

— Он у вас? — вскинулся Шеффилд. — А зачем вам тогда Фойл?

— У нас его *труп*! — огрызнулся Ян-Йеовил. — Группа коммандос Внешних Спутников удерживала его в заточении на Ласселле шесть месяцев, стараясь выбить из него нужную информацию. Мы решили его отбить. Потери в ходе рейда составили семьдесят девять процентов личного состава. Мы отбили у них его *труп*! И, что еще хуже, мы так и не поняли, возможно ли, чтобы все это время на Внешних Спутниках издеватель-

ски хихикали, наблюдая за нашими потугами захватить его тело. Мы до сих пор не выяснили, как много им удалось из него выжать.

Престейн сел так прямо, словно ему в горло воткнули палку. Безжалостные его пальцы медленно, увесисто барабанили по столешнице.

— Ну и черт с ним, — продолжал яростно Ян-Йеовил. — Шеффилд, вы что, не видите, какой кризис надвигается? Мы на коротком поводке. Какого хрена вы тут прикрываете дурачка Престейна? Вы же лидер либеральной партии, эталонный терранский патриот. Вы политический враг Престейна номер один. Пошлите его в пим дырявый, придурок, пока он всех нас не продал врагу!

— Капитан Йеовил, — заметил Престейн, подпустив в ледяной голос яду, — такие выражения в моем доме недопустимы.

— Мы нуждаемся в ПирЕ, — отчеканил Ян-Йеовил, — и мы должны исследовать эти уцелевшие двадцать фунтов, переоткрыть методику синтеза, научиться применять его в военных целях. И все это успеть прежде, чем ВС обрушат его на нас сами. Если они уже этого не сделали. А Престейн отказывается сотрудничать. Почему же? Потому что он в оппозиции. Ему не нужны военные

триумфы либералов. Он скорее согласится на капитуляцию, ведь богачи, подобные Престейну, никогда не проигрывают. Правда? Шеффилд, ну включите же голову. Предатель вас за нос водит. Бога ради, да что вы тут вытворяете?

Прежде чем Шеффилд успел ответить, в двери Звездной палаты один раз стукнули, и появился Сол Дагенхэм.

Некогда Дагенхэм считался одним из величайших ученых Внутренних Планет, физиком с непревзойденной интуицией, абсолютной памятью и компьютером шестого поколения вместо мозга. Потом в песках кратера Тихо произошел несчастный случай. Ядерный взрыв должен был бы его погубить, но не погубил. Вместо этого Дагенхэм стал смертельно радиоактивен, превратившись в «горячую» Тифозную Мэри двадцать пятого века. Правительство Внутренних Планет выплачивало ему двадцать пять тысяч кредитов ежегодной ренты, чтобы обеспечивать необходимые меры предосторожности при контакте с окружающими. Он не мог ни с кем сближаться дольше, чем на пять минут в день. Не мог занимать одно и то же помещение с другими людьми дольше, чем на тридцать минут в день. ВП приказали ему изолировать себя от человечества и

хорошо оплачивали это самоизгнание. Дагенхэм забросил исследования и создал колоссальную структуру «Курьерской службы Дагенхэма».

Когда Ян-Йеовил увидел низкорослого светловласого кадавра с мертвенно-бледной кожей и улыбкой мертвой головы, входящего в Звездную палату, он понял, что проиграл. С тремя противниками ему не справиться. Он резко поднялся.

— Хорошо же, я отправлюсь за ордером на Фойла в адмиралтейство, — пообещал он. — Все договоренности, на которые готова была пойти разведка, отменяются. Отныне — война.

— Капитан Йеовил покидает нас, — обратился Престейн к офицеру джонт-гвардии, который привел Дагенхэма. — Пожалуйста, проведите его обратно через лабиринт.

Ян-Йеовил выждал, пока офицер приблизится и поклонится. Затем, когда тот услужливым жестом пригласил капитана пройти к дверям, Ян-Йеовил внимательно посмотрел на Престейна, осклабился и с негромким хлопком исчез.

— Престейн! — воскликнул Кролик. — Он джонтировал! Он знает местоположение этой комнаты! Он…

— Я догадался, — ледяным тоном ответствовал Престейн. — Свяжитесь с дворецким, — приказал

он застывшему в изумлении офицеру стражи. — Координаты Звездной палаты рассекречены. Их необходимо изменить в течение двадцати четырех часов. А теперь, мистер Дагенхэм…

— Минуточку, — прервал его Дагенхэм, — я тут с этим ордером из адмиралтейства разберусь.

Не извинившись и ничего не объясняя, он тоже исчез. Престейн поднял брови.

— Значит, секрет Звездной палаты известен и другой стороне, — пробормотал он. — По крайней мере, у него хватило такта утаить свое знание до тех пор, пока оно само не выплыло наверх.

Дагенхэм вернулся.

— Нет смысла тратить время зря, блуждая в лабиринте, — пояснил он. — Я отдал приказы кое-кому в Вашингтоне. Йеовила задержат. Два часа гарантированы. Три — вероятны. Четыре — возможны.

— А как же они его задержат? — осведомился Кролик.

Дагенхэм улыбнулся жуткой улыбкой.

— Стандартные методики «Курьерской службы Дагенхэма». ПВСК. Приколы, выдумки, смятение, катастрофа… Прибегнем ко всем четырем. Черт! Я поломал ваши игрушки, Престейн.

Роботы внезапно задергались, как лунатики:

жесткое излучение, исходившее от Дагенхэма, повредило их электронную начинку.

— Ну и ладно, что ж поделать.

— Что там с Фойлом? — спросил Престейн.

— Пока ничего, — Дагенхэм снова оскалился усмешкой скелета. — Он по-настоящему уникален. Я перепробовал все стандартные приемы и препараты. Ничего не добился. Внешне — космофлотец как космофлотец, если не считать лицевой татуировки, а внутри — одна сталь. Что-то его скрутило и удерживает. Не отпускает.

— И что же это такое? — спросил Шеффилд.

— Надеюсь выяснить.

— Как?

— Не спрашивайте. Может, и вы пригодитесь. Престейн, вы подготовили корабль?

Престейн кивнул.

— Я не гарантирую, что мы сумеем отыскать «Кочевника», если от него вообще хоть что-то уцелело, но если да, то мы должны быть готовы взять ноги в руки и отправить туда флот. Шеффилд, юридическое обоснование готово?

— Готово, но я надеюсь, что нам не придется к нему прибегать.

— Я тоже надеюсь, но опять же ничего не гарантирую. Ладно. Ждите моих инструкций. Я

отправляюсь ломать Фойла через колено.

— Где вы его держите?

Дагенхэм покачал головой.

— Это помещение ненадежно.

И пропал.

Через Цинциннати, Новый Орлеан и Монтеррей он джонтировал в Мехико, где появился в психиатрическом крыле огромного госпиталя Объединенных терранских университетов. Впрочем, *крыло* едва ли можно было счесть подходящим определением для этой секции, занимавшей целый город в госпитальном метрополисе. Дагенхэм джонтировал на сорок третий этаж отделения терапии и заглянул в изолированный бак, где в бессознательном состоянии плавал Фойл. Затем бросил взгляд на представительного господина с аккуратной бородкой, стоявшего рядом.

— Привет, Фриц.

— Привет, Сол.

— Черт подери, надо же, сам глава отделения психиатрии присматривает за моим пациентом.

— Я полагаю, мы у тебя в долгу, Сол.

— Все еще за кратер Тихо переживаешь, Фриц? А я нет. Кстати, я не запачкаю твое крыло радиацией?

— У меня тут все заэкранировано.

— Готов ли ты для грязной работенки?

— Хотел бы я знать, во что ты меня втягиваешь…

— Мне нужна инфа.

— И что, ради нее все мое отделение терапии должно превратиться в инквизиторский застенок?

— Была у меня такая идея.

— А почему бы не ограничиться обычными наркотиками?

— Я уже пытался. Толку никакого. Это не обычный человек.

— Ты знаешь, что наши действия незаконны.

— Знаю. А ты передумал? Хочешь выйти из игры? За четверть миллиона я продублирую твой комплект оборудования.

— Нет, Сол. Нам не искупить вины перед тобой.

— Тогда за дело. Сперва попробуем Театр Кошмаров.

Они выволокли бак в коридор и переместили в стофутовой ширины комнату с отделанными звукоизолирующим материалом стенами. Она осталась после одного из ранних психотерапевтических экспериментов. Театр Кошмаров призван

был вернуть шизофреников к реальности, шоковым воздействием сделав их иллюзорный мир непригодным для существования. Но психика пациентов претерпевала после этого такой надлом и столь трудноустранимые эмоциональные сдвиги, что метод признали антигуманным и сомнительным.

По просьбе Дагенхэма глава психиатрического крыла госпиталя смел пыль с трехмерных проекторов и заново подсоединил сенсориум. Они вытащили Фойла из бака, вкололи ему стимулятор и бросили на пол. Выкатили бак за дверь, выключили свет и заперли комнату на кодовый замок. Потом включили проекторы.

Каждый ребенок мнит свой иллюзорный мир уникальным. Психиатры знают, что это совсем не так: страхи и радости одного подобны эмоциям всего человечества. Реализации ужаса, вины, стыда легко можно перебросить с одного человека на другого, и никто даже не заметит разницы. Отделение терапии госпиталя объединенных университетов располагало тысячами эмозаписей — и соорудило на их основе всеобъемлющую вытяжку человеческих страхов для Театра Кошмаров.

Фойл проснулся в холодном поту, но так и не

понял, что его разбудили. Он стал добычей змееволосых эвменид с пылающими ненавистью очами. За ним гнались, ему расставляли ловушки, на него сбрасывали тяжести, жгли и свежевали заживо, растягивали на дыбе, скармливали червям, рубили. Он закричал и кинулся бежать. Настроенный на поле Хоббла радар Театра Кошмаров отследил его перемещения и превратил их в ужасающий замедленный повтор — так всегда бежится во сне. Сквозь какофонию скрежетов и стонов, криков и проклятий, раздиравшую уши, Фойл не переставал слышать требовательный голос.

— Где «Кочевник»? Где «Кочевник»? Где «Кочевник»? Где «Кочевник»? Где «Кочевник»? Где «Кочевник»?

— «Ворга», — прокаркал Фойл. — «Ворга».

Его защитила сфокусированность на предмете ненависти. Личный кошмар сделал его иммунным к мороку Театра.

— Где «Кочевник»? Где ты оставил «Кочевника»? Что случилось с «Кочевником»? Где «Кочевник»?

— «Ворга»! — заорал Фойл. — «Ворга»! «Ворга»! «Ворга»!

Стоявший за пультом управления Дагенхэм

грязно выругался. Глава психиатрического отделения глянул на проекторы, потом на часы.

— Минута сорок пять секунд, Сол. Он больше не выдержит.

— Он вот-вот сломается. Давай еще поднажмем.

Медленно, методично, планомерно они погребли Фойла заживо. Его погрузили в бессветные бездны и окутали вонючей вязкой субстанцией, укравшей свет и воздух. Он медленно задыхался, а далекий голос продолжал терзать:

— Где «Кочевник»? Где ты оставил «Кочевника»? Если найдем «Кочевника», ты спасен! Где «Кочевник»?

Но Фойл уже был на борту «Кочевника». Он снова перенесся в привычный бессветный безвоздушный гроб, уютно паря между крышей коридора и остатками палубы. Он свернулся в позе эмбриона и приготовился спать. Ему все было нипочем. Он обязательно сбежит отсюда. Он обязательно отыщет «Воргу».

— Вот ведь толстокожий дикарь! — воскликнул Дагенхэм. — Фриц, кто-нибудь прежде выдерживал Театр Кошмаров?

— Немногие. Ты был прав, Сол. Это крайне необычный человек.

— Мы его скорее замучаем, чем вытянем хоть что-то. Ладно, завязали. Попробуем теперь мегаломоду. Актеры готовы?

— Готовы.

— Давай.

Иллюзия величия может развиваться шестью способами. Мегаломода — терапевтическая техника психиатров, призванная укоренить и взрастить особый случай, мегаломанию.

Фойл проснулся в роскошной постели на четырех львиных лапах. На нем была пижама, сверху небрежно наброшено атласное одеяло. Он с интересом огляделся. Через высокие решетчатые окна пробивался солнечный свет. В другом углу комнаты лакей тихо разглаживал одежду.

— Эй, ты к-хто? — прохрипел Фойл.

Лакей повернулся.

— Доброе утро, мистер Формайл, — пробормотал он смущенно.

— Кх… ш-хто?

— Прекрасное утро, сэр. Я возьму на себя смелость предложить вам этот превосходный костюм из коричневой саржи и туфли из кордовской…

— Ты че мне мозги паришь?

— Я… — Лакей замолк и с беспокойством уставился на Фойла. — С вами все в порядке, мистер

Формайл?

— Ты как меня назвал, чучело?

— Вашим именем, сэр!

— Меня… Формайл? — Фойл вылез из кровати. — Не-а. Чушь. Я Фойл. Гулли Фойл, таково мое имя. Мое!

Лакей закусил губу.

— Минуточку, сэр…

Он высунулся из комнаты, позвонил в колокольчик, с кем-то пошептался. Появилась прекрасная девушка в белом одеянии, подбежала к постели, осторожно уселась на краешек. Взяла Фойла за руки, заглянула ему в глаза. Вид у нее был крайне встревоженный.

— Милый, милый, милый! — зашептала она. — Ты же не собираешься снова все начинать, нет, милый? Доктор клялся, что ты пошел на поправку.

— Шо начинать? Че ты мелешь?

— Весь этот болезненный бред про обычного космофлотца Гулливера Фойла…

— Я Гулливер Фойл. Меня так звать. Гулли Фойл я, вот.

— Милый, любимый, но ведь это не так. Это же просто кошмар, который поглотил тебя на много недель. Ты слишком много работал. И пил тоже

невоздержанно.

— Я всю жизнь Гулли Фойл. Я!

— О да, милый, я понимаю, тебе так кажется. Но ты не он. Ты — Джеффри Формайл. Джеффри. Формайл. Ты… Разве сердце тебе не подсказывает? Одевайся, любовь моя. Пойдем. Туда, вниз по лестнице. В офисе полный беспорядок без тебя.

Фойл нехотя позволил лакею себя одеть и тупо побрел вниз по лестнице следом за прекрасной девушкой. Та, бросая на него взоры неподдельного обожания, провела Фойла через гигантскую студию, уставленную мольбертами, увешанную картинами и набросками, заваленную палитрами. Потом — через огромный зал, где за бесчисленными столами работали с документами клерки, секретари, брокеры и прочий офисно-биржевой люд. И, наконец, привела в превосходно обставленную лабораторию, где все блестело металлом и стеклом. Полыхали и шипели бунзеновские горелки, кипятились и фырчали из колб разноцветные жидкости. Запах стоял трудноописуемый, но приятный: пахло загадочной химией и странными экспериментами.

— Это еще что за фигня? — вопросил Фойл.

Девушка усадила Фойла в плюшевое кресло с подлокотниками подле огромного стола, завален-

ного любопытными бумагами: кто-то торопливо исчеркал все листы загадочными символами. На некоторых, однако, Фойл углядел имя: Джеффри Формайл. И властный, решительный росчерк.

— Это какая-то жуткая ошибка, ну и все тут… — начал было Фойл.

Девушка жестом попросила его помолчать.

— Вот и доктор Риган. Он объяснит.

Импозантный пожилой господин с безукоризненными, располагающими к доверию манерами приблизился к Фойлу, потрогал его за руку там, где бьется пульс, заглянул в глаза и удовлетворенно покивал.

— Отлично, — сказал он. — Превосходно. Вы близки к полному выздоровлению, мистер Формайл, сэр. Не затруднит ли вас прислушаться ко мне на минутку?

Фойл кивнул.

— Вы ничего не помните о своем прошлом. У вас остались только ложные, наведенные воспоминания. Вы слишком много работали. Вы человек высокого положения, от вас чересчур многое зависит. Месяц назад вы ушли в запой… Нет-нет, не трудитесь отрицать. В запой. Вы потеряли себя.

— Я…

— Вы убедили себя, что вы отнюдь не влиятельный, известный всему миру Джефф Формайл. Инфантильная попытка сбежать от великой ответственности. Ах! Вы спрятались под личиной обыкновенного космофлотца по имени Фойл. Гулливер Фойл, не так ли? И еще какое-то странное число…

— Гулли Фойл, личное дело AS-128/127:006. Но это же я! Я… Это…

— Это не вы. Вот — вы.

Доктор Риган широким жестом обвел просторный офис, просматривавшийся через стеклянную стену лаборатории. Там кипела работа.

— Лишь отринув старые воспоминания, вы сможете вновь обрести подлинные. Вся эта великолепная реальность — ваша, если только мы сумеем помочь вам избавиться от бредовой личины космофлотца. — Доктор Риган наклонился вперед, стекла его очков гипнотически заблестели. — Детально реконструируйте ложные воспоминания, и я помогу вам их вырвать. Где именно в своей иллюзии вы оставили вымышленный корабль «Кочевник»? Как именно вам удалось оттуда выбраться? Где именно вы представляете себе космический корабль «Кочевник» в данный момент?

Фойл заколебался. Романтика и гламур были так близко, протяни руку и ухватись…

— Я так думаю, я оставил «Кочевника»…

Он умолк. Из очков доктора Ригана на него воззрилось дьявольское отражение: жуткая маска тигра со словом К♂ЧЕВНИК, выжженным поперек перекошенных бровей. Фойл вскочил.

— Брехуны! — загромыхал он. — Я настоящий! Это все подстава! Что со мной случилось, то правда! Я настоящий! Я!

В лабораторию вошел Сол Дагенхэм.

— Ладно, — сказал он. — Хватит. Пустая трата сил.

В лаборатории, офисе и студии все замерло. Актеры снялись с мест и тихо улетучились, стараясь не смотреть на Фойла. Дагенхэм одарил Фойла улыбкой скелета.

— А ты крепче гвоздей, н-да. Ты и вправду уникален. Меня зовут Сол Дагенхэм. У нас пять минут, чтобы поговорить. Выйдем-ка в сад.

Седативный сад, раскинутый на крыше отделения терапии, явился подлинным триумфом терапевтической планировки интерьеров. Каждый ракурс и оттенок, любой контур в нем были спроектированы так, чтобы вызывать покорность и подавлять агрессию, приглушать гнев и

истерику, поглощать меланхолию и выводить из депрессии.

— Сядь, — приказал Дагенхэм, указывая на скамейку рядом с кристально чистым прудиком. — Не пытайся джонтировать: ты под наркотиками. Мне придется ходить вокруг. Не могу к тебе слишком близко подойти. Я «горячий». Ты понимаешь, что это значит?

Фойл угрюмо покачал головой. Дагенхэм сомкнул руки чашечкой над пламенеющим цветком орхидеи и подержал так мгновение.

— Следи за цветком, — сказал он, — и поймешь.

Он прошел немного по аллейке и внезапно развернулся.

— Ты, конечно, был прав. Все, что с тобой произошло, случилось на самом деле… только вот *что* случилось?

— Пошел к черту, — проскрежетал Фойл.

— Знаешь, Фойл, а я тобой восхищаюсь.

— Пошел к черту.

— В определенном — конечно, примитивном — смысле ты гениален. Ты кроманьонец, Фойл. Я за тобой следил. Бомбочка, которую ты швырнул на престейновской верфи, очень неплоха. Ты бы видел, что творится в госпитале, как они

пытаются дознаться, куда делись украденные тобой деньги и препараты. — Дагенхэм начал загибать пальцы. — Ты обмишулил охранников, обворовал отделение для слепых, обчистил склад лекарств, утащил оборудование из лаборатории.

— Пошел к черту, ты.

— Но Престейн-то что тебе сделал? Зачем ты ворвался на его верфь и попытался там все взорвать? Они мне рассказали, что ты вломился внутрь и понесся между шахт, как дикарь. Фойл, что ты пытался там натворить?

— Пошел к черту.

Дагенхэм усмехнулся.

— Если уж мы собрались поболтать, — сказал он, — тебе следует поддерживать разговор. Твоя нудятина меня утомляет. Что случилось с «Кочевником»?

— Не знаю про «Кочевника», ничего не знаю.

— В последний раз корабль выходил на связь более семи месяцев назад. Ты единственный оставшийся в живых? И что ты делал все это время? Украшал лицо?

— Не знаю про «Кочевника», ничего не знаю.

— Не-не-не, Фойл, так не пойдет. Ты сюда приперся с татуировкой К♂ЧЕВНИК через все лицо. Свежей татуировкой. Разведка проверила: ты

был на борту «Кочевника», когда эта развалюха отчалила в космос. Фойл, Гулливер, личное дело AS-128/127:006, помощник механика третьего класса. А потом, как если бы этой бесовщины было разведке недостаточно, ты возвращаешься на частной яхте, которая числилась пропавшей без вести уже пятьдесят лет. Человече, да ты на себя посмотри. Ты играешь с ядерным реактором. Разведке нужны ответы на все вопросы. Ты наверняка осведомлен, как в ЦР принято выбивать инфу из нужных людей.

Фойл моргнул. Дагенхэм довольно кивнул, увидев его реакцию.

— Ага, вот поэтому-то я думаю, что ты прислушаешься к рациональным доводам. Нам нужна информация, Фойл. Признаю: я пытался выманить ее у тебя. Я провалился. Ты слишком крепкий орешек. Это я тоже готов признать. Теперь я предлагаю тебе сделку. Честную. Защита в обмен на сотрудничество. Если нет — тебя лет эдак на пять запихнут в разведлабораторию и примутся вырезать из тебя информацию по кусочкам.

Фойла испугала не так угроза пыток, как потеря свободы. Ему нужна была свобода, чтобы накопить денег и снова найти «Воргу». Чтобы

растерзать «Воргу», располосовать ее, разъять на ошметки.

— Что за сделка? — спросил он наконец.

— Скажи нам, где ты оставил свою развалюху, «Кочевника», и что с ней сталось.

— Зачем это тебе, чучело?

— Зачем? Потому что мы хотим ее спасти, ты, чучело.

— Там нечего спасать. Там одни обломки, вот и все.

— Даже в обломках можно отыскать что-нибудь ценное.

— Хочешь сказать, полетите за миллион миль в мусоре копаться? Не шути со мной, ты, чучело.

— Ладно, — обессилел Дагенхэм. — Там был груз.

— Никакого груза там нет. Все вывалилось.

— Об этом грузе ты не мог знать, — доверительным тоном сообщил ему Дагенхэм. — «Кочевник» перевозил платиновые слитки в Марсианский банк. Иногда банкам нужно подбивать счета… Обычно межпланетная торговля достаточно интенсивна, чтобы обходились взаимозачетами на бумаге. Война разрушила нормальную торговую структуру. Марсианский банк обнаружил, что Престейн им должен двадцать миллионов

кредитов с хвостом — и способа возместить эту недостачу никакого. Только взять и привезти деньги. Престейн отправил им платиновые слитки на борту «Кочевника». Они были спрятаны в сейфе. В каюте дежурного по хозчасти.

— Двадцать миллионов, — прошептал Фойл.

— Плюс-минус пять тысяч. Корабль был застрахован, но страховщики, Бонесс и Уиг, тоже вправе его спасать. Они еще покруче Престейна за него уцепились бы. В общем, могу пообещать и тебе долю. Скажем, двадцать тысяч кредитов.

— Двадцать миллионов, — снова прошептал Фойл.

— Предполагается, что где-то в пути «Кочевника» перехватил и выпотрошил рейдерский корабль Внешних Спутников. Но на борт они не высаживались и судно не грабили, иначе бы тебя не оставили в живых. Это значит, что сейф в каюте дежурного по… Фойл, ау! Ты меня вообще слушаешь?

Фойл его не слушал. Он грезил о двадцати миллионах. Какие там двадцать тысяч — двадцать миллионов в платиновых слитках сверкали перед его внутренним оком, и была ими выложена широкая, привольная дорога к «Ворге». Не надо больше воровать из каптерок да лабораторий.

Двадцать миллионов. Их хватит, чтобы уничтожить «Воргу». Истребить ее.

— Фойл!

Фойл пришел в себя и посмотрел на Дагенхэма.

— Не знаю про «Кочевника», — проговорил он, — ничего не знаю.

— Какая муха опять тебя укусила? Чего ты снова дурака валяешь?

— Не знаю про «Кочевника», ничего не знаю.

— Я предлагаю достойное вознаграждение. Двадцати тысяч космофлотцу хватит закатить такую пирушку, что ад замерзнет… сроком, скажем, на год. А большего тебе и не нужно, правда?

— Не знаю про «Кочевника», ничего не знаю.

— Или мы, Фойл, или разведка. Думай.

— Ай, чучело, да ты не прочь, чтоб они меня сграбастали, а не то бы ты со мной всей этой фигни не вытворял, ты, урод. А мне насрать. Не знаю про «Кочевника», ничего не знаю.

— Ах ты сукин…

Дагенхэм с трудом подавил гнев. Он и так слишком раскрылся перед этим примитивным и оттого хитрым созданием.

— Ты прав, — сказал он. — Мы совсем не против, чтобы тобой занялась разведка, но у нас свои соображения.

В его голосе прорезался металл.

— Ты думаешь, тебе под силу нас одурачить? Ты думаешь, тебе удастся ускользнуть и добраться до «Кочевника»? Ты даже рассчитываешь увести у нас из-под носа его груз, да?

— Нет, — сказал Фойл.

— А теперь послушай меня внимательно. У нас в Нью-Йорке адвокат. Все бумаги готовы. Против тебя откроют уголовное дело за рейдерство. Рейдерство в космосе, убийство и грабеж. Мы тебя раздавим. Престейн организует суд за двадцать четыре часа. Если ты не знаешь, что такое уголовная ответственность, я тебе поясню. Это лоботомия. Они срежут тебе верхушку черепа и выжгут половину мозгов, так что ты больше никогда, никогда не сможешь уйти в джонт.

Дагенхэм остановился и веско поглядел на Фойла. Тот покачал головой. Дагенхэм продолжил:

— Если даже тебя не приговорят к лоботомии, ты получишь как минимум десять лет так называемого лечения. Так это сейчас в шутку называют. У нас, знаешь ли, просвещенный век, и преступников больше не наказывают. Их лечат. Но иногда лечение это хуже казни. Они тебя засунут в яму где-нибудь в подземном госпитале. В пещерах. Тебя станут содержать в непроглядном

мраке и полной изоляции, так что джонтировать оттуда ты не сумеешь. Разумеется, тебя будут иногда отвлекать терапевтическими процедурами и лечебными фильмами, а все остальное время ты будешь гнить во тьме. Ты останешься гнить там, пока не заговоришь. Если понадобится, мы продержим тебя там вечно. Подумай над этим.

— Не знаю про «Кочевника». Ничего не знаю! — ответил Фойл.

— Ну хорошо же, — выплюнул Дагенхэм.

Внезапно он указал на цветок орхидеи, которого коснулся. Цветок почернел и скукожился.

— С тобой произойдет то же самое.

Глава 5

К югу от Сен-Жирона, недалеко от франц-ско-испанской границы, лежит самая глубокая пропасть во Франции — Гуфр-Мартель. Пещеры ее тянутся на мили глубоко под Пиренеями. Там находится самый жуткий пещерный госпиталь на Терре. Ни одному пациенту еще не удалось джонтировать из его непроглядной тьмы. Ни один пациент еще не смог собраться с мыслями и определить джонт-координаты черных госпитальных бездн.

Если не считать префронтальной лоботомии, существует только три способа воспрепятствовать джонту: сотрясение мозга, одурманивание наркотиками и засекречивание джонт-координат. Из этих трех в эру всеобщего джонта наиболее практичным считался последний.

Великие извилистые пещеры Гуфр-Мартеля были вырублены в скальной толще и никогда не подсвечивались. Не освещались и переходы между ними. Тьму заливало незримое излучение инфракрасных ламп. Черный свет этот был видим только охранникам и посетителям, которые надевали наглазники со специальными линзами.

Что же до пациентов, то им представали только мрак и тишина, изредка нарушаемая далеким шумом подземных вод.

Для Фойла тоже остались только тишина, далекий шепот вод и госпитальная рутина. В восемь часов утра (хотя в безвременной бездне это мог оказаться и любой иной час) его будили звонком. Он вставал и получал завтрак, подаваемый в камеру по пневмотрубе. Его следовало съесть немедленно, поскольку суррогат, налитый в чашки и размазанный по тарелкам, был запрограммирован разложиться сам собой через пятнадцать минут. В восемь тридцать дверь камеры открывалась; Фойл и сотни других узников слепо шаркали по извилистым коридорам на санобработку.

Здесь, по-прежнему во мраке, их, точно быков на бойне, чистили, брили, облучали, подвергали дезинфекции, вводили прививки и другие препараты. Бумажную одежду забирали и отправляли на переработку, а взамен выдавали новую. Затем узники шаркали назад в камеры, где тем временем осуществлялась автоматическая уборка. Фойл выслушивал терапевтические проповеди, лекции, моральные и этические наставления — эта неотвратимая пытка длилась до конца утра.

Потом снова повисала тишина, не нарушаемая ничем, кроме далекого шепота вод и осторожных шагов оснащенной инфракрасными наглазниками охраны по коридорам.

После полудня наступало время лечебной трудотерапии. В каждой камере загорался телеэкран, и пациент должен был погрузить руки в его обрамленную тенями рамку. Он наблюдал трехмерную картинку и ощущал транслируемые по широкополосному каналу объекты и инструменты. Он кроил госпитальную одежду, готовил еду и формовал кухонную посуду. На самом-то деле он ни к чему не прикасался: движения передавались в автоматизированные мастерские. По истечении этого сладостного, но краткого часа снова повисали тьма и тишина.

Но довольно часто, может, пару раз в неделю (или, вероятнее, пару раз в год), долетал глухой хлопок далекого взрыва. Звук был достаточно ощутим, чтобы выдернуть Фойла из ментальной топки ненависти, где он укрывался от тишины. Он перешептывался с невидимками, бредущими на санобработку.

— Что там за взрывы были?

— Взрывы?

— Ну, шум. Там далеко. Я слышал.

— А, это джонты в синь.

— Что?

— Джонты в синь. Бывает, какого-то парня старый Джеффри совсем догрызает[10]. Не может вынести больше. Ну и джонтирует, куда глаза глядят. В далекую синь.

— Иисусе.

— Ага. Никто не знает, куда они попали. Не знаю, что хотели. Джонт отчаяния в темноту. Слышим, как они взрываются в горах. Бум! и всё. Джонт в синь.

Фойла это удивляло, но потом он начал понимать. Тьма, тишина и монотонное, ничем не занятое времяпрепровождение приводили чувства в расстройство и порождали депрессию. Одиночество было непереносимо. Пациенты, погребенные в тюремном госпитале Гуфр-Мартель, нетерпеливо ожидали каждого следующего утра, каждой следующей санобработки, чтобы перекинуться словами и услышать шепотки товарищей по несчастью. Но этих отрывочных разговоров отчаянно не хватало. Нарастала депрессия. Рано или поздно раздавался очередной

---

[10] Примечания: 10

Старый Джеффри (old Jeffrey) — эвфемизм для обозначения дьявола. Смысл фразы явно в том, что узник сходит с ума. Также явная игра слов «Гуфр — Джеффри» (Gouffre — Jeffrey). — *Примеч. перев.*

далекий взрыв.

Случалось, однако, что доведенные до отчаяния узники накидывались друг на друга прямо во время санобработки. Вспышки насилия тут же подавлялись охранниками в наглазниках, и утром следующего дня взамен обычной проповеди звучала лекция, превозносящая достоинства терпения и смирения.

Фойл выучил все лекции наизусть. Он знал их до последнего слова, щелчка и вздоха. Он приучился распознавать голоса чтецов: понимающий баритон, веселый тенор, резкий бас. Он научился отключать слух на время терапевтического бубнежа и все остальные чувства на время трудотерапии, выполняя необходимые действия механически, но противостоять бессчетным часам одиночества ему было не под силу. Одной ярости оказывалось недостаточно.

Он потерял счет дням, завтракам и проповедям. Он перестал перешептываться с остальными на санобработках. Разум его блуждал, теряясь во времени и пространстве. Ему мерещилось, что он снова на борту «Кочевника», сражается за жизнь. Затем даже эта спасительная иллюзия его покинула, и он начал все глубже увязать в черной яме кататонии. В могильной тишине,

могильной тьме и сне, каким спит эмбрион в материнской утробе.

Ему снились сны. В этих снах ему являлась ангелица. Однажды она принялась что-то нашептывать. В другой раз принялась петь. На третий раз он услышал, как ангелица богохульствует:

— Черт подери! Святая срань! Ах ты, боже…

На снижающейся ноте восклицания эти бередили ему сердце. Он погружался в бездну и прислушивался к ней.

— Выход есть, — бормотала ангелица ему на ухо, напевно, успокаивающе. Голос ее был теплый, мягкий, как шелк, но исполненный сдержанного гнева. То был голос ангела мести. — Выход есть.

Шепот шел ниоткуда.

Вдруг странная логика отчаяния открыла ему, что ангелица, возможно, говорит о выходе из Гуфр-Мартеля. Дурак он был, что не понял этого прежде.

— Агх-ха, — прокаркал он. — Выход.

Мягкий вздох и осторожный вопрос:

— Кто это?

— Я, — сказал Фойл. — Кто ж еще?

— Где ты?

— Здесь. Я всегда тут был. Ты ж знаешь.

— Нет тут никого. Я одна.

— Спасибо, что была со мной.

— Слуховые галлюцинации — это плохо, — пробормотал ангельский голос. — Первый шаг в бездну безумия. Надо с этим кончать.

— Ты указала мне путь. Джонтирую-ка я в синь.

— Джонт в синь! Черт! Господи, это происходит на самом деле! Ты говоришь на уличном арго! Ты настоящий. Ты кто?

— Гулли Фойл.

— Но ты же не в моей камере. Мы даже не соседи. В моем квадранте Гуфр-Мартеля нет мужчин. Женщины в южном. Я в камере Юг-900. А ты где?

— Север-111.

— Ты в четверти мили от меня. Как мы… ну да, разумеется! Это же Линия Шепота. Я всегда считала ее выдумкой, но, получается, она существует на самом деле. И она работает!

— Ладно, я пошел, — прошептал Фойл. — Ухожу в синь.

— Фойл, послушай меня. Забудь ты про свой джонт в синь. Не уходи. Это же чудо.

— Что за чудо?

— В Гуфр-Мартеле наблюдается акустический феномен… такое случается в глубоких пещерах… галереи эха и шепотов… Старожилы зовут это

Линией Шепота. Я им никогда не верила. Никто не верил. А это правда. Мы переговариваемся по Линии Шепота. Никто нас не слышит, а мы слышим друг друга. Мы можем говорить друг с другом, Фойл. Мы составим план. Мы попытаемся отсюда сбежать!

Ее звали Джизбелла Маккуин. Она была горячая штучка: независимая и умная. Ее приговорили к пяти годам в Гуфр-Мартеле за мошенничество. Джизбелла с яростным юмором описывала Фойлу свое преступление против общества.

— Ты ведь, Гулли, даже не знаешь, на что обрек джонт нас, женщин. Мы взаперти. Вернулись в серали.

— Серали? А что это такое, девочка?

— Гаремы. Места, где женщин держали, так сказать, в морозильнике. Тысяча лет развития цивилизации (ну, так говорят), а мы остаемся чужой собственностью. Джонт-де так опасен для нашей добродетели, для чести, для благонравия, что нас теперь запирают, как золотые слитки в сейф. Для нас не находится никаких достойных занятий, Гулли. Ни тебе работы, ни тебе карьеры. И выхода нет, Гулли, если только не послать все правила и законы к черту.

— И ты так сделала, Джиз?

— Я хотела независимости, Гулли. Я стремилась жить своей жизнью, а общество не оставило мне других путей. Я сбежала из дому и пошла вразнос.

Джиз перешла к описанию красочных деталей своего мятежа. Афера на благотворительности. Афера на лечении катаракт. Медовый месяц. Афера с похоронками. Барсучий джонт[11]. Афера с одноглазым[12].

Фойл поведал ей о «Кочевнике» и «Ворге», о своей ненависти и планах. О том, как выглядит теперь его лицо, он Джизбелле не сказал. Умолчал он и о двадцати миллионах платиной, спрятанных среди астероидов.

— Что случилось с «Кочевником»? — допытывалась Джизбелла. — Все было так, как сказал

---

[11] Примечания: 11

Досл. the Badger Jaunte. Badger (*англ.*) — барсук; шантажист (*жарг.*). Барсучья ловушка, как обычно называют этот прием шантажа, предусматривает участие привлекательной девушки, склоняющей богатого женатого мужчину к половой связи. Затем партнеры девушки начинают шантажировать бедолагу порнографическими снимками или видеозаписями с его участием, а сама девушка — угрозами подать заявление об изнасиловании в полицию. Происхождение названия неясно. — *Примеч. перев.*

[12] Примечания: 12

Досл. the Glim-Drop. Эта разновидность игры на доверии обычно предусматривает участие человека со стеклянным глазом или другим протезом, который притворяется, что потерял свой глаз в людном месте, и предлагает вознаграждение нашедшему. Сообщник аферист через некоторое время является в магазин или кафе, где побывал одно-

глазый, и предъявляет владельцам якобы найденный глаз. Владельцы, решив выторговать у него находку, платят определенную сумму (разумеется, ниже предложенного аферистом вознаграждения, но все равно достаточно значительную). Само собой, ни аферист, ни его помощника отыскать впоследствии не удается. Трюк особенно красочно описан в романе Нила Геймана «Американские боги». — *Примеч. перев.*

тот человек, Дагенхэм? Корабль подбило залпом рейдера с Внешних Спутников?

— Да не знаю я. Не помню, девочка.

— Вероятно, при взрыве тебя контузило, и ты частично потерял память. Да и потом, ты шесть месяцев дрейфовал в одиночестве… не способствует. Ты ничего особенно ценного не заметил в обломках «Кочевника»?

— Нет.

— Дагенхэм ничего не упоминал?

— Нет, — солгал Фойл.

— Значит, у него должна иметься другая причина, чтобы заточить тебя в Гуфр-Мартель. Что-то еще ему нужно от «Кочевника».

— Ага, Джиз.

— Но и ты ведь порядком протупил, пытаясь взорвать «Воргу». Ты, словно дикий зверь, пытался прокусить свой капкан, наказать его. Сталь неживая, она не умеет думать. «Воргу» ты наказать не сможешь.

— Не понял, о чем ты, девочка. «Ворга» пролетела мимо и не взяла меня.

— Ты должен будешь покарать мозг, Гулли. Мозг, личность, которая управляла «Воргой». Найди того, кто отдал приказ не подбирать тебя. Покарай его.

— Ага. Как?

— Учись думать, Гулли. Этой вот головой, что у тебя на плечах, ты придумал, как сдвинуть с места обездвиженного «Кочевника» и соорудить бомбу. Но никаких больше бомб. Учись думать мозгами. Разыщешь кого-нибудь из команды «Ворги». Он тебе скажет, кто был на борту. Проследишь всех. Найдешь того, кто им приказывал. Покараешь его. Но это займет время, Гулли. И отнимет деньги. Время и деньги. Больше, чем у тебя есть.

— У меня вся жизнь, в натуре.

Часами они перешептывались по Линии Шепота. Каждому казалось, что другой говорит ему прямо на ухо. Слышно было только в определенном месте камеры, на определенной высоте; потому-то так много времени прошло, прежде чем они наткнулись на чудо. Теперь оставалось наверстывать упущенное. Джизбелла принялась обучать Фойла.

— Если мы выберемся из Гуфр-Мартеля, Гулли, лучше держаться вместе, а я не готова довериться безграмотному напарнику.

— Кто тут безграмотный?

— Ты, — честно ответила Джизбелла. — Я с тобой половину времени на языке помоек гута-

рю, ну?

— Я умею читать и писать.

— Да нет, я обо всем остальном. За исключением грубой силы, ты бесполезен.

— Ты язык-то прикуси, — сердито сказал он.

— Я до тебя достучаться хочу. Какая польза от клинка из самой прочной стали, если он затуплен? Надо тебя отточить, Гулли. Надо тебе какое-то образование дать, парень, вот.

Он подчинился. Понял, что она права. Ему нужно учиться, не только чтобы не сойти с ума, но и чтобы потом найти «Воргу». Джизбелла была дочерью архитектора и получила неплохое образование. Теперь она передавала его Фойлу, обогатив циничным опытом пяти лет преступного мира. Временами Фойл восставал против тяжелой науки, и они шепотом переругивались, но в конце концов он неизменно приносил извинения и снова начинал учиться. Временами Джизбеллу оставляли силы, и тогда они просто переговаривались, делясь во тьме своими снами.

— Думаю, мы влюбляемся друг в друга, Гулли.

— Тоже так думаю, Джиз.

— Я старая карга, Гулли. Выгляжу на сто пять лет. А как ты выглядишь?

— Кошмарно.

— Насколько кошмарно?

— У меня с лицом не все в порядке.

— Романтично звучит. У тебя там какой-нибудь восхитительный шрам, подчеркивающий мужскую красоту?

— Нет. Ты увидишь, когда встретимся мы. Неправильно это, да, Джиз? Просто: *когда встретимся.* И точка.

— Хорошо, очень хорошо.

— Мы однажды встретимся, не так ли, Джиз?

— Надеюсь, что скоро, Гулли. — Далекий голос Джизбеллы сделался суровым, как у бизнес-леди. — Но пора нам оставить надежды и вернуться к работе. Надо строить планы и готовиться.

В преступном мире Джизбелла почерпнула много информации о Гуфр-Мартеле. Никому еще не удалось джонтировать из пещерных госпиталей, но десятилетиями напролет сведения о них просачивались наружу. Именно благодаря им Джизбелле удалось так быстро сориентироваться на Линии Шепота. На основе этих сведений она и стала сооружать план бегства.

— Мы это сделаем, Гулли. Не сомневайся ни на минуту. В системе безопасности должны быть дюжины прорех.

— Пока еще никто не сумел их обнаружить.

— Пока еще никто не располагал содействием напарника. Мы соберем информацию. Мы это сделаем.

Он перестал бездумно шаркать на санобработку и обратно. Он ощупывал коридорные стены, отмечал расположение дверей, текстуру поверхностей, подсчитывал, вслушивался, строил гипотезы и составлял отчеты. Он запоминал и рассказывал Джиз каждый шаг по дороге на санобработку. Вопросы, которые он задавал другим в душе и на вошебойках, теперь обрели цель: Фойл и Джизбелла сообща строили карту Гуфр-Мартеля и его системы безопасности.

Однажды утром, после возвращения с вошебойки, ему преградили путь на пороге камеры.

— Не останавливайся, Фойл.

— Это же Север-111. Я знаю, где надо остановиться.

— Продолжай идти.

— Но… — Его охватил ужас. — Меня переводят?

— К тебе посетитель.

Он прошел до конца северного коридора. Там этот коридор соединялся с тремя остальными, образовавшими исполинскую крестообразную структуру госпиталя. В перекрестье находились административные офисы, мастерские, клини-

ки и энергостанции. Фойла впихнули в тесную каморку. Там было почти так же темно, как в его собственной камере. Дверь закрылась. Он различил во мраке чей-то силуэт. Не более чем призрак — с размытым телом и черепом вместо головы. Два черных диска на месте глаз, может быть, инфракрасные наглазники.

— Доброе утро, — молвил Сол Дагенхэм.

— Ты?! — вырвалось у Фойла.

— Я. У нас пять минут. Вон стул. Садись.

Фойл нашарил стул и медленно опустился на него.

— Ты как? — спросил Дагенхэм.

— Чего тебе нужно, Дагенхэм?

— А ты изменился, — сухо констатировал Дагенхэм. — В последний раз, как мы беседовали, твое участие в диалоге свелось исключительно к *Пошел к черту.*

— Пошел к черту, Дагенхэм, если тебе так легче.

— Твое мышление изменилось, твоя речь стала богаче, — пробормотал Дагенхэм. — Ты изменился чертовски быстро и чертовски разительно, и мне это чертовски подозрительно. Что они с тобой тут делают?

— Я записался в ночную школу.

— Ты провел в ней десять месяцев.

— Десять месяцев! — воскликнул Фойл. — Так долго?

— Десять месяцев без света и звука. Десять месяцев в одиночном заключении. Ты должен был сломаться.

— Ну, я и сломался, чо.

— Ты тут должен бы ползать у меня под ногами и стонать. Я был прав. Ты необычайный человек. С такой скоростью дело не пойдет. Мы не можем больше ждать. У меня новое предложение.

— Озвучь его.

— Десять процентов от сокровища «Кочевника». Два миллиона.

— Два миллиона! — поразился Фойл. — Что ж ты сразу не предложил?

— Я не знал, чего ты стоишь. По рукам?

— Почти. Но еще нет.

— Чего ты хочешь?

— Пускай меня выпустят из Гуфр-Мартеля.

— Естественно.

— И еще одного человека.

— Устроим. — Голос Дагенхэма стал резким. — Что еще?

— Мне нужен доступ к документам Престейна.

— Ни в коем случае. Ты с ума сошел? Обра-

зумься.

— К корабельному реестру.

— Зачем?

— Мне нужен список команды на одном из его кораблей.

— А, это. — Дагенхэм снова повеселел. — Это я устрою. Еще что-нибудь?

— Нет.

— Тогда по рукам.

В голосе Дагенхэма послышалось облегчение, и он поднялся из кресла — призрачная размытая фигура.

— Через шесть часов мы тебя заберем. И сразу начнем улаживать дела насчет твоего приятеля. Жаль, что впустую потеряли столько времени, но никто не знал, что ты такой кремень, Фойл.

— Почему бы тебе просто не послать ко мне телепата?

— Телепата? Фойл, да полно тебе. На всех Внутренних Планетах и десятка телепатов не наберется. У них график расписан на десять лет вперед. Ни медовой ловушкой, ни деньгами их не убедить.

— Извини, Дагенхэм, но мне казалось, что ты плохо знаешь свое дело.

— Обижаешь!

— А теперь я уверен, что ты лжец.

— Оскорбляешь.

— Ты мог бы нанять телепата. За долю от двадцати миллионов хоть кого-то, а мог бы. С легкостью.

— Правительство не позволило…

— Не все телепаты работают на правительство. Не-е-е-ет. У тебя слишком деликатный заказ, чтобы подпускать к нему телепата.

Призрак переместился через каморку и склонился над Фойлом.

— Фойл, что тебе известно? Что ты утаиваешь? На кого ты работаешь?

У Дагенхэма затряслись руки.

— Иисусе! Как же ты меня провел! Разумеется, ты не простой космофлотец. Ты очень необычен. Я тебя еще раз спрашиваю: на кого ты работаешь?

Фойл с трудом оторвал от себя цепкие пальцы Дагенхэма.

— Ни на кого, — ответил он, — если не считать самого себя.

— Ни на кого? И даже не на своего дружка в Гуфр-Мартеле, которого ты так пытаешься вытащить? Господи, Фойл, а ты меня чуть не одурачил! Передай капитану Ян-Йеовилу мои поздравле-

ния. У него спецы покруче, чем я себе думал.

— Не знаю ни про какого Ян-Йеовила.

— Ты и твой дружок здесь сгниете. Сделка отменяется. Я тебя угроблю. Я тебя переведу в самую гнусную камеру госпиталя. Я тебя на дно самой глубокой пещеры Гуфр-Мартеля сброшу. Я тебя… Охрана! Охр…

Фойл схватил Дагенхэма за горло, пригнул к полу и как следует приложил головой о выступавший из стены камень. Дагенхэм дернулся один раз и затих. Фойл сорвал с его лица наглазники и нацепил их. Вернулся свет: мягко-красный и розовый. Появились тени.

Он находился в маленькой приемной со столиком и двумя стульями.

Фойл сорвал с Дагенхэма одежду и двумя быстрыми движениями облачился в нее, распоров в плечах. Высокая шляпа Дагенхэма оставалась лежать на столе. Фойл нахлобучил ее на голову и опустил поля пониже, закрывая лицо.

Из стен смотрела друг на друга пара дверей. Фойл со скрежетом распахнул одну. Она вела обратно в северный коридор. Он закрыл ее, пересек комнату и открыл следующую. За ней обнаружился противоджонтовый лабиринт. Фойл проскользнул в эту дверь и углубился в него,

однако без проводника почти сразу потерялся. Попетляв немного, он снова очутился в приемной. Дагенхэм пришел в себя и поднимался на четвереньки.

Фойл развернулся, снова бросился в лабиринт и побежал. Нашел закрытую дверь и распахнул ее. Там оказалась просторная мастерская, освещенная обычным светом. Двое работавших за какой-то машиной техников подняли головы в удивлении.

Фойл подхватил оказавшуюся поблизости кувалду и замахнулся на них, будто пещерный человек. Техников как ветром сдуло. Откуда-то сзади доносились вопли Дагенхэма. Фойл дико вертел головой, оглядываясь и страшась угодить в тупик. Мастерская имела форму буквы L. Фойл забежал за угол, проскочил в новый противоджонтовый лабиринт и снова потерялся. Завыли сирены системы безопасности Гуфр-Мартеля. Фойл в отчаянии рубанул стену лабиринта кувалдой, пробил пластиковую панель и очутился в залитом инфракрасным светом коридоре. То был квадрант женского отделения.

По коридору бежали две охранницы. Фойл замахнулся кувалдой и отпугнул их. Он был почти у входа в коридор. Впереди уходили вдаль одина-

ковые двери камер, на каждой полыхал красным какой-то номер. Над его головой череда красных шаров освещала коридор. Фойл привстал на цыпочки и разбил ближайший, дотянулся до кабеля энергопитания и перебил его тоже. Коридор погрузился во тьму. Темно было даже в наглазниках.

— Теперь все на равных, — выдохнул Фойл, — поиграем в прятки?

И припустил по коридору, ощупывая стены и считая камеры. Джизбелла дала ему точное словесное описание Южного Квадранта. Он бежал в сторону камеры Юг-900. Навстречу выскочила еще одна охранница. Фойл ударил ее рукоятью, охранница вскрикнула и повалилась замертво. Пациентки начали вопить. Фойл сбился со счета и потерял дыхание. Остановился.

— Джиз! — взмолился он.

Он услышал ее голос. Побежал дальше, наткнулся еще на одну охранницу, вырубил ее, добежал до камеры Джизбеллы.

— Гулли… — Ее голос срывался. — О боже…

— Назад, девочка. Назад. — Он трижды ударил кувалдой по двери и выбил ее внутрь. Ворвался в камеру, споткнулся о кого-то, упал.

— Джиз? — выдохнул он. — Прости. Я так, мимо

пробегал, решил тебя повидать.

— Гулли, во имя…

— Ага. Чертовски трудно до тебя добраться, а? Давай. Побежали, девочка! Побежали!

Он вытянул ее из камеры.

— Мы не сможем прорваться через офисы. Я им там сильно не понравился. Где тут у вас вошебойка?

— Гулли, да ты спятил!

— Весь квадрант в потемках. Я разрубил главный кабель. У нас небольшой шанс. Давай, девочка, давай.

Он дал ей пощечину. И она наконец двинулась с места и повела его по долгим переходам в автоматизированные стойла женского отделения санобработки. Пока механические руки срывали с них одежду, намыливали, опрыскивали и дезинфицировали, Фойл искал стеклянную панель наблюдательного окошка. Нашел и выбил кувалдой.

— Давай сюда, Джиз.

Он пропихнул ее в окошко и сам пролез следом. Они оба оказались наги, перемазаны мылом, исцарапаны и изранены. Фойл шарахался из стороны в сторону во мраке, пытаясь отыскать дверь, через которую заходили медики.

— Не могу найти дверь, Джиз. Дверь из клинического отделения. Я…

— Ее нет.

— Но…

— Тихо, Гулли.

Намыленная рука потянулась к его губам и закрыла рот. Она так крепко вцепилась в его плечо, что ногти пронзили кожу. Сквозь воцарившийся в пещерах бедлам он услышал клацанье подошв. Совсем рядом, можно было руку протянуть. Охранники слепо брели по вошебойке. Инфракрасное освещение все еще не починили.

— Они могли еще не заметить это окно, — прошептала Джизбелла. — Тише.

Они скорчились, прижавшись к полу. По отделению санобработки простучали устрашающие шаги. Потом удалились. Пропали.

— Все в порядке, — шепнула Джизбелла. — Но в любой момент они могут вернуться с фонарями. Давай, Гулли. Бежим.

— Но дверь в клиническое, Джиз… Я думал…

— Нету здесь двери. Они спускаются по спиральной лестнице и втягивают ее, когда не нужна. Они тоже подумали о таком способе побега. Надо бежать через лифт прачечной. Один бог знает, куда мы попадем. Гулли, какой же ты дурак!

Какой дурак!

Они перебрались через выбитое наблюдательное окошко обратно в помещение санобработки. В темноте принялись искать лифт, доставлявший новую больничную одежду и увозивший старую. Механические руки снова намыливали беглецов, опрыскивали и дезинфицировали. Они не нашли ничего.

Внезапно раздался протяжный вой сирены, заглушивший все остальные звуки, эхом прокатившийся по пещерам. Потом стих. Темнота и тишина душили.

— Гулли, они решили отследить нас геофоном.

— Чем?

— Геофоном. Он способен расслышать шепот на расстоянии полумили скальной толщи. Поэтому и прозвучала сирена — сигнал всем молчать.

— А что там с лифтом в прачечную?

— Не могу найти.

— Тогда бежим.

— Куда?

— Просто бежим.

— Куда?

— Не знаю. Но я не собираюсь ждать, пока меня выследят. Двигаем ластами. Моя очередь преподать тебе урок.

Он снова пихнул Джизбеллу вперед, и они побежали, задыхаясь и спотыкаясь, в непроглядной тьме глубин Южного квадранта. Дважды Джизбелла падала, запутавшись в изгибах коридоров. Фойл переместился вперед и снова побежал, выставив перед собой двадцатифунтовую кувалду и используя рукоять, как антенну. Наконец кувалда ударила в стену. Стало ясно, что это тупик. Они угодили в ловушку.

— Что теперь?

— Не знаю. У меня в башке тоже тупик. Возвращаться нельзя. Я измолотил Дагенхэма там, в адмінчасти. Я его ненавижу. Подонок похож на ядовитый ярлык. Есть у тебя идея, девочка?

— О Гулли, Гулли… — всхлипнула Джизбелла.

— Ладно, придется подумать за тебя. Ты сказала: никаких больше бомб. Мне бы сейчас пригодилась хотя бы одна… Погоди минуточку. — Он ощупал склизкую стену, в которую они уперлись. Она была сложена из кирпичей и булыжников.

— Докладывает Г. Фойл. Это не естественная стена пещеры. Она выстроена из кирпичей и камней. Потрогай.

Джизбелла коснулась стены.

— И?

— Это значит, что проход тут не заканчивается.

Его просто заблокировали. Погоди-ка. Уйди с дороги.

Он отодвинул Джизбеллу в сторону, приложил ладони к полу прохода, чтобы отереть мыло, и начал методично вбиваться в стену. Он работал размеренно, тяжело сопя и кряхтя. Стальной молот ударял о стену с глухим стуком, какой слышен от столкновения камней под водой.

— Они приближаются, — сказала Джиз. — Я слышу их.

Стук молота нарушили стонуще-скрежещущие тона, и наконец посыпались камни: известковый раствор поддался. Фойл удвоил усилия. Внезапно часть стены рухнула, и проход овеяло порывом ледяного воздуха.

— Вперед, — пробормотал Фойл.

Он яростно атаковал края проделанной в стене дыры. Посыпались еще кирпичи и камни, крошки старого известкового раствора. Фойл остановился и позвал Джизбеллу.

— Попробуй.

Он отложил кувалду, поднял девушку на руки и начал проталкивать в дыру на уровне своей груди. Она вскрикнула от боли, порезавшись об острые края. Фойл безжалостно пропихивал ее дальше, пока она наконец не пролезла наружу:

сперва высунулись плечи, потом туловище и бедра. Он отпустил ноги и услышал, как она падает по ту сторону.

Подтянувшись, он пролез в отверстие сам, не обращая внимания на зазубрины по краям. Почувствовал, как Джизбелла пытается смягчить его падение в кучу камней и расколотых кирпичей. Их окружала ледяная тьма неизведанных пещер Гуфр-Мартеля… мили неизвестных гротов и каверн.

— Господи, а мы это таки сделали, — пробормотал Фойл.

Джизбеллу, судя по голосу, трясло от холода.

— Не знаю, действительно ли это путь на свободу, Гулли. Может, это нарочно устроенная ловушка. Тупик.

— Здесь должен быть выход.

— Не знаю, найдем ли мы его.

— Мы должны его найти. Давай, девочка.

Они побрели во тьму. Фойл снял ставшие бесполезными наглазники и отшвырнул их. Они то и дело спотыкались о камни, ударялись о стены и низкие потолки. Они поскальзывались на спусках и крутых естественных лесенках. Они взобрались по острому, как бритва, гребню на относительно плоский участок, и ноги их подвели.

Беглецы в изнеможении грянулись на стеклянистую поверхность. Фойл ощупал ее, попробовал языком.

— Лед, — прошептал он. — Хороший знак, Джиз. Мы в ледяной пещере. Это подземный глетчер.

Они медленно поднялись, разминая замерзающие конечности, и продолжили путь среди льдов, образовавшихся в черной бездне Гуфр-Мартеля за многие тысячелетия. Они забрели в лес сталактитов и сталагмитов, которые торчали из пола и свисали с потолка. Каждый шаг отдавался в исполинских сталактитах опасной вибрацией; смертоносные копья нависали над самыми их головами. На краю каменного леса Фойл остановился, потянулся к сталактиту и вцепился в него. Раздался явственный металлический лязг. Сталактит надломился. Фойл взял Джизбеллу за руку и вложил в нее длинный обломок конической формы.

— Используй его, как слепые пользуются палками, — пробасил он.

Он сломал еще один сталактит. Они принялись простукивать тьму, выверять путь. Звуков в пещере почти не осталось. Только панический стук сердец в ушах, тяжелое надсадное дыхание, стук сталактитовых палок, неустанная капель

подземных вод и далекое журчание протекавшей где-то под Гуфр-Мартелем реки.

— Не сюда, девочка, — взял ее за плечо Фойл. — Левее.

— Ты хоть представление какое-то имеешь, куда мы направляемся, Гулли?

— Вниз, Джиз. Все время вниз. По любому спуску.

— У тебя есть идея?

— Ага. Сюрприз! Мозги вместо бомб.

— Мозги вместо…

Джизбелла истерически расхохоталась.

— Ты ворвался в Южный квадрант с кувалдой. Это, по-твоему, называется — м-м-м-мозги вместо б-б-б-б…

Она неудержимо хохотала, пока Фойл не вцепился в нее и решительно затряс.

— Джиз, заткнись. Если они все еще прослушивают нас геофоном, тебя, наверное, с Марса можно услышать.

— Из-з-звини, Гулли. Извини. Я… — Она задержала дыхание. — А почему вниз?

— Река, которую мы все время слышим. Она должна быть где-то рядом. Наверное, она вытекает из ледника.

— Река?

— Это единственный выход. Она где-нибудь, а вырвется из гор. Мы уплывем.

— Гулли, ты сдурел.

— А тебе-то что? Ты плавать не умеешь?

— Да нет, умею, но…

— В таком случае попытаемся. Давай, Джиз. Пошли.

Шум реки нарастал, скала начала понижаться, а силы — покидать беглецов. Джизбелла наконец остановилась, тяжело дыша.

— Гулли, мне нужно отдохнуть.

— Слишком холодно отдыхать. Двигайся.

— Не могу.

— Двигайся.

Он поискал ее руку во мраке.

— Не прикасайся ко мне! — яростно выкрикнула она. Мгновение — и вспыхнет, как промасленный трут. Он удивленно отступил.

— Да что с тобой такое? Джиз, возьми голову в руки, я на тебя полагаюсь.

— И что? Я же тебе говорила, что нам нужен план. Тщательный план бегства. И посмотри, куда ты нас завел!

— У меня не было выхода. Дагенхэм собирался перевести меня в другую камеру. Отрезать от Линии Шепота. Я должен был, Джиз. И мы ведь

сбежали, разве нет?

— Куда мы сбежали? Мы потерялись в Гуфр-Мартеле, ищем долбаную реку, чтобы в ней *утонуть*! Ты дурень, Гулли, а я идиотка, что позволила себя в это втянуть. Будь ты проклят! Будь ты проклят! Ты все воспринимаешь на своем пещерном уровне — и меня туда опустил. Бежать. Драться. Колошматить. Это все, что ты знаешь. Бить. Давать сдачи. Жечь. Разруш… Гулли!

Джизбелла истошно вскрикнула. Во мраке заклацала галька, и крик быстро удалился, завершившись протяжным всплеском. Фойл слышал, как ее тело плюхнулось в воду. Он перегнулся через край обрыва и позвал:

— Джиз!

Ответа не было.

Он потерял равновесие, полетел вниз и сильно ударился о воду. Ледяная река подхватила и унесла его. Он понятия не имел, в какой стороне поверхность. Он задыхался, сучил ногами и руками, чувствуя, как предательское юркое течение бьет его тело о камни. Вынырнул наконец из воды, кашляя и отплевываясь. Он закричал. Услышал отклик Джизбеллы, заглушенный ревом потока. Он поплыл по течению, нагоняя ее.

Он кричал и слышал, как она отзывается, но с

каждым разом все тише. Рев воды еще усилился. Внезапно его перекрыло хищное шипение водопада. Его увлекло вниз. Он снова попытался вынырнуть на поверхность — на сей раз глубокого естественного бассейна. Здесь тоже ярилось течение, ударяя его замерзающим телом о гладкие каменные стены пещеры.

— Гулли, боже мой!

На миг они поймали друг друга в объятия, но затем вода снова разлучила их.

— Гкххулли… — закашлялась Джизбелла. — Поток уходит сюда.

— Река?

— Ага.

Он оттолкнулся от стены, проплыл мимо нее и ощупал горловину подводного туннеля. Течение затягивало.

— Держись, — прохрипел Фойл. Он ощупал стены слева и справа. Они были гладкие, отполированные рекой — никакой опоры.

— Не сможем залезть. Надо плыть туда.

— Там нет воздуха, Гулли. Нет поверхности.

— Это не навсегда. Мы задержим дыхание.

— Но если наступит момент, когда мы не сможем больше его задерживать?

— Придется рискнуть.

— Не смогу.

— Ты должна. Выхода нет. Наполни легкие и держись за меня.

Помогая друг другу, торопясь надышаться напоследок, они кое-как стабилизировали положение в потоке, и Фойл пропихнул Джизбеллу в подводный туннель.

— Ты первая. Я сразу следом. Помогу, если будут проблемы.

— Проблемы! — истерически хохотнула Джизбелла, глубоко вдохнула и позволила течению увлечь себя в туннель. Фойл поплыл следом. Яростные воды облекли беглецов и потащили все ниже, ниже, ниже, бултыхая от стены к стене. Те были гладкие, как стекло. Фойл плыл совсем близко к Джизбелле: ее дергающиеся ноги колотили его по плечам и голове.

Они кувыркались в туннеле, пока легкие не начали гореть, а слепые глаза — закрываться. Затем снова послышался рев. Вернулся воздух. Стеклянистые стены туннеля сменились скалистыми бережками реки. Фойл поймал Джизбеллу за ногу и кинул в сторону камушек — оценить диаметр потока.

— Надо вскарабкаться вон там! — заорал он.

— Чего?

— Надо вскарабкаться. Слышишь этот рев впереди? Там пороги. Быстрое течение. Нас разорвет на куски. Вылезаем, Джиз.

Она так ослабела, что не смогла самостоятельно вылезти из воды. Он помог ей втащить тело на скалы и сам вылез следом. Донельзя измотанные, они лежали на острых камнях и молчали. Наконец Фойл с трудом поднялся.

— Надо идти, — сказал он. — Вдоль реки. Готова?

У нее не было сил говорить и возражать. Он поднял девушку, и беглецы снова побрели во мрак, пытаясь не уходить далеко от реки, то и дело спотыкаясь о валуны. Валуны были поистине гигантские, разбросанные наподобие дольменного лабиринта. Они заплутали среди них и потеряли направление на реку. В темноте они ее все еще слышали, но выйти к берегу уже не могли. Никуда не могли выйти.

— Потерялись, — с отвращением проворчал Фойл. — Вот на этот раз действительно потерялись. Что нам делать, а?

Джизбелла разрыдалась. Звуки она издавала беспомощные, но яростные.

Фойл остановился, сел на корточки и притянул ее к себе.

— Может, ты и права была, девочка, — устало проговорил он. — Может, я и вправду дурень. Я завел нас в тупик, откуда хрен джонтируешь. Темно, как в заднице.

Она не ответила.

— Не так-то хорошо я поработал своими мозгами. Ну и к чему все то образование, какое ты мне дала?

Он поколебался.

— Думаешь, стоит пробираться обратно в госпиталь?

— Мы в жизни его не найдем.

— И я так думаю. Ладно, поработаю мозгами. Начнем шуметь? Чтобы они нас отследили геофоном?

— Они нас не услышат… не найдут… вовремя.

— Можем пошуметь как следует. Если хочешь, устроим драку. Вот будет развлекуха для нас обоих.

— Заткнись.

— Эх, что за фигня! — Он бессильно откинулся назад, устроившись затылком на мягкой травке. — По крайней мере, на борту «Кочевника» у меня был шанс. У меня оставалась жратва, и я видел, куда направляюсь… Я мог бы…

Он замолк и выпрямился.

— Джиз!

— Ты слишком много болтаешь.

Он ощупал землю под собой. Вырвал клочки травы и мха. Ткнул девушке в лицо.

— Понюхай, — рассмеялся он. — Это трава. Земля и трава. Мы выбрались из Гуфр-Мартеля.

— Что?

— Снаружи *ночь*. Темно, глаз выколи. Ни огонька. Мы выбрались из пещер и даже не поняли этого. Мы снаружи, Джиз! Мы это сделали!

Они вскочили на ноги, прислушались, принюхались, напрягли внимание. Ночь стояла непроглядно темная, но в ней мягко вздыхал ветерок, принося нежный запах молодой травы. Где-то вдалеке залаяла собака.

— Господи, Гулли, — без особой надобности зашептала Джизбелла. — Ты прав! Мы выбрались из Гуфр-Мартеля. Надо только подождать до рассвета!

Она рассмеялась. Протянула руки, обняла его и поцеловала. Он вернул поцелуй. Они яростно вцепились друг в друга. Снова упали на мягкую траву. Истощенные, но без сил отдыхать. Нетерпеливые, жадные. Вся жизнь впереди.

— Привет, Гулли, милый Гулли. Привет, Гулли. Как долго я тебя ждала.

— Привет, Джиз.

— Я тебе говорила, что мы скоро увидимся. Настанет день. Я тебе говорила, милый. И вот он, этот день.

— Эта ночь.

— Ну да, эта ночь. Но не та ночь, в которой мы шептались по Линии Шепота. Та ночь кончилась, милый Гулли. Навсегда.

Неожиданно до них дошло, что они без одежды и лежат совсем близко. Их больше ничто не разделяло. Джизбелла замолкла и перестала двигаться. Он почти гневно схватил ее в объятия и овладел с желанием не меньшим, чем у нее самой.

Когда наступил рассвет, он увидел, что девушка прекрасна: высокая, тонкая, с дымчато-рыжими кудрями и чувственными губами.

Но когда наступил рассвет, она тоже увидела его лицо.

Глава 6

У Харли Бэйкера, доктора медицины, была небольшая частная практика в штатах Монтана и Орегон. Законного заработка этого едва хватало, чтобы оплатить дизельное топливо, которое доктор расходовал каждый уик-энд в ралли на винтажных тракторах по Сахаре: там такой вид транспорта вошел в моду. Истинным источником дохода служила Бэйкеру трентонская фабрика уродов. Туда он джонтировал по ночам понедельника, среды и пятницы. За колоссальные суммы, не задавая никаких вопросов клиентам, Бэйкер создавал монстров для сферы развлечений, а иногда переделывал кожу, мышцы и кости преступникам.

Бэйкер, похожий на омужичившуюся повивальную бабку, прохлаждался на веранде спокэнского особняка и слушал рассказ Джизбеллы Маккуин о побеге.

— …Выбравшись на открытое пространство за пределами Гуфр-Мартеля. Дальше все было просто. Мы нашли старый охотничий домик, вломились туда, забрали из кладовки какую-то одежду, а еще оружие. Настоящее оружие, кра-

сивое такое, стальное, стреляет разрывными пулями. Мы взяли несколько пушек и сторговали их кой-кому из местных. Потом добрались верхом до ближайшей джонт-остановки, координаты которой были известны нам обоим.

— И где это?

— Биарриц.

— Ехали ночью?

— Естественно.

— С лицом Фойла что-нибудь делалось?

— Пробовали макияж ему наложить, но не помогло. Гребаная татуха все равно проступает. Потом я купила суррогатную темную кожу и опрыскала его.

— И как?

— Никак, — огрызнулась Джиз. — Лицо нужно сохранять в неподвижности, иначе псевдокожа начинает трескаться и опадать. А Фойл себя не контролирует. Он никогда этого не умел. Это полный кошмар!

— Где он?

— Сэм Квотт им занимается.

— Хм. Я думал, что Сэм вышел из игры.

— А он и вышел, — проворчала Джизбелла, — но вернулся, потому что он мне должен. Он занимается Фойлом. Они все время джонтируют,

чтобы не привлекать внимание копов.

— Интересненько, — пробормотал Бэйкер. — Я за всю жизнь ни одной татуировки не видел. Я полагал, что это искусство утрачено. Все бы отдал, чтобы заполучить его в коллекцию. Ты знаешь, что у меня кунсткамера, Джиз?

— Все наслышаны про твой трентонский зоопарк, Бэйкер. Он ужасен.

— Ты представляешь, в прошлом месяце у меня появились сиамские близнецы! — воскликнул Бэйкер с неподдельным восторгом. — Сросшиеся мертворожденные эмбрионы!

— И слышать не хочу! — заорала Джиз. — И я тебе не отдам Фойла в твой зоопарк! Ты можешь убрать эту хрень с его лица? Очистить? Он сказал, что в Центральном госпитале этого сделать не смогли.

— У них нет такого опыта, как у меня, дорогуша. Гм. Я что-то такое читал… однажды… где-то… а где? Минутку…

Бэйкер вскочил и с негромким хлопком исчез. Дожидаясь его возвращения, Джизбелла нетерпеливо вышагивала по веранде. Двадцатью минутами позже он наконец появился с потрепанной книгой в руках. Лицо его сияло торжеством.

— Я нашел! — воскликнул Бэйкер. — Видел ее в библиотеке Калифорнийского технологического, три года назад. Тебе стоило бы гордиться моей памятью.

— Черта с два. Что нам делать с его лицом?

— Кое-что можно сделать. — Бэйкер помедитировал над хрупкими страницами. — Да, кое-что можно сделать. Индигодисульфокислота[13]. Кислоту придется синтезировать, но… — Бэйкер закрыл книгу и уверенно закивал. — Да. Я это сделаю. Как жаль терять настолько уникальное лицо… если оно действительно настолько уникально.

— Да ты покончишь когда-нибудь со своим придурочным хобби? — вскинулась Джизбелла. — У нас земля горит под ногами, разве ты не понял? Мы первые, *первые*, запомни, кто сбежал из Гуфр-Мартеля. Копы не успокоятся, пока не достанут нас. Это уже дело чести.

— Но…

— Как ты думаешь, долго ли нам удастся продержаться до возвращения в Гуфр-Мартель, если Фойл будет тут разгуливать с татуировкой на лице?

---

[13] Примечания: 13

Скорее речь должна идти о ее двунатриевой соли, применяемой как синий краситель (индигокармин). — *Примеч. перев.*

— Ты чего такая злючка?

— Я не злюсь. Я объясняю.

— В зоопарке ему будет хорошо, — настаивал Бэйкер. — Он там будет под прикрытием. Я его в комнату рядом с той циклопшей засуну…

— Никакого зоопарка. Ты меня слышал.

— Ладно, дорогуша. Но почему ты так беспокоишься за Фойла? Даже если его снова схватят, с тобой-то ничего страшного не случится.

— Почему тебя беспокоит, о чем беспокоюсь я? Я прошу тебя выполнить заказ. Я оплачу работу.

— Это тебе дорого обойдется, дорогуша. Я за тебя переживаю. Хочу сэкономить тебе деньги.

— Не верю.

— Тогда — интересуюсь.

— Тогда — я ему благодарна, скажем так. Он мне помогал, теперь я помогаю ему.

Бэйкер ухмыльнулся.

— Ну, давай-ка поможем ему и подарим дивное новое личико.

— Я вот как думаю. Ты хочешь вычистить ему лицо, потому что ты в его лице заинтересована.

— Черт подери, Бэйкер, ты берешь заказ или нет?

— Пять тысяч.

— Заметано.

— Тысяча уйдет на синтез кислоты. Три тысячи за операцию. Тысяча за…

— За твой интерес?

— Нет, дорогуша, — снова ухмыльнулся Бэйкер, — тысяча за услуги анестезиолога.

— А зачем анестезировать?

Бэйкер снова раскрыл старинную книгу.

— Потому что операция, по всей видимости, болезненна. Ты знаешь, как делается татуировка? Берут иглу, окунают в краситель и начинают стучать по ней молоточком, приставив к коже. Чтобы обесцветить краситель, мне нужно пройтись по всему его лицу, пора за порой, иголкой, окунутой в индигодисульфокислоту. Это больно.

Глаза Джизбеллы сверкнули.

— А можешь ты это сделать без анестезии?

— Могу, дорогуша, но Фойл…

— К черту Фойла. Я плачу четыре тысячи, Бэйкер, и никакой анестезии. Заставь Фойла страдать.

— Джиз, ты понятия не имеешь, на что ты его обрекаешь.

— Имею. Заставь его страдать. — Она так дико расхохоталась, что Бэйкер посмотрел на нее с испугом. — Пускай его лицо заставит страдать и его самого тоже!

Бэйкеровская фабрика уродов занимала круглое трехэтажное кирпичное здание, которое некогда было станцией пригородной железной дороги. Потом из-за джонта нужда в пригородных железных дорогах отпала. Древняя, увитая плющом постройка располагалась по соседству с трентонскими ракетными шахтами, и задние окна смотрели на горловины шахт, откуда простреливали небо антигравитационные лучи, так что пациенты Бэйкера могли немного развеяться, созерцая, как по лучам вверх-вниз проворно снуют звездолеты, как сияют их иллюминаторы, мигают опознавательные сигналы, а по корпусам бегают сполохи огней святого Эльма: накопленный в космосе электростатический заряд передавался атмосфере.

В подвале фабрики располагалась кунсткамера — зоопарк анатомических диковин, естественных фриков и монстров. Все они были куплены или украдены Бэйкером. Он был поистине очарован этими существами и проводил рядом с ними долгие часы, потягивая напитки и любуясь уродствами так, как другой мог бы любоваться бесценными произведениями искусства. На первом этаже, он же средний, располагались палаты для постоперационной реабилитации, лаборато-

рии, административные помещения и кухни. На втором, верхнем, находились операционные.

Бэйкер работал с лицом Фойла в одной из небольших операционных, которой обычно пользовался для хирургии сетчатки глаза. Он согнулся над освещенным жаркими лампами операционным столом, методично орудуя стальным молоточком и платиновой иглой. Бэйкер следовал линиям старой татуировки, выискивая каждый шрамик на коже лица Фойла и беспощадно погружая в него иглу. Голову Фойла удерживали ремни, но тело не было привязано. Мускулы его вздрагивали при каждом ударе молоточка, но он так ни разу и не дернулся, вцепившись пальцами в края операционного стола.

— Самоконтроль, — процедил он сквозь зубы. — Хотела научить меня самоконтролю, Джиз. Я практикуюсь.

Он подмигнул ей.

— Не шевелись, — остерег Бэйкер.

— Я дурака не валяю.

— Все в порядке, сынок, — сказал устало Сэм Квотт и покосился на искаженное яростью лицо Джизбеллы. — А ты что скажешь, Джиз?

— Он учится.

Бэйкер продолжал взмахивать молоточком и

бить им по игле.

— Послушай, Сэм, — пробормотал Фойл едва слышно. — Джиз сказала, у тебя есть корабль. Для нелегальных перевозок?

— Точно. Для нелегальных перевозок. На четырех человек. Двойной движок. Такие называют «Уик-энд на Сатурне».

— Почему «Уик-энд на Сатурне»?

— Потому что уик-энд на Сатурне длится девяносто дней. Корабль может взять припасов на три месяца.

— Мне подойдет, — процедил Фойл, дернулся было, но сдержал себя. — Сэм, я хочу нанять твой корабль.

— Зачем?

— Одно горяченькое дельце.

— Законное?

— Нет.

— Тогда это не для меня, сынок. У меня нервы уже не те. Мне хватило вот этих джонтов с тобой по кругу, на шаг впереди копов. Я вышел на пенсию. Ничего не хочу, только чтобы меня оставили в покое.

— Плачу пятьдесят тысяч. Тебе не нужны пятьдесят тысяч? Ты сможешь сидеть себе по воскресеньям, пересчитывать их.

Игла продолжала беспощадно вгрызаться в плоть. При каждом ударе тело Фойла сводило судорогой.

— О, у меня уже есть пятьдесят тысяч. У меня есть вдесятеро больше. Наличкой. В венском банке. — Квотт полез в карман и достал оттуда кольцо с прицепленными к нему сверкающими радиоактивными ключами. — Вот ключ от банка. Вот ключ от домика в Йобурге. Двадцать комнат. Двадцать акров. А вот ключ от моего «Уик-энда» в Монтоке. Ты меня не проведешь, сынок. Я выхожу из игры, пока еще на шаг впереди. Я джонтирую в Йобург и проживу остаток жизни счастливо.

— Одолжи мне «Уик-энд». Можешь потом отсиживаться в Йобурге. Пересчитывать денежки.

— Пересчитывать — когда именно?

— Когда я вернусь.

— Ты хочешь, чтобы я тебе отдал корабль просто на доверии и обещании заплатить за полет?

— Под гарантию.

— Какую такую гарантию? — фыркнул Квотт.

— В астероидном поясе разбился корабль. Называется «Кочевник». За него назначена награда.

— Что такого особенного в этом «Кочевнике», чтоб за него платили вознаграждение?

— Понятия не имею.

— Врешь.

— Понятия не имею, — упрямо пробормотал Фойл. — Но там должно быть что-то ценное. Спроси Джиз.

— Послушай меня, пожалуйста, внимательно, — сказал Квотт. — Я тебе преподам урок. Мы работаем легально. Мы не снимаем скальпов. Мы не таимся друг от друга. Я понимаю, что у тебя на уме. Ты что-то нарыл, но не хочешь с другими делиться. Поэтому клянчишь, чтоб тебе…

Фойла под иглой сводили судороги, но он повторил с прежним упрямством одержимости:

— Понятия не имею, Сэм. Спроси Джиз.

— Хочешь честной сделки — делай честное предложение, — сердито сказал Квотт. — Не сиди в засаде, как татуированный тигр, ища, блин, кого бы растерзать. У тебя, кроме нас, друзей нет. Не пытайся с нас скальпы снять и…

Квотт замолчал: с губ Фойла сорвался вопль.

— Не двигайся, — сказал Бэйкер без всякого выражения. — Если ты дергаешься, я не могу контролировать иглу.

Он посмотрел на Джизбеллу долгим внимательным взглядом. У нее задрожали губы. Внезапно девушка расстегнула кошелек и, выудив оттуда две банкноты по пятьсот кредитов, швырнула их

на стол рядом с мензуркой кислоты.

— Мы снаружи погуляем, — бросила она.

В приемной она упала в обморок. Квотт уволок ее в кресло и нашел медсестру, которая привела девушку в чувство, сунув под нос нашатырного спирту. Она так отчаянно разрыдалась, что Квотт перепугался, отпустил медсестру и терпеливо подождал, пока она перестанет.

— Да что вся эта хрень значит? — требовательно осведомился он. — Зачем эти деньги?

— Это… цена… крови.

— Как так?

— Не хочу… рассказывать.

— Все в порядке?

— Да.

— Что я могу для тебя сделать?

Долгое молчание, потом Джизбелла слабым голосом спросила:

— Ты собираешься договариваться с Гулли?

— Кто, я? Нет конечно. Шанс один из тысячи.

— На борту «Кочевника» должно быть что-то ценное. Иначе бы Дагенхэм так не домогался у Гулли этой инфы.

— Меня она, как и прежде, не интересует. А тебя?

— Меня тоже. Меня вообще больше не интере-

сует Гулли Фойл.

Снова пауза. Квотт спросил наконец:

— Могу я вас покинуть?

— Тебе нелегко пришлось, да, Сэм?

— Прыгая по этой карусели с тигром, я тысячу раз думал, что вот-вот сдохну.

— Мне жаль, Сэм.

— Это и я чувствовал. Когда подвел тебя в тот раз. Когда они загребли тебя в Мемфисе.

— Бросить меня было естественно, Сэм.

— А мы всегда поступаем естественно. Вот только бывают случаи, когда так поступать нельзя.

— Знаю, Сэм, знаю.

— И потом проводим остаток жизни, пытаясь все исправить. Мне, пожалуй, повезло, Джиз. Нынче вечером я с себя этот груз сбросил. Можно мне теперь домой?

— Назад в Йобург и к счастливой жизни?

— Угу.

— Не оставляй меня одну, Сэм. Я себя стыжусь.

— Чего так?

— Жестокое обращение с тупыми животными.

— Что ты имеешь в виду?

— Не обращай внимания. Покрутись немного вокруг меня. Расскажи про счастливую жизнь. Что в ней может быть такого счастливого?

— Ну, — задумчиво протянул Квотт, — это получить все, о чем ты мечтаешь ребенком. Если в пятьдесят у тебя есть все, о чем мечталось в пятнадцать, значит, ты счастлив. А когда мне было пятнадцать…

Квотт углубился в рассуждения о символах, амбициях и фрустрациях мальчишества, которые ему наконец удалось удовлетворить. Потом Бэйкер появился из двери операционной, и Квотт замолчал.

— Ты закончил? — нетерпеливо спросила Джизбелла.

— Закончил. Когда я ввел ему анестезию, работа пошла быстрее. Они ему лицо перевязывают. Через пару минут придет в себя.

— Он слаб?

— Конечно.

— Сколько времени пройдет, пока можно будет снять повязки?

— Шесть или семь дней.

— Лицо очистится?

— Я полагал, его лицо тебя не интересует, дорогуша… должно бы очиститься. Не думаю, что оставил там хоть частичку пигмента. Ты бы хоть восхитилась моим искусством, Джизбелла. А также моей дальновидностью. Я намерен финан-

сировать путешествие Фойла.

— Ты что? — рассмеялся Квотт. — Ты ввязываешься в игру с шансами один на тысячу, Бэйкер? Я думал, ты умнее.

— Я умнее. Боль оказалась непереносимой, и под анестезией он раскололся. На борту «Кочевника» двадцать миллионов платиновыми слитками.

— Двадцать миллионов?!

Лицо Квотта потемнело, и он развернулся к Джизбелле. Но та тоже была вне себя.

— Не надо на меня так зыркать, Сэм, я не знала. Он от меня это утаивал. Клянусь, что он ни разу не сказал, отчего за ним гонится Дагенхэм.

— Именно Дагенхэм ему сообщил, — сказал Бэйкер. — Я вытянул из него и это тоже.

— Я его убью! — пообещала Джизбелла. — Я его своими руками разорву на части, и ты не найдешь внутри ничего, кроме черной гнили. Я из него чучело в твоем зоопарке сделаю, Бэйкер. Господи, тебе очень повезет, если ты его заберешь!

Дверь операционной распахнулась, и двое санитаров выкатили на тележке Фойла. Тот лежал, слабо подергиваясь. Голова его была туго обмотана белыми бинтами.

— Он в сознании? — спросил у Бэйкера Квотт.

— Я его сейчас расшевелю, — пообещала Джизбелла. — Я с этим сукиным… Эй, Фойл!

Фойл едва слышно что-то пробормотал сквозь бинты. Джизбелла глубоко вдохнула и собиралась было накинуться на него, но тут стена госпиталя рухнула. Громоподобный хлопок низверг присутствующих на колени. Прозвучало еще несколько сотрясших здание взрывов, сквозь дыры в стенах ринулись джонтировать люди в униформе, точно стервятники, слетающиеся на поле битвы.

— Это полицейский рейд! — крикнул Бэйкер.

— Иисусе Христе! — побелел и затрясся Квотт.

Люди в униформе появлялись со всех сторон, вопя:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Бэйкер с негромким хлопком дематериализовался. Его санитары исчезли тоже, бросив тележку. Фойл слабо сучил руками и ногами, издавая едва слышные звуки.

— Чертов рейд! — тряхнул Квотт Джизбеллу. — Бежим, девочка, бежим!

— Нельзя бросать Фойла! — крикнула Джизбелла.

— Да приди ты в себя! Бежим, девочка!

— Нельзя без него!

Джизбелла вцепилась в тележку и покатила ее

вниз по коридору; Квотт едва поспевал за ней.

— Фойл! Фойл! Фойл! — заревели в госпитале.

— Оставь его, бога ради! — взмолился Квотт. — Пускай забирают его!

— Ни за что!

— Девочка, если нас загребут, будет лобо…

— Мы не можем без него!

Они завернули за угол и врезались в орущую толпу пациентов, которые выбрались из операционных и палат реабилитации. Птицелюди хлопали крыльями, русалки ползли по полу, как выброшенные на сушу рыбы. Гермафродиты, великаны, пигмеи, двуглавые близнецы, кентавры и даже сфинкс. Они визжали и пищали, в ужасе убираясь с пути беглецов.

— Стащи его с тележки! — крикнула Джизбелла.

Квотт повиновался, стащив Фойла с тележки. Тот поднялся на ноги и зашаркал по коридору. Джизбелла подхватила его под руку. Вместе Сэм и Джиз приволокли его к следующей двери. За ней оказалась палата темпоральных фриков — существ, которым операция Бэйкера придала ускоренное ощущение времени. Они носились по залу, как перепуганные птицы, издавая пронзительный писк летучих мышей.

— Сэм! Джонтируй вместе с ним.

— Чтобы он потом очухался и содрал с нас скальпы?

— Мы не можем его оставить, Сэм. Тебе уже пора бы это понять. Джонтируй с ним. В Кэйстер!

Джизбелла помогла Квотту подхватить Фойла. Темпоральные фрики продолжали оглашать палату пронзительным писком. Потом двери палаты выбило взрывом. Дюжина выстрелов из пневматических ружей — и темпоральные фрики попадали на пол. Квотта отбросило к стене, он уронил Фойла. На лбу Сэма появился синяк.

— Бегите! — крикнул он. — Со мной покончено!

— Сэм!

— Я сказал, покончено. Я не смогу джонтировать. Уходи, девочка!

Пытаясь очухаться от контузии, мешающей уйти в джонт, Квотт встал, выпрямился и пошел на ворвавшихся в палату людей в униформе. Джизбелла схватила Фойла за руку и поволокла на другой конец зала, в дверь, через кладовку, клинику, кухню и на лестницу черного хода. Древние ступени, прогрызенные древоточцами, скрипели под их ногами, каждый шаг вздымал облачка пыли.

Они угодили на склад провизии. Зоопарк Бэйкера разнесло взрывами, уроды вырвались из клеток и стали грабить склад, как пчелы, что стремятся унести побольше меда из развороченного улья. Циклопша кидала в пещерообразную пасть целые куски масла. Единственный глаз великанши воровато покосился на них, чуть выдаваясь над носовым гребнем.

Джизбелла тащила Фойла через склад целую вечность, пока не отыскала пробитую выстрелом деревянную дверь и не выбила ее ногой. Еще пролет скрипучей лестницы, и они очутились в помещении, где когда-то хранились запасы угля для паровозов. Сверху слышались удары и крики нарастающей интенсивности. В одной стене склада имелась железная дверь на железном же засове. Джизбелла положила руки Фойла на засов, вместе они налегли, отодвинули его и вырвались из склада через покатый съезд, по которому скидывали уголь.

Они были на заднем дворе фабрики уродов, перед полем трентонских ракетных шахт. Остановившись перевести дух, Джизбелла заметила грузовоз, спускавшийся в свою шахту по невидимому лучу. Иллюминаторы блестели, опознавательные сигналы неоново мигали, озаряя

уцелевшую черную стену госпиталя.

Тут на крыше госпиталя появилась фигура и прыгнула в пространство. Это оказался Сэм Квотт, и прыжок его был прыжком отчаяния. Он падал, суча руками и ногами, пытаясь подтянуться в полете к зоне действия антигравитационного луча ближайшей шахты, который бы его подхватил и смягчил падение. Прыжок был выполнен превосходно, однако в семидесяти футах над землей Сэм продолжал падать вертикально: луч отключили. Он с размаху упал на бетон и разбился на краю шахты.

У Джизбеллы вырвался судорожный всхлип; не отпуская Фойла, девушка устремилась через бетонную площадку к телу Сэма Квотта. Добежав, разжала хватку и осторожно коснулась разбитой головы Сэма. Пальцы ее окрасила черная кровь. Фойл разорвал ногтями бинты, проделал себе смотровые щелки, опустился на колени, что-то забормотал себе под нос, вслушиваясь одновременно в плач Джизбеллы и вопли с фабрики уродов. Пошарил руками по телу Сэма, потом встал и потянул за собой ничего не соображавшую Джиз.

— Бежим, — прохрипел он. — Надо бежать. Они нас заметили.

Джизбелла не шевельнулась. Фойл приложил все оставшиеся силы и поднял ее на руки.

— Таймс-сквер, — пробормотал он. — Джиз, джонтируй!

Люди в униформе возникли со всех сторон и взяли их в кольцо. Фойл дернул руку Джизбеллы и джонтировал на Таймс-сквер. Скопившиеся на гигантской платформе джонтеры удивленно воззрились на гиганта с белым шаром бинтов вместо головы. Платформа была размером с два футбольных поля. Фойл озирался через дыры в бинтах. Джизбеллы нигде не было видно, но это ничего не означало. Он возвысил голос до крика.

— Монток, Джиз! Монток! Платформа Прихоти!

С последним отчаянным усилием Фойл джонтировал. Ледяной северо-восточный ветер задувал с Блок-Айленда. Звонкие острые ледяные кристаллики оседали на пустынной джонт-платформе, выстроенной на месте средневековой развалюхи,

некогда известной как Фишерова Прихоть[14]. На платформе возникла еще одна фигура. Фойл устремился к ней через ветер и вьюгу. Джизбелла, одинокая и закоченевшая.

— Господи, как хорошо, — пробормотал Фойл, — спасибо, Господи. Где Сэм оставил свой «Уик-энд»?

Он начал яростно трясти Джизбеллу за локоть.

— Где Сэм оставил свой «Уик-энд»?

— Сэм погиб.

— Где Сэм оставил свой «Уик-энд на Сатурне»?

— Сэм ушел на пенсию. Сэм может больше не бояться.

— Где корабль, Джиз?!

— В паре ярдов от маяка.

— Идем.

— Куда?

— На корабль Сэма.

---

[14] Примечания: 14

Здесь либо неточность, либо сознательная авторская задумка. Фишеровой Прихотью (Fisher's Folly) действительно называется средневековая постройка (сооружена примерно в 1580 г. для себя неким Джаспером Фишером). Впоследствии принадлежала графам оксфордским и девонширским. Но это здание (вернее, его плохо сохранившиеся руины) находилось в Лондоне, и уже к 1773 г., то есть даже до заселения местности Монток в Северной Америке, от него не осталось и следа. Не исключено, впрочем, что фрагмент лондонского ландшафта, включавший некогда Фишерову Прихоть, оказался во вселенной Бестера перенесен на Монток, но смысл этого действия загадочен. — *Примеч. перев.*

Фойл тряхнул лапищей перед глазами Джизбеллы. На ладони его лежало кольцо со связкой сверкающих ключей.

— Я забрал у него ключи. Пошли.

— Он тебе их отдал?..

— Я снял с трупа.

— Ах ты гаденыш! — расхохоталась она. — Лжец, грабитель трупов, тигр, нелюдь… раковая опухоль, а не человек, вот ты кто, Гулли Фойл!

И все же она поплелась за ним через метель на свет Монтокского маяка.

Сол Дагенхэм сказал троице акробатов в напудренных париках, четверке роскошных женщин с питонами на шеях, ребенку с золотистыми кудряшками и цинично изогнутым опытным ртом, профессиональному дуэлянту в средневековых доспехах и человеку, державшему наперевес полую, заполненную жидкостью стеклянную ногу с плавающей там золотой рыбкой:

— Порядок, операция завершена. Отзывайте остальных, пускай доложатся в штаб-квартиру «Курьерской службы».

Массовка джонтировала и улетучилась.

Регис Шеффилд потер глаза и спросил:

— Дагенхэм, что должен был означать весь этот бред?

— Твой ум профессионального законника встревожен и помрачен? Ню-ню. Это, дорогой мой, часть нашей операции ПВСК. Приколы, выдумки, смятение, катастрофа.

Дагенхэм обернулся к Престейну и одарил того дружелюбной усмешкой скелета.

— Я могу возвратить свой гонорар, если хотите, Престейн.

— Вы что, выходите из игры?

— Нет. Я поработаю за просто так. Из любви к искусству. Никогда еще я не сталкивался ни с кем подобным Фойлу. Поистине уникальный человек.

— Но как?.. — требовательно начал Шеффилд.

— Я устроил ему побег из Гуфр-Мартеля. Ну да, он сбежал, но не тем путем, какой я для него приготовил. Я пытался помешать полиции, чтобы та его не зацапала, прибегнув к смятению и катастрофе. Он обвел полицию вокруг носа. Но не так, как хотелось бы мне, а своим способом. Я хотел спасти его от Центральной разведки приколами и выдумками. Он вышел сухим из воды… но опять-таки по-своему. Я попытался заманить его на корабль, чтобы указал нам путь к «Кочевнику». Он не пошел на сделку, но нужный ему корабль все же заполучил. Теперь он летит

своею дорогой.

— А вы за ним?

— Само собой.

Дагенхэм поколебался.

— Но меня интересует, какого черта ему понадобилось у Бэйкера на фабрике уродов?

— Пластическая операция? — предположил Шеффилд. — Новое лицо?

— Это вряд ли. Бэйкер классный спец, но так быстро даже он не справился бы. Какая-то незначительная коррекция. Фойл был на ногах, но с перебинтованной башкой.

— Татуировка, — проронил Престейн.

Дагенхэм кивнул. Усмешка сползла с его мертвых губ.

— Меня это и тревожит. Понимаете ли, Престейн, если Бэйкер свел ему татуировку, мы никогда не узнаем Фойла.

— Дорогой мой Дагенхэм, осмелюсь заметить, что от сведенной татуировки его лицо не изменится.

— Мы не видели его лица. Мы видели только маску.

— А я вообще никогда не встречался с этим парнем, — вмешался Шеффилд. — Маска-то хоть как выглядит?

— Он в ней похож на тигра. Я провел с Фойлом две долгих беседы. Я должен был бы запомнить его лицо в мельчайших деталях. И знаете что? Я не смог. Я помню только татуировку.

— Это поразительно, — вякнул Шеффилд.

— Да нет. Встречали бы вы Фойла, так сами убедились бы. А впрочем, неважно. Он выведет нас на «Кочевника». Он приведет нас к вашим миллионам, Престейн, и вашему ПирЕ. Мне почти жаль, что все скоро закончится. Или же *почти* закончится. Как я уже сказал, я искренне наслаждаюсь ситуацией. Уникальный человек, просто уникальный!

Глава 7

«Уик-энд на Сатурне» был спроектирован по образцу роскошной яхты. Там хватало места на четверых, а для двоих было и вовсе просторно. Недостаточно просторно, впрочем, для Фойла и Джиз Маккуин. Фойл спал в главной каюте, Джиз обитала в отдельной.

На седьмой день полета Джизбелла во второй раз заговорила с Фойлом:

— Снял бы ты эти повязки, Гуль[15].

Фойл покинул камбузную рубку, где сидел, в мрачном одиночестве попивая кофе, и направился в санузел. Он проплыл как можно дальше от Джизбеллы и завернул в альков перед зеркалом ванной. Джизбелла подтянулась к умывальнику, открыла аптечку, достала капсулу эфира и принялась тяжелыми, исполненными ненависти движениями опрыскивать и разматывать повязку. Полосы бинтов поддавались неохотно, Фойл сгорал от нетерпения.

— Думаешь, Бэйкер справился? — спрашивал

---

[15] Примечания: 15

Игра слов: ghoul — букв. «нелюдь, питающаяся трупами», также созвучно имени Гулливер. — *Примеч. перев.*

он. Ответа не было. — Мог он где-нибудь промахнуться?

Снова молчание. Она продолжала разматывать бинты.

— Два дня назад болеть совсем перестало.

Нет ответа.

— Бога ради, Джиз! Между нами, что ли, до сих пор война?

Руки Джизбеллы замерли. Она с омерзением глянула на все еще забинтованное лицо Фойла.

— А ты как думаешь?

— Я тебя спросил.

— Ответ — да.

— Но почему?

— Ты никогда не поймешь.

— А ты сделай так, чтобы до меня дошло.

— Завали хлебальник.

— Если между нами война, почему ты со мной полетела?

— Чтобы закончить одно начатое с Сэмом дело.

— Ради денег?

— Заткнись.

— Ты не обязана. Ты могла бы мне довериться.

— Довериться *тебе*? Тебе?! — Джизбелла рассмеялась невеселым смешком и вернулась к

своему занятию. Фойл стиснул ее руки и оторвал от лица.

— Я сам.

Она хлестнула его по бинтам.

— Делай, что я тебе говорю. Стой смирно, Гуль!

Она продолжила разматывать бинты. Наконец отпала полоса, закрывавшая глаза Фойла. Они уставились на Джизбеллу: темные, налитые кровью. Веки были чисты. Переносица — тоже. Отпала полоса, закрывшая подбородок. Она оказалась черно-синей. Фойл, внимательно смотревший в зеркало, резко дернулся.

— Он пропустил подбородок! — вырвалось у него. — Чертов Бэйкер…

— Заткнись, — коротко ответила Джиз. — Это борода.

Внутренние слои повязки отпали быстро, освободив щеки, рот и брови. Брови тоже чисты. Щеки под глазами чисты. Остальное лицо закрыто черно-синей семидневной бородой.

— Побрейся, — приказала Джиз.

Фойл пустил воду, смочил лицо, на котором застыла мазь, и сбрил бороду. Потом наклонился ближе к зеркалу и изучил свое отражение. Он не обращал внимания на Джизбеллу, а та наклонилась к нему так близко, что в зеркало глядели

теперь они оба. От татуировки не осталось и следа. У обоих вырвался вздох.

— Чисто, — сказал Фойл. — Чисто. Он справился с работой.

Внезапно он еще приблизил лицо к зеркалу и обследовал себя внимательнее. Лицо было ему словно бы внове, так же внове, как и Джизбелле.

— Я изменился. Я и не помню себя таким. Он что, пластическую операцию сделал?

— Нет, — сказала Джизбелла. — Тебя изменило то, что у тебя внутри. Ты смотришь на гуля, нелюдь, лжеца, мошенника.

— Господи, Джиз, заткнись и оставь меня в покое!

— Гуль, — повторила Джизбелла, вперившись в лицо Фойла пылающими глазами. — Нелюдь. Лжец. Мошенник.

Он схватил ее за плечи и оттеснил в соседнюю каюту. Оттуда она перелетела в столовую, схватилась за бар и закрутила тело вокруг него.

— Гуль! — возопила она. — Нелюдь! Лжец! Мошенник! Развратник! Зверь!

Фойл догнал ее, снова схватил и яростно затряс. Заколка, скреплявшая рыжие волосы девушки у шеи, отлетела, кудри расплылись вокруг, словно у русалки. Пылающее лицо ее обратило ярость

Фойла в страсть. Он крепко обнял ее и зарылся новым лицом между грудей.

— Развратник, — бормотала Джиз. — Животное.

— О Джиз…

— Свет, — прошептала Джизбелла. Фойл слепо потыкал в настенные выключатели, понажимал несколько кнопок. Дальше «Уик-энд на Сатурне» полетел между астероидов с темными иллюминаторами.

Они парили посредине каюты, прижимаясь друг к другу, нежно поглаживая, перешептываясь.

— Бедный Гулли, — шептала Джизбелла. — Бедный Гулли, дорогой мой…

— Не бедный, — возразил он. — Скоро я стану богат.

— Ага. Богат и пуст. У тебя внутри ничего нет, дорогой мой Гулли. Ничего, кроме ненависти и жажды мести.

— Но ведь этого достаточно.

— Пока достаточно. А позже?

— А позже поглядим.

— Это зависит от того, что у тебя внутри, Гулли. От того, за что ты хватаешься.

— Нет. Мое будущее зависит от того, чего я по-

считаю нужным лишиться.

— Гулли… почему ты утаил это от меня в Гуфр-Мартеле? Почему не сказал мне, что тебе уже известно о сокровищах «Кочевника»?

— Не мог.

— Ты мне не доверял?

— Да нет. Я себе-то не мог помочь, это было внутри меня… от него я должен буду освободиться.

— Опять проблема самоконтроля, Гулли? Ты просто помешался на ней.

— Да. Я одержим. Я не могу научиться самоконтролю, Джиз. Не могу, но хочу.

— Ты пытаешься как следует?

— Да, одному Господу ведомо, как. А потом что-то такое происходит, и…

— И ты кидаешься из засады, как тигр.

— Хотел бы я носить тебя в кармане, Джиз… всегда с собой… чтоб ты в меня иголку втыкала и предупреждала.

— Этого за тебя никто не сделает, Гулли. Ты должен обучиться этому сам.

Он долго обдумывал ее слова, потом нерешительно начал:

— Джиз, насчет денег…

— А к черту деньги.

— Могу я на тебя в этом положиться?

— О Гулли.

— Не то чтобы я… тебе не доверял… если бы речь не шла о «Ворге», я бы тебе отдал все, чего бы ты ни пожелала. Все! Я тебе отдам все, до последнего цента, что останется. Когда закончу. Но я боюсь, Джиз. «Ворга» — крепкий орешек… ее защищают Престейн и Дагенхэм, да еще этот адвокат, Шеффилд. Мне важен каждый цент, Джиз. Я боюсь, что, если дам тебе хоть один кредит, именно его впоследствии не хватит… он станет между мной и «Воргой». — Он помедлил. — И что скажешь?

— Ты совсем одержим, — сухо сказала она. — Не частично, а полностью. Ты весь.

— Но я тебя…

— Да-да, Гулли. Весь. Любовью со мной занимается только твоя оболочка. Остальное отдано «Ворге».

В этот момент раздался сигнал радара из носовой рубки управления. Звук был тревожный и малоприятный.

— Расстояние до цели пройдено, — пробормотал Фойл. Минутная расслабленность спала с него, уступив место одержимости. Он устремился в рубку управления.

Он вернулся на фриковский планетоид в астероидном поясе, между Марсом и Юпитером. На

Саргассову планетенку, сооруженную Науконародом из камня и корабельных обломков с мест космических катастроф. Он вернулся в дом Дж♂зефа и его племени, людей, которые вытатуировали слово К♂ЧЕВНИК поперек его лица и высоконаучным способом спарили с девушкой по имени М♀йра.

Фойл перегнал астероид и накинулся на него во внезапной вспышке вандальской ярости. Он принесся из космоса и пустил «Уик-энд» по дикой петле вокруг этой кучи мусора, плюясь пламенем из нацеленных теперь вперед дюз. Они облетели астероид: пронеслись мимо черных пустых причальных туннелей, мимо большого люка, который Дж♂зеф и его Науконарод соорудили, чтобы улавливать дрейфующие в космосе обломки, мимо нового кратера, проделанного Фойлом на обращенной к Терре стороне астероида. Заложили лихой вираж рядом с огромными, словно бы лоскутными, окнами астероидной теплицы. Оттуда на них взирали сотни лиц: крошечные белые пятна, траченные татуировками.

— Так я их не погубил, — буркнул Фойл. — Они спрятались в глубине астероида… Наверное, жили там, глубоко в норах, пока не починили пострадавшую часть.

— Ты им поможешь, Гулли?

— С какой стати?

— Ты нанес им урон.

— Пусть катятся к чертям. У меня своих проблем полно. Впрочем, даже приятно на них отвести душу. Сейчас сделаю так, чтобы они нас не беспокоили.

Он описал еще один оборот вокруг астероида и нацелил «Уик-энд» в глубь новоявленного кратера.

— Начнем отсюда, — сказал он. — Надевай скафандр, Джиз. За работу! Давай!

Он подгонял ее, обезумев от нетерпения, а заодно и себя. Они влезли в скафандры, покинули «Уик-энд» и прыгнули в бесцветное нутро астероида по кратеру, где неспешно кружился мусор. Это было все равно что падать по гигантской извилистой кротовой норе[16]. Фойл переключился на микроволновой канал скафандра и заговорил с Джиз.

— Здесь легко затеряться. Оставайся со мной. Держись поближе.

— Куда мы направляемся, Гулли?

— Ищем «Кочевника». Я помню, что они на-

---

[16] Примечания: 16

Разумеется, на момент написания романа этот термин еще не имел современного астрофизического смысла. — *Примеч. перев.*

крепко зацементировали его в астероид, когда я улетал. Но не помню, где именно. Нам надо его отыскать.

В извилинах кратера не было ни воздуха, ни звука, но по мере их продвижения металл и камень сотрясали вибрации. Однажды они остановились передохнуть рядом с источенным корпусом старинного боевого корабля. Прислонившись к нему, они ощутили, что вибрации — ритмичное постукивание — исходят изнутри.

Фойл мрачно усмехнулся.

— Там Дж♂зеф и его Науконарод, — сказал он. — Надо мне с ними поболтать. Дам им уклончивый ответ.

Он дважды постучал по корпусу.

— А теперь личное сообщение для моей женушки.

Лицо его потемнело. Он гневно врезал по корпусу и развернулся.

— Пошли. Время не ждет.

Но сигналы продолжали преследовать их. Стало ясно, что внешние периферийные области астероида практически заброшены: племя откочевало к центру. Там, глубоко внизу, в трубе, сооруженной из покореженного алюминия, откинулся люк и мелькнул свет. Вылез Дж♂зеф в

старинном стеклотканевом скафандре. Он стоял враскоряку, молитвенно сложив руки, глядя на них своей дьявольской маской и делая явственные движения губами.

Фойл уставился на старика, сделал было шаг к нему, потом остановился, стиснув кулаки. Кадык его заходил ходуном от нараставшего бешенства. Джизбелла, глядевшая на Фойла, в ужасе вскрикнула. На лице его снова появилась старая татуировка: кроваво-красная на бледной коже, а не черная, как раньше. Теперь она сделалась в полной мере тигриной: и рисунком, и цветом.

— Гулли! — воскликнула она. — Бог мой, твое лицо!

Фойл не обратил на нее внимания. Он стоял и смотрел на Дж♂зефа. Старик изобразил еще просительные жесты, словно бы приглашая войти, и пропал. Только после этого Фойл развернулся к Джизбелле и, точно очнувшись, спросил:

— Что? Что ты сказала?

Она явственно видела его лицо сквозь забрало скафандра. И по мере того, как гнев оставлял Фойла, кроваво-красный рисунок выцветал и исчезал.

— Ты этого клоуна видела? — требовательно спросил Фойл. — Это Дж♂зеф. Ты видела, как он

меня умолял, как пресмыкался после того, что он со мной… А что ты там сказала?

— Твое лицо, Гулли. Я понимаю, что случилось с твоим лицом.

— Ты о чем?

— Ты хотел получить средство самоконтроля, Гулли. Ну что ж, ты его получил. Твое лицо. Оно… — Джизбелла, не выдержав, истерически расхохоталась. — Тебе волей-неволей придется теперь научиться самоконтролю, Гулли. Тебе никогда больше нельзя давать волю эмоциям… любым эмоциям… потому что…

Но он уже глядел мимо нее. Внезапно, издав радостный вопль, он устремился вверх по алюминиевой трубе и резко тормознул у открытой дверки. Заорал от восторга. Это была дверка шкафчика для инструментов, четыре на четыре на девять футов. Внутри виднелись полки, старые банки из-под пайков, какой-то мусор. Гроб, в котором был заживо погребен Фойл на борту «Кочевника».

Дж♂зеф и его Науконарод успешно подтянули обломки корабля к астероиду, прежде чем учиненный побегом Фойла холокост сделал дальнейший вылов космического мусора невозможным. Внутренность корабля практически

не пострадала. Фойл схватил Джизбеллу за руку и подтянул туда. Быстро пронесся вместе с ней по кораблю в каюту дежурного по хозчасти, где среди гор мусора и обломков обнаружился массивный стальной сейф. Сейф был в общем непримечательный и выглядел солидно защищенным.

— Необходимо принять решение, — торопливо сказал он. — Сейчас. Либо мы выдираем сейф из корпуса и везем на Терру, чтобы там поработать с ним без спешки, либо открываем его здесь. Я бы выбрал второй вариант. Возможно, Дагенхэм солгал мне. Все зависит от того, какие инструменты у Сэма были на борту «Уик-энда». Давай вернемся на корабль и посмотрим, Джиз.

На пути обратно он даже не замечал, как она молчалива и погружена в себя. Вернувшись на «Уик-энд», он быстро обшарил корабль в поисках инструментов.

— Ничего! — воскликнул он разочарованно. — Тут ни дрели, ни даже молотка нет. Ничего, кроме открывашек для бутылок и банок с пайками.

Джизбелла не ответила. Она неотрывно смотрела ему в лицо.

— Почему ты на меня так смотришь? — потребовал Фойл.

— Я в восхищении, — медленно ответила Джизбелла.

— По какому случаю?

— Я тебе кое-что покажу, Гулли.

— Что?

— Я тебе покажу, как я тебя презираю.

И с этими словами она трижды ударила его. Фойл яростно вскинулся. Джизбелла перехватила его руку и сунула ему под нос зеркало.

— Ты только посмотри на себя, Гулли, — тихо проговорила она. — Ты посмотри себе в лицо.

Он взглянул. Он увидел старую татуировку, пылавшую красным огнем под кожей. Лицо его стало кроваво-красной тигриной маской на белом. Он так испугался, что гнев его умер в одно мгновение. И сей же миг исчезла маска.

— Боже, — прошептал он. — О боже мой…

— Мне пришлось тебя разъярить, чтоб ты увидел, — объяснила Джизбелла.

— Что это такое, Джиз? Что это значит? Бэйкер не справился с работой?

— Да вряд ли. Я думаю, это шрамы глубоко под кожей, Гулли. От изначальной татуировки и последующего вытравливания. От игл. Обычно они не видны, но как только кровь приливает к лицу, как только эмоции берут верх над тобой, они

наливаются красным. Сердце начинает перекачивать кровь, когда ты в ярости или ужасе, когда тобой овладевают страсть или одержимость. Теперь ты понял?

Он потряс головой, продолжая смотреть себе в лицо и опасливо касаясь его.

— Ты говорил, тебе бы хотелось засунуть меня в карман, чтоб я тебя колола, когда ты теряешь контроль над собой. Ты обзавелся кое-чем получше, бедный мой Гулли, дорогой мой. У тебя есть твое собственное лицо.

— Нет! — крикнул он. — Нет!

— Ты больше не сможешь себе позволить так легко выйти из себя, Гулли. Тебе больше нельзя напиваться, переедать, влюбляться без памяти, ненавидеть… Тебе придется держать себя в ежовых рукавицах.

— Нет! — в отчаянии воскликнул он. — Это можно исправить. Бэйкер сможет. Или кто-то другой, если не он… Не могу же я вот так блуждать, не позволяя себе никаких проявлений чувств, чтобы часом не превратиться в урода…

— Гулли, я не думаю, что это можно исправить.

— А пересадка кожи?

— Нет. Шрамы слишком глубокие. Пересадка

не поможет. Ты никогда не избавишься от этих стигматов, Гулли. Тебе придется научиться с ними жить.

Фойл во внезапной вспышке ярости отбросил зеркальце. На лице его снова появилась кроваво-красная тигриная маска. Он вылетел из главной каюты, устремился к люку и начал торопливо влезать в оставленный там скафандр.

— Гулли, ты куда? Ты что собираешься…

— Инструменты! — крикнул он. — Нам нужны инструменты, и я знаю, где их взять.

— Где?

— Да на астероиде! Там десятки кладовых, куда они собирали инструменты с разбитых кораблей. Там дрели и вообще все, что понадобится. Не ходи со мной, там может быть опасно. Хотя… как там мое проклятое богом лицо? Что-нибудь на нем видно? Иисусе Христе, ниспошли мне проблемы!

Он закончил надевать скафандр и вылетел наружу. Нашел люк, отделявший обитаемые зоны астероида от вакуума. Забарабанил по нему. Подождал немного, застучал снова и продолжал так, пока люк не открыли. Вытянулись руки, потащили его внутрь, закрыли люк. Воздушного шлюза не было.

Он поморгал, привыкая к свету, и оскалился на

Джозефа и ничего не подозревающую толпу позади него. Лица их были дикарски разукрашены, и он знал, что его собственное лицо сейчас тоже пылает красно-белыми узорами. И он увидел, как Джозефа охватывает паника, а дьявольски ощеренный рот его произносит по буквам:

К-О-Ч-Е-В-Н-И-К.

Фойл ворвался в толпу и начал расшвыривать собравшихся. Джозефа он огрел по губам тыльной стороной перчатки скафандра. Пролетев сквозь Науконарод, он помчался по заселенным коридорам. Он начал смутно узнавать местность. Наконец добрался до самого глубокого участка, полуискусственной пещеры, вырубленной в древнем корабельном корпусе. Здесь хранились награбленные инструменты.

Он зарылся в кучу, выбрасывая наружу дрели, алмазные пилы, баночки кислоты для травления, термитные смеси, кристаллизаторы, динамитные составы, флюсы. Астероид медленно вращался, и вес набранной Фойлом добычи не превышал сотни фунтов. Он кое-как перевязал ее кабелем и поволок прочь из кладовой-пещеры.

Его уже ждали Джозеф с Науконародом. Блохи вздумали искусать волка? Они устремились на него, и он в ярости накинулся на них как зверь.

Броня скафандра защищала его от смехотворных ударов. Он понесся дальше по коридорам, отыскивая люк, ведущий обратно в благословенную пустоту.

По наушникам пришел возбужденный голос Джизбеллы:

— Гулли, ты меня слышишь? Это Джиз. Гулли, отвечай.

— Что у тебя?

— Две минуты назад появился другой корабль. Он лег в дрейф по ту сторону астероида.

— Что?!

— Он желто-черный, как шершень.

— Это цвета Дагенхэма!

— Значит, за нами погоня!

— Ты ожидала иного? У Дагенхэма еще с нашей встречи в Гуфр-Мартеле отрос на меня во-от такой зуб. Дурак я, что не подумал об этом… Джиз, ноги в руки. Надевай скафандр и встречай меня возле «Кочевника». В каюте дежурного по хозчасти. Давай-давай, девочка.

— Но, Гулли…

— Тихо. Они могут прослушивать нашу частоту. Давай.

Он пролетел через астероид, добрался до люка, раскидал охрану, выбил крышку и помчался по

безвоздушным коридорам. Науконарод в панике засуетился, пытаясь законопатить люк, и отстал. Но он понимал, что погоня лишь отсрочена. Науконарод будет в ярости.

Фойл проволок свою добычу по извилистым коридорам искусственной планетки до самого «Кочевника». Там, в каюте дежурного по хозчасти, его ждала Джизбелла. Она потянулась было переключить коммуникатор своего скафандра на микроволны, но Фойл жестом остановил ее. Приложил свой шлем к ее забралу и зашептал:

— Никаких КВ. Они отслеживают. Так они обнаружили нас. Ты же меня так слышишь, да?

Она кивнула.

— Отлично. У нас, может, около часа, прежде чем Дагенхэм нас засечет. И столько же, пока Дж♂зеф с его кодлой до нас не доберутся. Мы меж двух огней. Надо спешить.

Она снова кивнула.

— Нет времени вскрывать сейф и переносить сокровище.

— Если оно там есть.

— Ну, Дагенхэм же здесь, да? Значит, и сокровище здесь. Нам нужно вырезать сейф из корпуса и перетащить его на «Уик-энд». Там мы его вскроем.

— Но…

— Просто слушай и делай то, что я говорю. Возвращайся на «Уик-энд». Опорожни его. Все ненужное вышвырни в космос. Все припасы, кроме НЗ.

— Зачем?

— Потому что я не знаю, сколько тонн будет весить сейф при нормальной силе тяжести и хватит ли грузоподъемности корабля. Нам нужно оставить какой-то зазор под это дело. Возвращение будет нелегким, но мы справимся. Выскобли корабль подчистую. И быстро! Давай, девочка, давай!

Он оттолкнул ее в сторону корабля и, не проводив даже взглядом, атаковал сейф. Тот был из структурированной стали, как и корпус: массивный, круглый, фута четыре в диаметре. Сейф крепился к переборке и сочленениям «Кочевника» в двенадцати различных местах. Фойл накинулся на каждое из них: испробовал кислоту, дрель, термит, заморозку… Он исходил из общих представлений о структурных напряжениях. Вытравливать, раскалять и охлаждать сталь, пока кристаллическая структура не исказится и материал не поддастся. Он подвергал ее ускоренному искусственному усталостному старению.

Джизбелла вернулась, и он осознал, что прошло уже сорок пять минут. У него ныло все тело, и конечности сводила судорога, но шаровидный сейф таки отделился от корпуса и парил, являя взору двенадцать уродливых рытвин на поверхности. Фойл переместился к Джизбелле, и они вместе налегли на сейф. Но их усилий оказалось недостаточно, чтобы его переместить. В отчаянии, выбившись из сил, они отступили, и тут лившийся через пробоины в корпусе «Кочевника» солнечный свет затмила быстрая тень. Они подняли головы. Менее чем в четверти мили вокруг астероида кружился звездолет.

Фойл прислонился шлемом к шлему Джизбеллы.

— Это Дагенхэм, — выдохнул он. — Он нас высматривает. Наверное, готовит команду для высадки на астероид. Как только доберутся до Джозефа, узнают, где искать.

— О, Гулли…

— Шанс еще есть. Возможно, они не заметят «Уик-энд на Сатурне», пока не сделают еще пару оборотов. Он запрятан глубоко в том кратере. Наверное, мы еще успеем закинуть сейф на борт.

— Как, Гулли?

— Не знаю, черт подери, не знаю! — Он в ярости

застучал кулаком о кулак. — Мне больше ничего не пришло в голову.

— А может, вышвырнуть его наружу взрывом?

— Взрывом? Бомбы вместо мозгов? Это точно Великая Менталистка Макквин со мной говорит?

— Послушай. Мы его выбьем наружу какой-нибудь взрывчаткой. Она сработает как ракетный двигатель. Придаст импульс.

— Ага, я понял. А дальше что? Как мы его на корабль перетащим, девочка? Мы же не можем все время двигать его взрывами, у нас времени не хватит.

— Нет, мы подставим корабль под сейф.

— Что?

— Мы выбьем сейф в космос. Потом подведем корабль и подставим его люк под сейф, чтобы тот упал внутрь. Все равно что ловить шляпой подброшенный мяч. Понимаешь?

Он понял.

— Господи, Джиз, а может получиться!

Фойл прыгнул к своей куче, спешно принялся сортировать палочки желатинового динамита и прочую взрывчатку.

— Придется все-таки вернуться на КВ-связь. Одному из нас надо обратно на корабль, пилотировать, а одному — заняться сейфом. Тот, кто

с сейфом, указывает тому, кто на корабле, куда лететь. Да?

— Да. Ты лучше меня пилотируешь, Гулли. Я тогда буду указывать.

Он кивнул, прикрепил взрывчатку, присоединил капсюли и запальные шнуры. Потом прислонил свой шлем к ее.

— Вакуммный взрыв, Джиз. Через две минуты. Когда я скомандую по КВ, просто поджигай всю эту байду и убирайся куда глаза глядят. Поняла?

— Поняла.

— Увидишь сейф, перелетай к нему. Как только я его поймаю в корабль, ты влезай следом. Не мешкай. Они приближаются.

Он ободряюще похлопал девушку по плечу и вернулся на «Уик-энд». Оставил внешний люк открытым, как и внутреннюю дверь воздушного шлюза. Из корабля тут же стал улетучиваться воздух. Опустевший, выпотрошенный Джизбеллой, он мало чем отличался от покинутых обломков, составлявших астероид.

Фойл устремился в контрольную рубку, сел за пульт и включил микроволновую связь.

— Готовьсь, — скомандовал он. — Я лечу.

Он включил двигатели, дал боковую тягу на три секунды, потом выжал вперед что было сил.

«Уик-энд» подчинился его движениям, размел с пути дрейфовавший поблизости мусор и вынырнул из кратера, точно поднимающаяся к поверхности океана акула. Фойл заложил вираж над астероидом и передал:

— Динамит, Джиз! СЕЙЧАС!!!

Вспышки не было. Взрыва не было слышно тоже. Только новый кратер образовался в астероиде под кораблем. Цветок обломков вытянулся вверх, в космос, облако пыли быстро расплылось, и показался медленно вращавшийся по мере подъема тускло-серый стальной шар.

— Сдай назад, — холодно и уверенно отозвалась Джизбелла. — Ты слишком гонишь. И, кстати, заказанные тобой проблемы прибыли.

Он тревожно глянул вниз и дал задний ход. На поверхности астероида роились шершни: люди Дагенхэма в черно-желтых скафандрах. Они окружали одинокую фигурку в белом, которая вертелась и уворачивалась от них, пытаясь ускользнуть. Кольцо смыкалось. Это была Джизбелла.

— Держи курс, — сказала Джиз тихо, но он слышал ее тяжелое разгоряченное дыхание. — Еще немного сбрось… четверть оборота…

Он автоматически повиновался указаниям, не

отрывая взгляда от переполоха внизу. Элерон «Уик-энда» заслонил сейф по мере сближения траекторий, но Джизбеллу он все еще видел, и шершней Дагенхэма тоже.

Девушка включила ракетный двигатель скафандра — он заметил, как из спинных дюз вырвались тоненькие сполохи. Фигурка в белом воспарила с астероида в пространство. Зажглись новые сполохи: люди Дагенхэма кинулись в погоню. Полдюжины, однако, не стали отвлекаться на Джизбеллу, а вместо этого устремились к «Уик-энду».

— Он уже рядом, Гулли, — Джизбелла отрывисто дышала, но голос ее оставался невозмутимым. — Корабль Дагенхэма опустился на другой стороне астероида, но ему уже наверняка передали наши координаты. Он летит к тебе. Держи позицию, Гулли. Десять секунд…

Шершни обогнали фигурку в белом скафандре и взяли ее в сферическое оцепление.

— Фойл, ты слышишь меня? Фойл?

Голос Дагенхэма сперва шел с помехами, но потом прочистился.

— Говорит Дагенхэм. Я на твоей волне. Фойл, сдавайся.

— Джиз! Джиз! Ты от них уйдешь?

— Держи позицию, Гулли… Есть! Точно в дырочку, сынок!

«Уик-энд» сотрясся от сокрушительного удара: сейф двигался хотя и медленно, но весил очень прилично, и теперь он влетел точно в главный люк. В тот же миг фигурка в белом отчаянным маневром пролетела сквозь рой желтых ос и устремилась к «Уик-энду». Преследователи настигали.

— Давай, Джиз, давай! — взмолился Фойл. — Давай, девочка!

Джизбеллу скрыл элерон «Уик-энда». Фойл переключил тумблеры и приготовился к предельному ускорению.

— Фойл, отвечай! Это Дагенхэм.

— Пошел к черту, Дагенхэм! — выкрикнул Фойл. — Джиз, просигналишь, как будешь на борту, и отчаливаем!

— Не могу, Гулли!

— Давай, девочка, давай!

— Не могу попасть на борт. Сейф заблокировал люк. Он застрял на полдороге.

— Джиз, ну же, давай!

— Я тебе говорю, что не могу! — в отчаянии заорала она. — Он заблокировал вход!

Он дико огляделся. По корпусу «Уик-энда» с

устрашающей целеустремленностью профессиональных абордажников ползли люди Дагенхэма. Корабль самого Дагенхэма парил над коротким горизонтом астероида — прямо по курсу. У Фойла голова пошла кругом.

— Фойл, ты в ловушке. Ты и твоя девка. Но я предлагаю сделку.

— Гулли, помоги мне, ну сделай же что-нибудь, Гулли!

— «Ворга», — произнес он сдавленным голосом, смежил веки и ударил по пульту. Взревели хвостовые двигатели, «Уик-энд» сотрясся и прыгнул вперед. Абордажники Дагенхэма, Джизбелла, угрозы и мольбы остались позади. Фойла вдавило в пилотское кресло чудовищной десятикратной перегрузкой, и он сразу же потерял сознание. Но перегрузка эта была менее тягостной, менее болезненной, менее предательской, чем горевшая в нем страсть.

Корабль стремительно удалялся, пропадая из виду, а на лице Фойла проступали кроваво-красные стигматы его одержимости.

Часть вторая

С лукошком яростных причуд,
Которым лишь я господин,
На воздушном коне, да с копьем в огне
Бреду на пустоши один.
Рыцарь теней и видений
Мне бросил вызов на турнир
В десятке лиг — там у края мир дик
Рукой подать. Едва ль закатят пир.

Том из Бедлама[17]

---

[17] Примечания: 17

Анонимная английская поэма начала XVI в. о мытарствах бывшего пациента Бетлемской психиатрической клиники (в разговорной речи это название искажено и сокращено до *Бедлама*).

Глава 8

Старый год умирал, а по планетам неслось моровое поветрие. Война набирала обороты, превращаясь из далекой романтической аферы с пиратскими рейдами и баснословными грабежами в космосе в холокост на вашем дворе. Стало очевидным, что последней из мировых войн положен конец, а первой из войн Солнечной системы — начало.

Воюющие стороны понемногу накапливали людские и материальные ресурсы. Внешние Спутники объявили всеобщую мобилизацию. Внутренние Планеты волей-неволей были вынуждены ответить симметрично. На военные нужды реквизировались и рекрутировались промышленные предприятия, торговые площадки, ученые, инженеры; последовали регуляторные меры и репрессии. Армия и флот каждой из сторон были приведены в полную боевую готовность.

Коммерсанты, пользуясь моментом, обогащались, ибо война эта (как и все остальные) явилась фазой обострения экономической депрессии. Население, однако, бунтовало. Обычным делом — и

критически важными проблемами — стали похищения людей и имущества путем джонтирования. Сеть шпионажа и сопутствующей дезинформации раскидывалась все шире. Люди истеричного склада характера превращались в доносчиков и линчевателей. Угрюмые предчувствия парализовали жизнь в каждом доме от Баффиновой Земли до Фолклендских островов. Умирающий год несколько скрасило лишь явление Четырехмильного цирка.

Так в народе прозвали гротескную свиту Джеффри Формайла с Цереры, богатого юного буффона с крупнейшего из астероидов Солнечной системы[18]. Формайл с Цереры был невероятно богат и столь же невероятно эксцентричен. Классический нувориш, каких много во все времена. Свита его являла собою гибрид деревенского цирка и пародии на двор болгарского царька в изгнании. Это хорошо прочувствовали на своих шкурах в Грин-Бэй, штат Висконсин.

Рано утром адвокат с высоким стереотипным цилиндром клана законников на голове и спис-

---

[18] Примечания: 18

Fourmyle произносится так же, как four mile = искаж. «четыре мили» или «четвертая миля» (по правилам английского языка должно бы писаться four miles или fourth mile соответственно), отсюда игра слов с Четырехмильным цирком (Four Mile Circus). — *Примеч. перев.*

ком желательных мест для размещения палаток явился туда, располагая маленьким состоянием в кармане. Он выбрал луг площадью четыре акра на берегу озера Мичиган и арендовал его за баснословную сумму. За ним явилась группа геодезистов из клана Мэйсонов — Диксонов. Через двадцать минут геодезисты разметили лагерь, и по местности разнесся слух о прибытии Четырехмильного цирка. Со всего Висконсина, Мичигана и Миннесоты потянулись зеваки.

Джонтировали, каждый со сложенной палаткой на спине, двадцать подсобных цирковых рабочих. Воспоследовала громкая увертюра отрывистых приказов, окриков, проклятий, завершившаяся мучительным стоном сжатого воздуха. Двадцать исполинских тентов вознеслись над лугом. Сделаны они были из лакированного латекса и ярко блестели, подсыхая на зимнем солнышке. Зеваки весело загалдели.

Прилетел шестимоторный вертолет и повис над гигантским шапито. Чрево его разверзлось, оттуда низверглись каскады праздничных финтифлюшек, и наружу пошли джонтировать слуги, лакеи, повара и зазывалы. Они сноровисто разукрасили и декорировали палатки. С походных кухонь пошел дым, вкусно пахнущий жареными

цыплятами и выпечкой. Частная полиция Формайла уже рассредоточилась на лугу и встала на страже, патрулируя четыре акра и отгоняя докучливых зевак.

Затем начала прибывать свита Формайла: на самолетах, машинах, автобусах, тракторах, мотоциклах и джонтом. Библиотекари везли книги, ученые — лабораторное оборудование. Были тут философы, поэты и атлеты. Доставили — целыми штабелями — мечи и сабли, татами и ринги; на лугу вырыли и наполнили озерной водой пятидесятифутовый бассейн. Два спортсмена, набычившись, затеяли оживленный спор насчет того, каким именно образом лучше использовать новоявленный водоем: дать ему замерзнуть, чтобы устроить турнир по фигурному катанию, или подогреть, чтобы провести состязания по плаванию.

Появлялись все новые и новые музыканты, актеры, жонглеры, акробаты. Гомон толпы стал оглушающим. Команда механиков устроила на лугу деготную яму со смазочным маслом и принялась возвращать к жизни принадлежавшую Формайлу коллекцию винтажных зерноуборочных комбайнов с дизельными движками. Постепенно прибыли все обитатели цирка, а также их

жены, вдовы, дочери, любовницы, подхалимы, лизоблюды и приживалы. Когда утро перевалило за середину, цирк стало слышно за четыре мили, чем и обязан он был своему прозвищу.

В полдень явился сам Формайл с Цереры. Спецэффекты, которыми он при этом воспользовался, способны были вышибить слезы смеха даже у отшельника, давшего семилетний обет меланхолии. Для начала с юга прилетел огромный самолет-амфибия и приводнился на озеро. Откинулся люк, оттуда вынырнула автоматическая баржа и без посторонней помощи поплыла к берегу. Передняя стенка каюты опустилась, превратилась в мостки, по которым выкатился старинный командно-штабной автомобиль двадцатого века. Не успели потрясенные зеваки переварить все эти чудеса, как машина уже промчалась двадцать ярдов до центра цирка и замерла там.

— Ну-ка, ну-ка, что у него следующим номером припасено? Мотоцикл?

— Не-а, роликовые коньки.

— Нет, он выедет на скейте пого!

Формайл превзошел самые смелые их ожидания. Он вылетел из пушки, установленной в машине с откидным верхом. Раздался оглушительный взрыв, как от настоящего черного

пороха, и Формайл с Цереры, описав безукоризненно выверенную дугу, плюхнулся почти у самых дверей своей палатки на подставленный четырьмя лакеями батут. На этот раз цирк стало слышно за шесть миль — так оглушительны были аплодисменты публики. Формайл залез на плечи лакеев, выпрямился и дождался тишины.

— Друзья, римляне, сограждане! — начал Формайл проникновенно. — Внемлите моим словам! Шекспир, 1564–1616[19]. О черт!

Из рукавов пышного одеяния Формайла вылетела четверка белых голубей и умчалась прочь. Он с сожалением поглядел им вслед и продолжил:

— Друзья, приветствую вас, салют, bon jour, bon ton, bon vivant, bon voyage, bon… Что за черт?

Из карманов Формайла вырвалось пламя и взметнулись фейерверки. Он попытался стряхнуть огонь; полетели конфетти и серпантин.

— Друзья… Заткнитесь, я хочу произнести эту речь в тишине! Заткнитесь!.. Друзья…

Формайл в отчаянии покосился на себя. Одежда на нем догорала, из-под нее выглядывала кроваво-красная поддевка.

— Кляйнманн! — завопил он. — Кляйнманн!

---

[19] Примечания: 19

«Юлий Цезарь», акт III, сцена 2. Начало речей Брута и Марка Антония. — *Примеч. перев.*

Что такое с вашим гребаным гипнообучением?

Из палатки высунулась голова с роскошной шевелюрой.

— Фи заучиль этот решь последний ношь, Формайль?

— Черт подери, конечно! Я на нее два часа убил. Я головы не вынимал из гипнопедийной печки. Зарядил туда курс престидижитаторского искусства Кляйнманна.

— Найн, найн, найн! — застонала голова. — Сколько раз я фам гофориль? Престидишитация — не ораторский искюнст. Это магия. Dummkopf![20] Фи постафиль не тот курс гипнопедии!

Красная поддевка тоже начала тлеть. Лакеи тряслись от страха. Формайл спрыгнул с их плеч и пропал в своей палатке. Поднялся всеобщий дружелюбный хохот, и Четырехмильный цирк зажил обычной жизнью. Из кухонь слышалось шипение и поднимался дым. Все не переставая ели и пили. Музыка не прекращалась ни на минуту. Водевиль никогда не затихал.

Тем временем в палатке Формайл сорвал с себя остатки догорающей одежды, встряхнулся, пере-

---

[20] Примечания: 20
Тупица! (*нем.*)

оделся, подумал немного, подумал еще раз, снова переоделся, кликнул слуг и позвал за портным на диковинной смеси французского, мэйфэйрского[21] и восхищенно-невнятного. Когда новый костюм был уже наполовину готов, Формайлу припомнилось, что он забыл искупаться. Он отослал портного, приказал вылить в бассейн десять галлонов благовоний и застопорился на уместном стихотворении: вдохновение ускользало. Послали за придворным поэтом.

— Продолжи начатую мной строфу, — скомандовал Формайл. — La Toz est mort, les…[22] Погоди. Какая рифма на слово «луна»?

— Вина, — предложил поэт. — Война, стена, страна, верна, пьяна…

— Я совсем позабыл про эксперимент! — сокрушенно воскликнул Формайл. — Доктор Богун! Доктор Богун!

Полураздетый, он помчался в лабораторию, а на полпути через палатку влетел прямиком в спешившего навстречу придворного химика док-

---

[21] Примечания: 21

Мэйфэйр — район в Центральном Лондоне, на восточной окраине Гайд-парка. В Средние века там проходила одноименная двухнедельная ярмарка. — *Примеч. перев.*

[22] Примечания: 22

Ла Тоз скончался… (*фр.*).

тора Богуна. Химик попытался было подняться, но обнаружил, что его взяли в исключительно болезненный и крайне унизительный борцовский захват.

— Ногути! — вскричал Формайл. — Ногути! Идите сюда! Я только что изобрел новый прием!

Формайл поднялся, оторвал полузадушенного химика от пола и джонтировал на татами. Сидевший там маленький японец внимательно оглядел их и покачал головой.

— Нет. Пожалуйста, позвольте я. — Он издал едва слышное шипение. — Хш-ш-ш-ш. Давя на трахею, вы не обязательно задушите противника насмерть. Хш-ш-ш-ш. Позвольте, я покажу вам, как правильно.

Он перехватил у Формайла несчастного химика и уложил на татами в позе постоянного самоудушения.

— Формайл, пожалуйста, взгляните?

Но Формайл уже перенесся в библиотеку, где стал дубасить библиотекаря по голове томиком «Половой жизни» Блоха (вес восемь фунтов девять унций) за то, что в коллекции не нашлось ни единой книги с проверенной, надежной методикой сооружения вечных двигателей. После этого он навел шороху в своей физической лабо-

ратории, где разобрал (сломав при этом) дорогостоящий хронометр, чтобы повозиться с часовым механизмом; джонтировал в оркестровую яму, где отобрал у дирижера палочку и тем привел музыкантов в смятение; покатался на скейте; свалился в нестерпимо разящий благовониями бассейн; дал себя оттуда вытащить, громогласно ругаясь на отсутствие в бассейне льда; выразил желание побыть немного в одиночестве.

— Я побуду наедине с собой, — вот так выразил Формайл это желание, раздавая лакеям тумаки направо и налево. Когда последний лакей убрался за дверь и закрыл ее за собой, Формайл уже похрапывал.

Потом храп прекратился. Формайл исчез. Появился Фойл.

— Этого им на сегодня должно быть достаточно, — пробормотал он и переместился в гардеробную. Постоял перед зеркалом, сделал глубокий вдох и задержал дыхание, внимательно следя за своим лицом. По прошествии минуты ничего не изменилось. Он продолжал задерживать дыхание, жестко, с железным спокойствием контролируя пульс, мышечный тонус и нервы. Через две минуты двадцать секунд появились кроваво-красные стигматы. Фойл выдохнул. Мас-

ка тигра пропала.

— Лучше, — пробормотал он. — Гораздо лучше. Старый факир был прав. Йога — вот ключ. Контроль. Сердцебиение и дыхание. Тонус кишечника и чистота ума.

Он разделся и осмотрел себя. Он был в превосходной форме, но кожа все еще являла взору тонюсенькие серебристые шрамики, причудливой сеткой оплетшие все тело от шеи до щиколоток. Казалось, что кто-то выгравировал на коже Фойла рельефную карту его нервных путей. То были еще не изгладившиеся следы операции.

Операция обошлась Фойлу в четыреста тысяч долларов[23], которыми он подкупил главного хирурга марсианской бригады коммандос. Он превратил себя в невероятную боевую машину. Каждый нервный узел подвергли тщательной переделке, внедрили в мышцы и кости микроскопические транзисторы и механотрансформеры, укрепили позвоночник платиновой нитью. К ее окончанию, видному у копчика, Фойл приложил элемент питания размером с горошину и включил его. По телу пронеслась внутренняя электронная вибрация. Ощущение было меха-

[23] Примечания: 23

Так в оригинале: по смыслу должно быть *кредитов*; впрочем, не исключено, что речь идет о марсианских долларах. — *Примеч. перев.*

ническое.

Я больше машина, чем человек, подумалось ему.

Он оделся, сменив экстравагантный прикид Формайла с Цереры на безликое черное одеяние, подходившее для боя.

Он джонтировал в квартиру Робин Уэнсбери, туда, где посреди висконсинских сосен одиноко стояло многоэтажное жилое здание. Именно за этим он и притащил в Грин-Бэй свой Четырехмильный цирк.

Он оказался во мраке и пустоте и почти сразу, потеряв равновесие, полетел куда-то вниз.

Неверные координаты джонта? — пронеслось в мозгу. *Куда меня занесло?*

Его основательно шибануло открепившимся концом строительной балки, и он приземлился на шаткий пол, влетев ногами прямо в гниющие останки.

Фойла передернуло. Он с силой нажал языком на правый верхний первый моляр. Операция, превратившая половину его тела в электронную машину, снабдила его миниатюрным пультом управления этой машиной, и находился пульт в зубах. Фойл прижал языком зуб, и периферические клетки сетчатки, возбудившись, стали

излучать мягкий свет. Он поглядел вниз, нацелив два светоносных лучика на труп. Труп принадлежал, кажется, мужчине и валялся прямо посреди квартиры Робин Уэнсбери. Он почти полностью разложился. Фойл поднял глаза и увидел десятифутовую дыру в полу главной жилой комнаты Робин. Все здание провоняло дымом, жратвой и гнилью.

— Шакалы, — медленно сказал Фойл в пространство. — Сюда заявились шакалы. Что тут стряслось?

Век джонта выкристаллизовал новый общественный класс разбойников, сквоттеров и мародеров. Они перемещались по планете под покровом ночи с востока на запад, всегда во мраке, всегда в поисках добычи, неся мор и погибель. Стоило какому-то дому развалиться при землетрясении, как следующей ночью они оказывались там. Если дом выгорал или защитные системы какой-то лавки разрушало случайным замыканием, они тоже являлись туда и обносили подчистую.

Они называли себя джек-джонтерами. Шакалами[24].

---

[24] Примечания: 24

Игра слов: по-английски *шакал* — jackal, а *незаконно захватить, угнать* — (hi) jack. — *Примеч. перев.*

Фойл взобрался по полуразрушенной лестнице уровнем выше. Там джек-джонтеры разбили лагерь. На костре жарилась целая туша, и дым вздымался в небеса через дыру в крыше. Дюжина мужчин и тройка женщин грелись у огня. Вид у них был зверский и опасный. Они что-то напевали себе под носы на ритмичном шакальем сленге. Одеты были в то, что наворовали, и пили выжатый картофельный сок из бокалов для шампанского.

Появлению Фойла — огромного человека в черном со светящимися глазами — они ужаснулись. Он спокойно, уверенно, расшвыривая мусор, прошел через толпу к бывшему входу в квартиру Робин Уэнсбери. Железный самоконтроль обострил его чувства.

Если они ее убили, подумал Фойл, *мне кранты. Я же собирался ее использовать. Если она мертва…*

Квартиру Робин разгромили и обнесли, как и все остальные в этом доме. Главная комната, как и заметил Фойл снизу, была разгромлена, и в центре ее в полу зияло овальное отверстие с иззубренными краями. Фойл обыскал квартиру в поисках трупа хозяйки. В спальне обнаружились двое мужчин и женщина: они валялись на

кровати. Мужчины чертыхнулись. Женщина взвизгнула. Ее партнеры пошли на Фойла. Тот отступил на шаг и прижал языком верхние резцы. Заработали нейронные цепи. Все чувства и ощущения его организма пятикратно ускорились.

Внешний мир он теперь воспринимал записанным на пленку и прокрученным в замедленном повторе. Звуки превратились в низкое рычание. Цветовая гамма покраснела. Двое нападавших, казалось, мечтательно парили в воздухе перед Фойлом, будто их внезапно сковала дрема. С точки же зрения нападавших и остального мира, это сам Фойл стал размытым вихрем. Он отступил-скользнул в сторону, обошел нападавших, поднял одного из них за шкирку и вышвырнул в зиявшее посреди соседней комнаты кратерообразное отверстие. Второй шакал улетел вслед за первым долей секунды позже. Фойлу, в его ускоренном восприятии, казалось, что те плывут к дыре очень медленно, все еще согнутые в примитивной боевой стойке, выставив кулаки и оскалив рты, откуда неслось низкое тяжелое фырчание.

Фойл склонился над женщиной, которая в панике прикрывалась какими-то лохмотьями.

— Здблтл? — вопросил размытый вихрь.

Женщина завизжала.

Фойл снова нажал языком на передние резцы, и ускорение прекратилось. Пленка внешнего мира вместо замедленного повтора закрутилась с нормальной скоростью. Цвета и звуки вернулись в обычные области спектра. Парочка шакалов улетела в дыру, исчезла в ней и грянулась на нижнем этаже.

— Здесь было тело? — повторил Фойл разборчиво. — Тело молодой негритянки?

Женщина не отвечала.

Он поднял ее за волосы, тряхнул напоследок и вышвырнул следом за шакалами.

Тут поиски Робин пришлось прервать: из вестибюля здания повалила целая толпа ночных мародеров. У них были факелы и переделанное из домашних инструментов оружие. Впрочем, джекджонтерам далеко было до профессиональных киллеров: они умели только загонять и убивать беззащитную перепуганную добычу.

— Не трогайте меня, — вежливо сказал Фойл, продолжая шарить в шкафах и переворачивать растерзанную мебель.

Шакалы приближались. Их направлял какой-то бандюк в норковой шубе и треуголке. Снизу доносились подбадривающие проклятия. Чело-

век в треуголке швырнул в Фойла факел. Того обожгло. Фойл снова ускорился. Джек-джонтеры застыли живыми статуями. Фойл подобрал с пола полуразломанный стул и по очереди стукнул им шакалов. Те остались стоять. Человека в норковой шубе и треуголке Фойл повалил на пол и опустился коленями ему на грудь. Затем отключил ускорение.

Внешний мир снова возвратился к жизни. Шакалы попадали, где стояли, побросав оружие. Человек в норковой шубе и треуголке захрипел.

— Тут было тело? — спросил его Фойл. — Негритянка. Очень высокая. Очень красивая.

Человек извивался, пытаясь выцарапать Фойлу глаза.

— Вы присматриваете за трупами, — сказал Фойл спокойно. — Некоторые твои шакалы предпочитают мертвых девушек живым. Вы нашли здесь ее тело?

Не получив внятного ответа, он поднял факел и поджег им норковую шубу. Потом отпустил джек-джонтера и принялся с отвлеченным интересом наблюдать за его действиями. Вожак шакалов взвыл, завертелся колесом, споткнулся на краю кратера и провалился во тьму, подсвечивая ее своим горящим телом.

— Эй, — негромко позвал Фойл. — Тут было тело?

Ответа не было. Он покачал головой.

— Грязная работка, — пробормотал он. — Пора бы мне научиться выбивать инфу. Дагенхэм мог бы меня кое-чему научить.

Он выключил электронные системы тела и джонтировал.

Объявился он в Грин-Бэй. От его подгоревших волос и опаленной кожи так воняло, что волей-неволей пришлось заглянуть в ближайший магазин Престейна, где продавались драгоценности, духи, косметика, ионные освежители и суррогаты. Оказалось, что местный мистер Престо уже прослышал о появлении Четырехмильного цирка и не замедлил приветствовать важного гостя. Фойл мигом сбросил с себя хищную целеустремленность и снова стал буффоном с Цереры по имени Джеффри Формайл. Он вытанцовывал и кривлялся перед зеркалом, купил флакон Euge No. 1 по сто долларов[25] за унцию общей вместимостью двенадцать унций, обрызгал себя так, что дышать стало невозможно, и, к восхищению мистера Престо, швырнул собрав-

---

[25] Примечания: 25
Так в оригинале. — *Примеч. перев.*

шимся на улице зевакам опустевший флакон.

В статуправлении округа клерк Фойла не узнал, а потому повел себя как обычно: угрюмо и неприступно.

— Нет, сэр. Без судебного ордера или прочей уважительной причины я не могу открыть вам доступ к окружным архивам. Это не обсуждается.

Фойл внимательно и беззлобно присмотрелся к нему.

Астеник, подумал он, *тонкий, долговязый, слабый. Эпилептоидного толка. Эгоцентричный, педантичный, самоуверенный, невеликого ума. Слишком ценит свою работу и задавлен окружением, чтобы принять взятку. Но есть в его броне и слабые места.*

Часом позже в офис клерка ввалились шестеро гостей из Четырехмильного цирка. Гости были женского пола, не лишенные внешней приятственности. Двумя часами позже, одурманенный соблазнами плоти, клерк выдал нужную информацию. Оказалось, что вторжение джек-джонтеров вызвано разрушившим дом две недели назад взрывом бытового газа. Всех обитателей здания вынудили переселиться. Что касается Робин Уэнсбери, то ее поместили в тера-

певтическое заключение Госпиталя Милосердия под прикрытием кольца ПВО Айрон-Маунтин.

— Терапевтическое заключение? — поразился Фойл. — За что? Что она такого учудила?

Тридцать минут ушло у него, чтобы организовать рождественскую вечеринку Четырехмильного цирка. Участвовали музыканты, певцы, актеры и вообще все, кто знал джонт-координаты Айрон-Маунтин.

Ведомые своим хозяином-буффоном, они явились туда под музыку и фейерверки, с подарками и немалым запасом огненной воды. Под всеобщее веселье и радостный смех они промаршировали по городу праздничным парадом. Они влезли в радарное поле систем ПВО, и охрана, улыбаясь, пропустила их. Формайл с Цереры, одетый Санта-Клаусом, разбрасывал окрест крупные банкноты из заплечного мешка и весело приплясывал, стараясь скрыть боль, возникавшую от соприкосновения радарного поля с электронной начинкой его усовершенствованного тела.

Зрелище было еще то.

Они нагрянули в Госпиталь Милосердия, ведомые Санта-Клаусом, который распевал во весь голос и с грацией слона в посудной лавке выделывал головокружительные курбеты. Он целовал

сиделок и медсестер, пил с посетителями, раздавал пациентам подарки, забрасывал коридоры банкнотами, а когда всеобщее веселье достигло такого размаха, что потребовалось вызывать полицию, внезапно улетучился. Много позже обнаружили, что вместе с ним улетучилась и одна из пациенток, хотя ее обкололи успокоительным и джонтировать она была неспособна. Санта-Клаус унес ее из госпиталя в заплечном мешке.

Перекинув девушку через плечо, Фойл джонтировал за пределы госпиталя. Там, на тихой опушке соснового леска под морозным небом, он помог ей вылезти из мешка. На ней была белая унылая госпитальная пижама, но красоты девушки это одеяние не скрывало. Он снял костюм Санты и принялся внимательно оглядывать девушку — узнает ли та его?

Мыслепоток перепуганной и смущенной Робин был как яркий свет прожектора:

Господи! Кто это? Что случилось? Была музыка. Рев. Зачем засовывать меня в мешок? Пьяницы на тромбонах. О Дева Мария, это Санта-Клаус! Adeste Fidelis[26]*. Чего он от меня хочет? Кто он?*

---

[26] Примечания: 26

Правильнее Adeste Fideles — популярная английская рождественская песенка, где есть фрагмент, созвучный пришедшему на ум Робин Уэнсбери. — *Примеч. перев.*

— Я Формайл с Цереры, — сказал Фойл.

Кто? Что? Формайл с?.. Ах, ну да. Буффон. Баснословно богат. Вульгарен. Придурковат. Омерзителен. Четырехмильный цирк. Господи, я что, опять телепередатчик врубила? Вы меня слышите?

— Я слышу вас, мисс Уэнсбери, — тихо сказал Фойл.

— Что вы со мной сделали? Зачем? Чего вам надо? Я…

— Я хочу, чтоб вы на меня посмотрели.

— Bon jour, Madame. Залезайте в мой мешок, мадам. Посмотрите на меня, мадам! Ну что, я смотрю, — сказала Робин, пытаясь контролировать свои мысли. Без всякого выражения взглянула ему в лицо. — Ну, лицо как лицо. Я много таких лиц видела. Мужских лиц в том числе… *Господи! Ох уж мне эти маскулинные фенечки. У всех у них на нас встает. Господи, почему Ты не мог спасти нас от брутальной мужской хотелки?*

— Я вас уже перехотел, мисс Уэнсбери.

— Простите. Я не хотела. Я правда напугана. *Вы меня знаете?*

— Я вас знаю.

— Мы раньше уже встречались?

Она внимательно пригляделась к нему, все еще

не узнавая. Глубоко внутри у Фойла поднималось триумфальное возбуждение. Если эта женщина, которая видела его ближе всех остальных, не узнаёт его, значит, он наконец научился ментально контролировать кровеносные сосуды кожи лица.

— Мы никогда не встречались, — сказал он. — Но я о вас слышал. Мне от вас кое-что надо. Поэтому мы здесь. Поговорить о том, что мне нужно. Если мое предложение покажется вам неприемлемым, вы вольны будете вернуться в госпиталь.

— Вы чего-то от меня хотите? Но у меня ничего нет… ничего. Я опозорена и… Господи! Ну почему мне так и не удалось покончить с собой? Почему я…

— Так вот оно что, — мягко прервал ее Фойл. — Вы пытались совершить самоубийство, не так ли? Записи чрезвычайников о взрыве бытового газа, разрушившем здание… И ваше *терапевтическое заключение.* Попытка самоубийства. Но почему вы не пострадали при взрыве?

— Пострадало много других. Погибло много других… А я — нет. Подозреваю, мне не повезло. Мне всю жизнь не везло.

— Зачем было убивать себя?

— Я устала. Я выдохлась. Я все потеряла… я в сером списке военных… я под подозрением, под колпаком, под наблюдением. Ни работы, ни семьи… почему самоубийство? Господи, а что еще мне оставалось?

— Я предлагаю вам работу.

— Я… Что вы сказали?

— Я предлагаю вам работу, мисс Уэнсбери.

Она ударилась в истерический смех.

— Работу? В цирке шапито? Вы сдурели, Формайл?

— Вам все мозги перетрахали, дорогая моя, — любезно произнес он. — Я не заглядываюсь на других. Обычно заглядываются на меня.

— Простите. Я совсем одержима тем мерзавцем, который меня погубил… Я… Я сейчас попробую подумать. — Робин насилу успокоилась. — Давайте так. Вы меня утащили из госпиталя, чтобы предложить работу. Вы меня знаете. Это означает, что вам от меня нужно нечто особенное. То есть телепередача.

— И обаяние.

— Чего?

— Я хотел бы купить ваше обаяние, мисс Уэнсбери.

— Я не понимаю.

— Ну почему же, — мягко настаивал Фойл. — Для вас это не особенно трудно. Я же буффон. Я вульгарен, придурковат, омерзителен. С этим пора кончать. Я хочу сделать вас своей пиарщицей.

— И вы думаете, я на это клюну? Да вы можете нанять себе сотню пиарщиков… Тысячу, с вашими-то деньжищами. Вы думаете, я поверю, что я для вас одна такая особенная? Чтобы вы ради этого похищали меня из терапевтического заключения?

Фойл кивнул.

— Именно. Есть тысячи пиарщиков, но только вы способны к телепередаче.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы станете моим чревовещателем. Я буду вашей куклой. Я не знаю, как все устроено в высших слоях общества. Вы — знаете. У них свой язык, своя манера одеваться, свои шуточки. Если кто-то хочет проникнуть в эти круги, он обязан выучить их язык. Я не могу. Вы — можете. Вы станете говорить за меня. Будете моей говорящей головой. Так понятно?

— Но вы же сами можете этому научиться.

— Нет. Слишком долго. Обаянию невозможно научиться. Я хочу купить ваше обаяние, мисс Уэнсбери. Я предлагаю вам зарплату: тысячу

кредитов в месяц.

Глаза ее полезли из орбит.

— Вы очень щедры, Формайл!

— Если хотите, я сделаю так, чтобы из вашей биографии пропали все следы попытки самоубийства.

— Если вас не затруднит.

— Я гарантирую также, что вас вычеркнут из серых списков армии. Вы вернетесь в белый список и останетесь там, когда закончите работать на меня. Вы начнете с чистого листа, разжившись немалыми бонусами. Вся жизнь сначала.

Губы Робин дрогнули. Было похоже, что девушка вот-вот заплачет навзрыд. Она всхлипнула, задрожала. Фойлу пришлось ее успокаивать.

— Итак, — мягко напомнил он, — вы согласны?

Она кивнула.

— Я… вы так добры ко мне… я отвыкла, чтобы ко мне так…

Фойл напружинился, как струна, от далекого хлопка, похожего на взрыв.

— Иисусе! — в неожиданной панике вскричал он. — Еще один джонт в синь? Я…

— Нет, — сказала Робин. — Я, правда, не знаю, что такое джонт в синь, но это совершенно точно пэвэошники, они…

Она подняла глаза на Фойла и вскрикнула. Неожиданный взрыв — и оживившая воспоминания ассоциативная цепочка поколебала его железную выдержку. Под кожей проявилась кроваво-красная татуировка. Не переставая визжать от страха, девушка уставилась на него.

Он поднял руку, коснулся лица, потом нагнулся и сгреб ее в охапку. С трудом овладел собой.

— Она показалась, а? — пробормотал он с жуткой усмешкой. — Я на минутку потерял самоконтроль. Татуировка. Мне почудилось, что я снова в Гуфр-Мартеле и прислушиваюсь к джонтам в синь. Да-да, я Фойл. Тот самый мерзавец, который тебя погубил. Ты бы рано или поздно догадалась, но я предпочел бы, чтоб это случилось попозже. Я Фойл. Я вернулся. Сделай милость, прекрати вопить и послушай меня.

Она яростно затрясла головой, пытаясь вырваться из его хватки. С рассчитанным усилием он ударил ее в челюсть. Робин обмякла. Фойл подтянул ее, накрыл плащом и стал баюкать на руках, дожидаясь, пока к девушке вернется сознание. Заметив, что у нее дрожат веки, он заговорил:

— Не шевелись, а то худо будет. Надеюсь, мне не придется повторять этот удар.

— Тварь… сволочь…

— Можно по-хорошему, — сказал он, — а можно по-плохому. Хочешь, я стану тебя шантажировать? Твоя мать и сестры на Каллисто. Тем самым ты автоматически попадаешь под подозрение как потенциальная коллаборантка врага. Тебя заносят в черный список. Тем самым. Ipso facto, на латыни. Поганая гипнопедия… Все, что мне нужно, — так это послать анонимный донос в ЦР, и тебя просто не станет. Из тебя выжмут любую инфу за двенадцать часов. Любую, какую захотят.

Он чувствовал ее трепет.

— Но я этого не сделаю. Я собираюсь сделать тебя своей равноправной партнершей, и поэтому я расскажу тебе правду. Твоя мать на Внутренних Планетах. Слышишь? На Внутренних Планетах, — повторил он. — Возможно, даже на Терре.

— Она в безопасности? — прошептала девушка.

— Этого я не знаю.

— Отпусти.

— Ты замерзнешь.

— Отпусти.

Он поставил ее на ноги.

— Ты меня уже однажды погубил, — прохрипела она. — Хочешь снова?

— Нет. Будешь слушать?

Она кивнула.

— Я оказался один в космосе. Я гнил и подыхал шесть месяцев. Был корабль, который мог меня спасти. Он прошел мимо. Он оставил меня умирать. Этот корабль зовется «Ворга». «Ворга-Т:1339». Тебе это имя о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— Была у меня подруга, Джиз Маккуин. Теперь она мертва. Она подала мне идею. Нужно выяснить, *почему* меня бросили подыхать. Надо узнать, *кто* отдал такой приказ. Я начал скупать всю инфу насчет «Ворги». Любую инфу.

— Какое это имеет отношение к моей матери?

— Заткнись и слушай. Инфу эту добывать нелегко. Все записи о «Ворге» изъяты из судовых журналов страховщика, Бонесса — Уига. Я сумел нашарить только три имени. Три. А ведь обычный экипаж насчитывает двенадцать человек плюс еще четыре офицера. Никто ничего не знает. Никто ничего не говорит. Я нашел также вот это. — Фойл извлек из кармана серебристый медальон и протянул его Робин. — Какой-то человек обронил его на «Ворге». Это всё, что мне удалось отыскать.

Робин испустила сдавленный крик и трясу-

щимися пальцами открыла медальон. Внутри оказалась ее собственная трехмерная фотография, а также снимки двух других девушек. Когда медальон открылся, фотографии ожили и зашептали:

— С любовью от Робин маме… С любовью от Холли маме… С любовью от Венди маме…

— Это мамин! — расплакалась Робин. — Она… Это… Господи, где она? Что с ней?

— Не знаю, — спокойно отвечал Фойл, — но у меня есть некоторые догадки. Я полагаю, что твоя мать так или иначе выбралась из того концлагеря.

— И сестрички тоже. Она бы их ни за что не оставила.

— Возможно, что и твои сестры тоже. Я думаю, «Ворга» перевозила беженцев с Каллисто. Твоя семья наскребла достаточно — деньгами и драгоценностями, — чтобы их забрали на Внутренние Планеты. Вот поэтому кто-то из экипажа «Ворги» завладел этим медальоном, а впоследствии обронил его.

— Тогда где они?

— Понятия не имею. Может, их высадили на Марсе или Венере. Более вероятно, что продали работать на Луну. Если так, это объясняет, почему

они до сих пор не сумели с тобой связаться. Не знаю, где они. Но «Ворга» нам это откроет.

— Ты не лжешь? Ты не обманываешь меня?

— А что, медальон тебе лжет? Я тебе правду говорю. Правду, какой сам ее знаю. Я хочу понять, почему меня оставили подыхать и какой сукин сын отдал такой приказ. Этот сукин сын должен знать, где твои мать и сестры. Он нам скажет, прежде чем я его убью. У него будет вдоволь времени подумать. Он будет подыхать очень, очень долго.

Робин в ужасе смотрела на него. Завладевшая Фойлом страсть выступила на лице кровавыми стигматами. Он был похож на тигра в засаде.

— У меня целое состояние… неважно, откуда… которое надо потратить. За три месяца я должен с этим разобраться. Я достаточно овладел математикой, чтобы просчитать вероятности. Не больше трех месяцев, прежде чем они сообразят, что Формайл с Цереры — это Гулли Фойл. Девяносто дней. От Нового года до Дня смеха. Ты со мной?

— С тобой? — разрыдалась от омерзения Робин. — С *тобой*?

— Четырехмильный цирк — всего-навсего камуфляж. Никто не заподозрит клоуна. Я учился, готовился, строил планы. Я почти готов. Мне

нужна ты.

— Зачем?

— Я не знаю, куда приведет моя охота. В высшие круги общества или на самое дно. Я должен быть как рыба в воде и там, и там. На дне я сам управлюсь: я не забыл языка помоек. Для высшего общества мне нужна ты. Ты со мной?

— Мне больно!

Робин вырвала руку у Фойла.

— Извини. Когда я думаю о «Ворге», то теряю самообладание. Ты мне поможешь найти «Воргу» и отыскать твою семью?

— Я тебя ненавижу! — взорвалась Робин. — Я тебя презираю! Ты весь прогнил изнутри, ты разрушаешь все, к чему прикасаешься! Настанет день, и я тебе за все отомщу!

— Ладно-ладно. А от Нового года до Дня смеха — поработаем вместе?

— Поработаем вместе.

Глава 9

В канун Нового года Джеффри Формайл с Цереры предпринял наступление на высшие круги общества. Начал он с того, что объявился в Канберре на балу в Доме правительства, за полчаса до полуночи. Мероприятие было до крайности формальное, но красочное и великолепное: на формальных собраниях было принято облачаться в вечерние костюмы и платья, соответствующие эпохе учреждения торговой марки или основания бизнес-клана.

Итак, Морзе (потомки изобретателей телефона и телеграфа) надели сюртуки в стиле девятнадцатого века, а их женщины — викторианские блузы с кринолиновыми юбками. Шкоды (порох и пушки)[27] остановили свой выбор на позднем периоде восемнадцатого столетия, облачившись в узкие сюртуки и кринолиновые юбки времен Регентства. Смельчаки-Пенемюнде (ракеты и реакторы), возводившие свою историю к 1920-м,

---

[27] Примечания: 27

Действительно, в середине XIX — начала XX в. именно производство оружия и боеприпасов было основным направлением деятельности этого концерна. — *Примеч. перев.*

предстали в смокингах, а женщины их, бесстыдно обнажая ноги, руки и шеи, — в платьях с глубокими декольте, словно бы от Уорта и Мэйнбокера[28].

Формайл с Цереры явился в вечернем костюме, очень современном и крайне черном, и лишь ослепительно-белый протуберанец на лацкане, логотип церерского клана, оживлял его одеяние. При нем была Робин Уэнсбери в сверкающем жемчужинами белом платье, перехваченном в осиной талии китовым усом, и ниспадавшее до пола платье это выгодно подчеркивало ее стан, осанку и грациозную походку.

Контраст белой и черной фигур был настолько необычен, что распорядители торжества приказали на всякий случай проверить эмблему в альманахе дворянских титулов и торговых марок. Посланный вернулся с известием, что протуберанец действительно атрибутирован с Церерской компанией рудных разработок, созданной в 2250 году для эксплуатации природных ресурсов астероидов Цереры, Паллады и Весты. Особых природных ресурсов там не обнаружи-

---

[28] Примечания: 28

Чарльз Фредерик Уорт (1825–1895) и **Мэйн Руссо Бокер** (1890–1876) — прославленные американские модельеры конца XIX — начала XX в. — *Примеч. перев.*

лось, вследствие чего Дом Цереры мало-помалу сошел со сцены, но официально так и не исчез. По всей видимости, нынче для него настали добрые времена.

— Формайл? Этот клоун?

— Именно. Из Четырехмильного цирка. Все только о нем и судачат.

— Это он самый?

— Да не может быть! Он похож на человека.

Заинтригованные, однако настороженные, сливки общества кучковались вокруг Формайла.

— Ну вот и они, — пробормотал Фойл в сторону Робин.

— Расслабься. Они тебя только потрогают. Если ты их сумеешь развлечь, они примут тебя любым. Оставайся на моей волне.

— Вы тот самый устрашающий человек с цирком, Формайл?

Кто же еще? Улыбнись.

— Именно я, мадам. Если не верите, прикоснитесь ко мне.

— Вы, кажется, искренне гордитесь собой. Разве можно гордиться дурновкусием?

Трудность в том, что нынче вкуса как такового почти ни у кого нет.

— Трудность в том, что нынче вкуса как таково-

го почти ни у кого нет. Я полагаю, мне повезло.

— Он счастливчик. Но при этом ужасно неприлично себя ведет.

— Неприлично. Он же не дурак.

— Он ужасен, но обаятелен. А почему вы сейчас не кривляетесь?

— Я под чужим влиянием, мадам.

— О, дорогой мой, вы что, пьяны? Я леди Шрапнель. Вы когда заплачете?

— Я под *вашим* влиянием, леди Шрапнель.

— Ах вы проказник. Чарльз! Чарльз, поспеши сюда и спаси Формайла. Я на него плохо влияю.

Виктор из RCA Victor[29].

— Формайл, это вы? Я впечатлен! Во сколько вам обходится подобный антураж?

Отвечай искренне.

— В сорок тысяч, Виктор.

— О Боже! Еженедельно?

— Ежедневно.

— Ежедневно?! Зачем же вы тратите такую уйму денег?

Искренне!

— Я стремлюсь добиться известности, Виктор.

— Ха! Вы серьезно?

---

[29] Примечания: 29

Одно из подразделений крупной американской мультимедийной корпорации RCA. — *Примеч. перев.*

— Я тебе говорила, Чарльз, он проказник.

— Черт побери, такой подход действует освежающе! Клаус! А подойди-ка сюда. Вот этот бестактный юнец тратит сорок тысяч в день… добиваясь известности, можешь себе такое представить?

Шкода из Шкоды.

— Добрый вечер, Формайл! Меня весьма заинтересовало таинственное возрождение вашего родового имени. Вы случайно не дальний потомок председателя изначального совета директоров Церерской компании?

Искренне.

— Нет, Шкода. Титул стал моим за деньги. Я купил компанию. Я выскочка.

— Отлично. Toujours de l'audace![30]

— Клянусь, Формайл, вы устрашающе откровенны!

— Я тебе говорил, что он бестактен. Это так освежает. Вокруг полно выскочек, молодой человек, но никто из них не осмеливается этого признать! Элизабет, снизойдите своим вниманием к нам и Формайлу с Цереры.

— О, Формайл! Умираю от любопытства.

---

[30] Примечания: 30

Всегда будь смел! (*фр.*). Шкода цитирует Жоржа Дантона. — *Примеч. перев.*

Леди Элизабет Ситроен.

— Это правда, что вы таскаете за собой передвижной колледж?

Тебя слегка прощупывают.

— Передвижной университет, леди Элизабет.

— Но зачем, Формайл?

— О, мадам, в наши дни так нелегко тратить деньги. Приходится выдумывать самые что ни на есть дурацкие предлоги. Если бы кому-то вдруг удалось изобрести новый экстравагантный способ…

— Вам бы следовало возить за собой изобретателя, Формайл.

— У меня один такой уже есть, не так ли, Робин? Увы, он увлечен вечными двигателями. А мне нужен постоянный мот. Может быть, кто-то из присутствующих согласится одолжить мне младшего сына клана?

— Согласится одолжить?! Да вам многие бы с радостью доплачивали за такую разгрузку!

— А что, Формайл, разработчика вечных двигателей вам недостаточно?

— Нет. Это шокирующая бессмыслица. Весь смысл экстравагантности в том, чтобы вести себя как дурак и чувствовать себя дураком, но наслаждаться этим! Какое наслаждение может

принести вечный двигатель? В чем экстравагантность энтропии? Миллионы в мусорную корзину, ни цента энтропии — таково мое кредо!

Все рассмеялись. Собравшаяся вокруг Формайла толпа росла. Он их впечатлил и расположил к себе. Он стал их новой игрушкой. Потом настала полночь, большие часы пробили Новый год, и разномастная толпа приготовилась джонтировать по всем уголкам мира.

— Отправляйтесь с нами на Яву, Формайл! Там чудесная вечеринка законников у Регис Шеффилда. Мы собираемся разыграть пьеску о Жалостливом Судье.

— В Гонконг, Формайл!

— В Токио, Формайл! В Гонконге сейчас дождь. Давайте к нам в Токио. И цирк свой не забудьте.

— Благодарю вас, но — нет. Я отправляюсь в Шанхай, в Советский кафедральный собор. Я обещаю исключительное вознаграждение тому, кто первый найдет недостаток в моем костюме. Буду с вами через два часа. Робин, ты готова?

Не джонтируй с места: это считается дурным тоном. Выйди из зала. Медленно. С шиком. Обменяйся приветственными кивками с губернатором… комиссаром… их супругами… Отлично. Не забудь подбодрить помощников. Да не его,

идиот! Это лейтенант-губернатор. Так, хорошо. Ты произвел фурор. Тебя приняли. А что дальше?

— Теперь то, зачем мы прибыли в Канберру.

— Я думала, мы на бал прибыли.

— На бал. И за человеком по имени Форрест.

— А кто это?

— Бен Форрест, из экипажа «Ворги». У меня три ниточки к человеку, который приказал, чтобы меня бросили подыхать. Три имени. Кок в Риме, его зовут Поджи. Костоправ в Шанхае, по имени Орел. И этот человек, Форрест. Комбинированная операция: их розыск, совмещенный с внедрением в высшие круги. Ясно?

— Ясно.

— У нас два часа, чтобы расшевелить Форреста. Ты помнишь координаты местного консервного завода? Где у них тут рабочий поселок?

— Я не участвую в твоем возмездии «Ворге». Я ищу свою семью.

— Это комбинированная операция, во всех смыслах, — проскрежетал Фойл с такой дикарской яростью, что девушка только моргнула и вмиг джонтировала. Когда он переместился в свою палатку посреди лагеря Четырехмильного цирка, раскинутого на Джервис-Бич, она уже переодевалась в дорожную одежду. Фойл оглядел ее.

Он к ней больше не прикасался, хотя и приказал, по соображениям безопасности, чтобы она жила в его палатке. Робин перехватила его взгляд и остановилась в ожидании.

Он покачал головой.

— С этим покончено.

— Как интересно. Ты завершил карьеру насильника?

— Одевайся, — велел он, контролируя себя. — Скажи остальным, чтобы через два часа цирк был в Шанхае.

В двенадцать тридцать пополуночи Фойл и Робин явились в центральный офис рабочего городка Австралийской консервной компании. Они потребовали себе идентификаторы для прохода на территорию и были встречены лично мэром.

— С Новым годом, с Новым годом, — пропел тот. — Счастливого Нового года! Вы в гости? Как приятно вам помочь. Позвольте?

Он указал им на роскошный вертолет и сам сел в пилотское кресло.

— У нас нынче много гостей. У нас городок дружный. Самый дружный городок компании во всем мире. — Вертолет лавировал между небоскребов. — Вот ледовый дворец… слева центр плавания… вот под тем большим куполом —

лыжный трамплин… там снег круглый год… Под той прозрачной крышей — тропические сады. Пальмы, орхидеи, фрукты, попугаи… А вот наш рынок. А вот театр. У нас своя служба вещания, трехмерка, все пять чувств. А взгляните только на футбольный стадион! Вы знаете, что двое наших ребят стали любимцами Америки? Тернер правым рокне, а Отис левым торпом[31].

— Мне говорили, — пробормотал Фойл.

— Дассэр, мы заботимся обо всем, абсолютно обо всем! Нет нужды джонтировать вокруг света в поисках развлечений: Австралийская консервная компания доставит их вам домой! Наш городок — Вселенная в миниатюре. Самая счастливая Вселенная на свете.

— Я так посмотрю, у вас проблемы с прогульщиками.

---

[31] Примечания: 31

Труднопереводимая игра слов, основанная на специфических реалиях американского спорта начала XX в. **Джеймс** (Джим) **Торп** (1888–1953) и **Кнут Рокне** (1888–1931) — выдающиеся игроки в американский футбол; здесь Бестер употребляет их фамилии как нарицательные обозначения игровых позиций. Кроме того, о Торпе снят фильм «Джим Торп — любимец Америки» (*Jim Thorpe — All American*, 1951). Разумеется, трудно себе представить, чтобы в XXV в. Торп и Рокне пользовались такой же популярностью, что и в XX в. (кто помнит сейчас победителей рыцарских турниров XIV–XV вв., кроме профессиональных историков, специалистов в этой области?), но технокультурная реалистичность явно не относилась к первоочередным целям Бестера при создании этой книги. — *Примеч. перев.*

Мэр гнул свою линию, захлебываясь от восторга:

— Посмотрите на улицы. Видите эти велосипеды? Мотоциклы? Машины? Мы обеспечиваем больший достаток на душу населения, чем любой город на земле! Взгляните на эти дома! Это не дома, это дворцы! Наши рабочие счастливы и богаты! Именно *мы* обеспечиваем им богатую и счастливую жизнь!

— Но вы их удерживаете?

— Что вы имеете в виду? Разумеется, мы…

— Да полноте, с нами-то можно говорить начистоту. Мы ведь не наниматься прибыли. Вы их удерживаете силой?

— Да мы не в состоянии их удержать дольше, чем на шесть месяцев! — застонал мэр. — Это сущая головная боль. Мы их обеспечиваем всем, что им вздумается, а они не хотят оставаться! Шляются где попало и джонтируют! У нас двенадцатипроцентная недостача продукции из-за прогульщиков! Мы никак не можем приучить их к нормальному, размеренному труду!

— Так ведь никто не может.

— Значит, нужно принять какой-то закон! Вы сказали, Форрест? Это здесь.

Он посадил вертолет у шале в швейцарском

стиле — рядом был разбит сад площадью не меньше акра — и улетел, продолжая жаловаться себе под нос. Фойл и Робин подошли было к дверям, ожидая, что им навстречу выйдет привратник. Однако двери полыхнули красным и отобразили белую эмблему черепа со скрещенными костями. Механический голос провозгласил:

ВНИМАНИЕ. ЭТА РЕЗИДЕНЦИЯ — ПОД ЗАЩИТОЙ
ШВЕДСКОЙ КОРПОРАЦИИ СМЕРТЕЛЬНЫХ ОХРАННЫХ СИСТЕМ, КОД СИСТЕМЫ *R:77–23.* ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ ПО ЗАКОНУ.

— Что это еще за херня? — поразился Фойл. — На Новый год? Дружелюбный паренек, нечего и сказать. Давай с черного хода.

Они обогнули шале, сопровождаемые загоравшимися с определенным интервалом эмблемами черепа и костей, под механические предупреждения. С одной стороны здания виднелась верхняя часть ярко подсвеченного изнутри подвального окна, откуда доносилось приглушенное пение: *Господь — пастырь мой…*

— Подпольные христиане! — воскликнул Фойл. Они с Робин заглянули в окошко. Тридцать приверженцев различных религий отмечали Новый год совместным, до крайности нелегальным бо-

гослужением. В двадцать четвертом[32] веке веру в Бога еще не запретили, а вот организованные богослужения — таки да.

— Ничего странного, что этот дом так охраняется, — проворчал Фойл. — Грязные извращенцы. Ты только глянь, они привели священника и раввина, а вот эта хреновина у них за спинами — распятие!

— Тебе не приходило в голову, что это может иметь иной смысл? — тихо поинтересовалась Робин. — Ты вот часто говоришь «Господи» и «Иисусе». Ты знаешь, что означают эти слова?

— Просто междометия. Как «блин» и «черт».

— Нет. Это проявления религиозного культа. Тебе невдомек, но за такими словами двухтысячелетняя традиция.

— Нет времени тут сквернословить, — нетерпеливо оборвал ее Фойл. — Попозже. Давай.

Задняя стена шале оказалась полностью стеклянной. Это было панорамное окно слабо освещенной и пустой жилой комнаты.

— Ложись лицом вниз, — приказал Фойл. — Я пошел внутрь.

Робин опустилась на мраморный пол патио.

---

[32] Примечания: 32

Так у автора. По смыслу должно быть *двадцать пятом. — Примеч. перев.*

Фойл активировал электронные системы тела, ускорился, как молния, и с размаху пробил дыру в стеклянной стене. Почти на нижнем пределе слышимости раздались слабые хлопки — выстрелы. В него полетели дротики. Фойл упал на пол, настроил слух, прошелся по спектру от низких басов до сверхзвука, пока наконец не уловил ворчание управляющего механизма охранной системы. Он осторожно повернул голову, определил триангуляцией местонахождение источника, пронесся через ливень снарядов и разрушил механизм. Потом замедлился.

— Давай сюда, быстро!

Дрожавшая от страха Робин последовала за ним. Откуда-то снизу слышалось мученическое песнопение приступивших к причастию подпольных христиан.

— Погоди здесь, — проворчал Фойл, снова ускорился, промчался через весь дом, оглядел застывших подпольщиков, вернулся к Робин и сбросил скорость.

— Форреста там нет, — доложил он. — Возможно, он наверху? Если эти выходят через главный выход, то он может воспользоваться задним. Пошли!

Они быстро поднялись по лестнице черного

хода. Выйдя на площадку, остановились передохнуть.

— Нужно действовать быстро, — размышлял вслух Фойл. — Из-за этих выстрелов и религиозных бунтовщиков сюда сейчас весь мир джонтирует и примется задавать вопросы…

Он осекся. Из-за выходящей на лестницу черного хода двери раздалось низкое мяуканье. Фойл понюхал воздух.

— Аналог! — воскликнул он. — Должно быть, Форрест. Как тебе? Религиозники в подвале, дофаминщик в мансарде.

— Ты это о чем?

— Потом расскажу. Заходим. Остается только надеяться, что он не горилла.

Фойл выломал дверь с изяществом бульдозера. Они очутились в просторной комнате без мебели. С потолка свисала тяжелая веревка, вокруг которой закрутился обнаженный мужчина. Он висел на полпути между полом и потолком. Увидев незваных гостей, существо поползло вниз по веревке, издало визжащее мяуканье и испустило волну мускусного запаха.

— Питон, — констатировал Фойл. — Уже легче. Не подходи к нему. Если дотянется, все кости тебе переломает.

Снизу начали выкликать:

— Форрест, где фейерверки? С Новым годом, Форрест! Где чертов праздник?

— Сейчас заявятся, — пробормотал Фойл. — Джонтируем подальше отсюда. Встречаемся на пляже. Давай!

Он вытащил из кармана нож, перерезал веревку, сгреб в охапку извивающегося мужчину и джонтировал из комнаты. В следующее мгновение Робин присоединилась к нему на пустынном пляже Джервис-Бич. Фойл сжимал обнаженного мужчину с устрашающей силой, хотя тот шипел, будто змея, и пытался выкрутиться, выгибаясь через плечи и шею противника. На лице Фойла внезапно проступили кроваво-красные стигматы.

— Синдбад, — молвил он сдавленным голосом. — Старик и море. А, вот и ты, девочка! Молодец. Правые карманы. Третий справа во втором ряду. Там ампулы. Вколи ему куд… — Его голос прервался.

Робин открыла карман, нашла там упаковку стеклянных ампул и вытащила наружу. У каждой ампулы имелась на конце острая, как скорпионий хвост, игла. Она без раздумий воткнула одну в шею извивающегося существа. Мужчина обмяк

и сполз на землю. Фойл сбросил его и отошел на шаг.

— Иисусе Христе! — пробормотал он, массируя горло, и сделал глубокий вдох. — Кровеносные сосуды и внутренние органы — самоконтроль.

Он сосредоточенно, со свистом выдохнул задержанный воздух. Алая татуировка изгладилась с его лица.

— Это что же такое было? — спросила Робин.

— Аналог. Препарат для лечения буйнопомешанных, производное дофамина. Нелегальный. Фокус в том, чтобы пациент мог как-то освободить себя, вернуться к примитивному существованию и сбросить оковы болезни… Приняв аналог, больной идентифицирует себя с определенным животным. Гориллой, гризли, диким быком, волком… Можно, разумеется, вколоть его себе и стать животным просто так, если хочешь. Форрест у нас, судя по всему, любитель змей.

— Откуда ты знаешь?..

— Я же готовился к… «Ворге». Учился. Я тебе говорил. Вот и этому научился, в числе прочего. А сейчас покажу, чему еще я выучился. Если ты не робкого десятка — увидишь, как вывести наркошу из-под аналога.

Фойл расстегнул еще один карман боевого

костюма и вплотную занялся Форрестом. Робин некоторое время смотрела, потом, сдержав крик ужаса, порывисто отвернулась и зашагала к воде. Там она стояла, невидящими глазами вперясь в набегающие волны и горевшие над ними звезды, пока сзади не утихли визг и корчи, а Фойл не позвал:

— Теперь можешь обернуться.

Робин вернулась. Сломленный наркоман сидел перед Фойлом на песке, глядя на своего мучителя пустыми тусклыми глазами.

— Ты Форрест?

— Ты к-хто, черт побери?

— Ты был Беном Форрестом, старшим офицером космического корабля. Корабля клана Престейнов. Он назывался «Ворга». Так?

Форрест снова завизжал от ужаса.

— Ты был на «Ворге» 16 сентября 2436 года.

Форрест разрыдался и закрыл лицо руками.

— Шестнадцатого сентября вы миновали потерпевший катастрофу корабль. В окрестностях астероидного пояса. Разбившееся судно называлось «Кочевник», и это был ваш побратим. Он дал сигнал бедствия. «Ворга» проследовала мимо. Вы оставили его дрейфовать и подыхать. Теперь я задаю тебе вопрос: почему «Ворга» так поступила?

Форрест начал истерически вопить.

— Кто приказал пролететь мимо разбитого судна?

— Боже, нет! Нет! НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!!!!!

— Все записи о происшествии изъяты из файлов Бонесса — Уига. Кто-то добрался до них прежде меня. Кто это был? Кто был на «Ворге»? Кто отдавал тебе приказы? Мне нужны имена офицеров и команды. Кто был капитаном корабля?

— Нет! — орал Форрест. — Нет!

Фойл извлек пачку банкнот и помахал ею перед исказившейся физиономией безумца.

— Я тебе заплачу. Пятьдесят тысяч. Этого тебе хватит, чтобы затариваться аналогом, пока не сдохнешь. Кто приказал бросить меня на верную смерть, Форрест? Кто?

Стоявший на коленях извернулся, выхватил банкноты из руки Фойла и побежал по пляжу. Фойл кинулся за ним и настиг у края воды. Форрест упал лицом в волны. Фойл набросился на него и зафиксировал в таком положении.

— Кто командовал «Воргой», Форрест? Кто отдавал тебе приказы?

— Ты его утопишь! — вскричала Робин.

— Пускай чуток помучается. Воду легче переносить, чем вакуум. Я мучился шесть месяцев. Кто

тебе приказывал, Форрест?

Тот задыхался и булькал. Фойл взял его за волосы и приподнял голову над водой.

— Ты вообще кто? Ты ему верен? Ты спятил? Перепуган? Такие, как ты, душу продадут за пять тысяч, а я предлагаю пятьдесят. Пятьдесят тысяч за инфу стоимостью пять тысяч, или ты умрешь медленной и мучительной смертью…

На лице Фойла проступила татуировка. Он снова ткнул Форреста лицом в воду и стал удерживать так. Форрест корчился и брыкался. Робин подошла и попыталась оттянуть его.

— Ты его убьешь!

Фойл обратил к Робин устрашающее лицо.

— Убери руки, сучка! Кто был с тобой на борту, Форрест? Кто тебе приказывал? Кто?

Форрест извернулся и вытащил голову из воды.

— Нас на «Ворге» было двенадцать! — выкрикнул он. — Господи, спаси меня! Там были мы с Кемп…

Он спазматически дернулся и обмяк. Фойл вытянул его тело на песок.

— Давай, продолжай. Ты и кто? Кемп? Кто еще? Говори!

Ответа не было. Фойл обследовал пленника.

— Сдох, — заключил он.

— Боже! О господи боже мой!

— Одна ласточка весны не делает, но… Бля, а он только-только раскололся. Черт подери, ну что за непруха!

Фойл сделал глубокий вдох и прогнал с лица татуировку. Спокойствие упало на него железной броней. Он настроил наручные часы на сто двадцать градусов восточной долготы.

— Так-с, в Шанхае почти полночь. Пошли. Может быть, с Сергеем Орлом, помощником корабельного врача «Ворги», нам повезет больше. Да не пугайся ты так. Все только начинается. Давай, девочка, джонтируй!

У Робин захватило дух. Он увидел, что девушка смотрит через его плечо с потрясенным выражением лица. Фойл обернулся в ту сторону и увидел, как по пляжу идет пылающий человек высокого роста с замысловато татуированным лицом. Это был он сам.

— Иисусе! — вырвалось у Фойла. Он сделал шаг навстречу горящему двойнику, и внезапно видение исчезло.

Он развернулся к Робин. Та побелела как мел и тряслась.

— Ты видела?

— Д-да.

— Кто это был?

— Т-ты.

— Господи! Я? Но как это возможно? Как?..

— Эт-то б-был т-ты.

— Но… — Он побледнел. Самообладание и ярость оставили его. — Может, иллюзия? Наведенная галлюцинация?

— Не думаю. Я тоже видела.

— О Всемогущий Христос! Столкнуться с самим собой… лицом к лицу… на нем одежда горела, ты видела? Что это было? Господи, что это было?

— Это был Гулли Фойл, — проговорила Робин, — горящий в аду.

— Ну и черт с ним, — взорвался Фойл. — В аду так в аду. Если мне суждено гореть в преисподней, я прихвачу с собой «Воргу»!

Он сложил ладони вместе, восстанавливая самообладание и чувство цели.

— Я не отступлю, клянусь Господом! На очереди Шанхай. Джонтируем!

Глава 10

На костюмированном балу в Шанхае Формайл с Цереры эпатировал общество, явившись в образе Смерти с дюреровской «Смерти и девы», в сопровождении ослепительно прекрасной блондинки в прозрачной вуали. Неовикторианское общество, державшее женщин под замком и мнившее платья 1920-х годов клана Пенемюнде исключительно смелыми, было повергнуто в шок, хотя пару сопровождала Робин Уэнсбери. Впрочем, когда Формайл объявил, что его спутница на самом деле андроид, общественное мнение не замедлило развернуться в его пользу. Такие вот трюки пользовались всеобщим восхищением. Обнажать тело считалось постыдным для людей, но бесполый андроид вызывал лишь слабое любопытство.

В полночь Формайл выставил андроида на аукцион.

— Деньги вы намерены пожертвовать на благотворительность, Формайл?

— Отнюдь! Вы же помните мое кредо: ни цента энтропии. Ну что, услышу ли я, как за это прекрасное и драгоценное создание предложат

сотню кредитов? Сотню, господа! Она прекрасна и высокоадаптивна. Двести? Спасибо. Три с половиной сотни? Спасибо. Раз… Пятьсот? Восемьсот? Спасибо. Есть еще желающие поторговаться за обладание этим превосходным изделием моего придворного изобретателя из Четырехмильного цирка? Она умеет ходить, говорить и приспосабливаться к желаниям хозяина. Она будет запрограммирована ответить взаимностью предложившему наивысшую цену. Девятьсот? Есть еще предложения? Нет? Все сдались? Продана! Продана лорду Йелю за девятьсот кредитов.

Бурные аплодисменты и озадаченные шепотки:

— Такому андроиду цена девять тысяч! Как он на это согласился?

— Лорд Йель, не желаете ли вступить во владение своей новой собственностью? Она откликнется на ваше внимание. Встречаемся в Риме, дамы и господа! У дворца Боргезе в полночь. Счастливого Нового года.

Формайла уже и след простыл, когда лорд Йель, к собственному восхищению и восторгу остальных, обнаружил, что трюк-то с двойным дном. Андроид оказался живым существом, женщиной, красивой и сговорчивой. На девятьсот кредитов

она среагировала как нельзя лучше. Шутка произвела фурор. Сливки общества с нетерпением ожидали нового появления Формайла, желая поздравить его с блестящей удачей замысла.

Но Фойл и Робин Уэнсбери уже прошли под уличным указателем, где на семи языках значилось:

Удвоим вашу дальность джонта или вернем сумму вдвойне!

И оказались в выставочном зале Сергея Орла, «благословленного Небесами расширителя способностей мозга».

Приемная была украшена красочными анимированными картами человеческого мозга, где показывалось, как доктор Орел проводит иссечение, бальзамировку и электростимуляцию коры, дабы удвоить способности пациента к джонтированию под угрозой возврата гонорара в двойном размере. Доктор мог также удвоить объем памяти противолихорадочными клизмами, усилить моральные качества тонизирующими настойками и наставить измученные души на путь истинный сертифицированным эпулотическим вульнерарием Орла[33].

---

[33] Примечания: 33

Букв. «средство, ускоряющее рубцевание открытых ран». — *Примеч. перев.*

В приемной никого не было. Фойл наудачу ткнулся в дверь. Открыто. Они с Робин заглянули в просторную больничную палату. Фойл с омерзением поморщился.

— Снеговики. Должен был я догадаться, что он и с этими придурками якшается.

В этой палате лежали заразные коллекционеры, самые что ни на есть безнадежные нейронаркоши. Они понемногу страдали от самых разных, незаконно индуцированных хворей: псевдомалярии, псевдогриппа, псевдокори. За ними ухаживали дорогостоящие сиделки в безукоризненно белых накрахмаленных халатах, и больные искренне наслаждались как нелегальностью своей болезни, так и вниманием, какое привлекали.

— Ты только глянь на них, — мрачно сказал Фойл. — Мерзость какая. Если и есть что похуже религии, так это заразонерство.

— Добрый вечер, — молвил мягкий голос позади них.

Фойл закрыл дверь и обернулся. Доктор Сергей Орел отвесил поклон гостям. Добряк этот был облачен в белоснежное стерильное одеяние — халат, хирургические перчатки и маску с шапочкой. Классический костюм медицинских кланов;

впрочем, членство в клане доктор приписал себе сам, мошеннически. Смуглокожий коротышка с оливковыми глазами, он ничем не походил на русского, кроме имени: за столетие с лишним джонт смешал и переплавил все расы мира.

— Не ожидали найти вас на работе в Новый год, — проговорил Фойл.

— Наш русский Новый год приходит на две недели позже[34], — отвечал доктор Орел. — Пожалуйста, сюда.

Он указал на дверь и с негромким хлопком исчез. Дверь открылась. За ней была длинная лестница. Когда Фойл и Робин прошли туда и начали подниматься, наверху появился доктор Орел.

— Вот сюда, пожалуйста. А… минуточку.

Он снова исчез и возник позади.

— Вы забыли закрыть дверь.

Он закрыл дверь и снова джонтировал. На этот раз он возник дальше наверху, в самом начале лестницы.

— Пожалуйста, сюда.

— Он красуется, — пробормотал Фойл. — Удвой-

---

[34] Примечания: 34

Надо заметить, что в XXV в. разница между григорианским и юлианским календарями составит уже не четырнадцать, а шестнадцать дней. — *Примеч. перев.*

те способности к джонту или получите назад сумму вдвойне… В любом случае, он чертовски быстр. Я должен его обогнать.

Они прошли в консультационный кабинет. Это оказался пентхаус со стеклянной крышей. Вдоль стен стояло старомодное, но функционально исправное медицинское оборудование: машина для принятия успокаивающих ванн, электрический стул для шокотерапии шизофреников, электрокардиограф для работы с психами, старые оптические и электронные микроскопы.

Мошенник уже ожидал их за столом. Он джонтировал к двери, закрыл ее, джонтировал за стол, поклонился, выдвинул стулья, джонтировал к Робин и подал ей стул, джонтировал к окну и подрегулировал степень раскрытия жалюзи, джонтировал к выключателю и отрегулировал свет, потом джонтировал обратно за стол.

— Год назад, — начал шарлатан со слащавой улыбкой, — я вообще не умел джонтировать. Затем я открыл секрет салютиферотической абстерсивной…

Фойл коснулся языком переключателя, вживленного в зубы, и ускорился. Лениво встал, переместился к вяло моловшей языком «блу-ху-фва-му-у-у…» фигуре за столом, взял тяжелый

медицинский инструмент и с точностью нейрохирурга рассек им череп Орла, перерезав лобовые доли и парализовав джонт-центр. Он подхватил заваливающегося назад мошенника на руки и привязал к электрическому стулу. Все это заняло примерно пять секунд. С точки зрения Робин Уэнсбери движения его слились в сплошное марево.

Фойл отключил ускорение. Шарлатан раскрыл глаза, замер, понял, где находится, и с гневно-озадаченным выражением уставился на своего мучителя.

— Ты Сергей Орел, бывший помощник корабельного врача «Ворги», — тихо сказал Фойл. — Ты был на «Ворге» 16 сентября 2436 года.

Гнев и смятение перешли в ужас.

— Шестнадцатого сентября вы миновали потерпевший катастрофу корабль. В окрестностях астероидного пояса. Разбившееся судно называлось «Кочевник». Он дал сигнал бедствия. «Ворга» проследовала мимо. Вы оставили его дрейфовать и подыхать. Теперь я задаю вопрос: почему «Ворга» так поступила?

Орел округлил глаза и не ответил.

— Кто приказал пролететь мимо? Кому нужно было, чтоб я остался гнить и подыхать там?

Орел начал всхлипывать.

— Кто был с тобой на «Ворге»? Кто отдавал тебе приказы? Кто был командиром корабля? Я собираюсь получить от тебя ответы на эти вопросы. Не воображай, что я не смогу, — с холодной жестокостью продолжал Фойл. — Я либо куплю, либо вырву их. Почему меня оставили умирать? Кто распорядился так поступить?

Орел вскрикнул.

— Я не могу об этом… Погоди… Я ска…

Он обмяк. Фойл осмотрел тело.

— Сдох, — пробормотал он. — Как раз когда раскололся. В точности как Форрест.

— Потому что ты его убил.

— Нет. Я к нему не притрагивался. Он покончил с собой. — В голосе Фойла не было издевки.

— Ты сдурел.

— Нет. Я озадачен. Я их не убивал. Я принудил их покончить с собой.

— Что в этом странного?

— Им вставили симпатические психоблоки. Ты ведь слышала про СПБ, девочка? Разведка такие внедряет своим агентам, фиксируя обратной связью с определенным фрагментом информации, рассекречивать которую недопустимо. А также — симпатической нервной системой, которая регулирует бессознательные процессы сердцеби-

ения и дыхания. Как только субъект окажется в ситуации, когда информация может быть выдана, блок активируется и останавливает работу сердца и легких. Человек умирает, унося тайну с собой. Агенту даже не нужно беспокоиться о средстве самоубийства, помогающем избежать пыток. Он носит это средство в себе.

— С ними так поступили?

— По всей вероятности, да.

— Зачем?

— Откуда мне знать? Явно не из-за перевозки беглецов. «Ворга», надо полагать, проворачивала делишки и помрачнее. В любом случае, у нас проблемы. Осталась последняя зацепка, Поджи в Риме. Анджело Поджи, помощник кока на «Ворге». Ну и как нам выжать из него инфу, если…

Он осекся. Перед ним возник собственный двойник — безмолвный и грозный, в пылающей одежде, с кроваво-красной татуировкой на лице.

Фойла сковал страх. Он с трудом перевел дыхание и дрожащим голосом вопросил:

— Кто ты? Что ты…

Призрак исчез.

Фойл обернулся к Робин, облизал пересохшие губы.

— Ты его видела? — Он прочел ответ по ее ли-

цу. — Он был настоящий?

Она молча указала на рабочий стол Сергея Орла, рядом с которым возникло видение. Бумаги, лежавшие там, загорелись и ярко пылали. Фойл отшатнулся, все еще не вполне придя в себя после потрясения. Он провел рукой по лицу и почувствовал, что та увлажнилась.

Робин подбежала к столу и попыталась сбить пламя. Она пробовала забросать чем-то горящие бумаги, перекрыть доступ воздуха, но все тщетно. Фойла точно парализовало.

— Не могу остановить, — выдохнула она обессиленно. — Надо убираться отсюда.

Фойл кивнул и с трудом взял себя в руки, вернувшись к действию.

— Рим, — прокаркал он. — Джонтируем в Рим. Должно же этому всему найтись какое-то объяснение. Я его найду, клянусь Богом! Я не выхожу из игры. Рим. Давай, девочка, джонтируй!

Со времен Средневековья «испанская лестница» была средоточием римских пороков. Поднимаясь от площади Испании к садам виллы Боргезе широкими и длинными пролетами, лестница неизменно кишела мерзейшими отбросами общества. Здесь роились шлюхи, извращенцы, жиголо, лесбиянки, молоденькие педерасты.

Бесстыжие и нахальные, они выставляли себя напоказ и задирали иногда появлявшихся тут респектабельных горожан.

В конце двадцатого века «испанская лестница» была уничтожена ядерным взрывом, затем восстановлена и снова разрушена в двадцать первом веке, в ходе Объединительных мировых войн. Потом ее восстановили еще раз, покрыв слоем кристаллопластика, устойчивого даже к атомной бомбе. Лестница превратилась в продолжение галереи Боргезе. Купол восстановленной галереи скрывал от глаз здание, где в свое время скончался Китс. Туристы больше не заглядывали в узкое окошко, ловя лучи света так, как ловили их глаза умирающего поэта. Теперь они видели только дымчатый купол над лестницей, а сквозь него — искаженные лучепреломлением фигуры извращенцев.

По ночам лестничная галерея подсвечивалась, а в этот Новый год освещение выдалось особенно хаотичным. Уже тысячи лет Рим приветствовал Новый год настоящей ковровой бомбардировкой — фейерверками, ракетами, торпедами, залпами пушек, хлопками бутылок, звуками падения старой обуви и прочего вышвырнутого на счастье из окон хлама. Римляне месяцами

собирали всякое старье, чтобы в новогоднюю полночь выбросить его на улицу. На лестнице ревели фейерверки, по крыше галереи барабанили каскады хлама, а полуоглохшие Фойл с Робин Уэнсбери сбегали пролет за пролетом от дворца Боргезе, удрав с карнавала.

Они не успели переменить одежду. Фойл так и был в ярко-красном с черным костюме Чезаре Борджиа, Робин — в инкрустированном серебряными нитями платье Лукреции. Лица их скрывали гротескные бархатные маски. Контраст костюмов эпохи Возрождения и современной повседневной одежды беснующейся толпы порождал летевшие им вслед шутки и злобные подколки. Но даже облюбовавшие «испанскую лестницу» Волчата, невезучие карманники и мелкие мошенники, которым в качестве меры наказания выжгли четверть мозга префронтальной лоботомией, не осмеливались преградить им путь, настороженные устрашающей сосредоточенностью движений парочки. Мужчина и девушка неслись вниз от галереи, и толпа расступалась перед ними.

— Поджи? — негромко звал Фойл. — Анджело Поджи?

Проститутка выставила напоказ свои анатоми-

ческие дополнения.

— Поджи? — даже не взглянул на нее Фойл. — Анджело Поджи? Мне сказали, что в эту ночь его можно найти на «испанской лестнице». Анджело Поджи?

Малолетняя сводня предложила ему услуги своей матери.

— Анджело Поджи! Десять кредитов тому, кто приведет меня к Анджело Поджи!

К Фойлу потянулись растопыренные руки: грязные, вонючие, промасленные. Он покачал головой.

— Сначала покажите.

Вокруг него бесновался римский плебс.

— Поджи? Анджело Поджи?

Уже шесть недель капитан Питер Ян-Йеовил отирался на «испанской лестнице» и наконец услышал слова, ради которых туда заявился. Шесть недель напролет он старательно отыгрывал личность Анджело Поджи, бывшего помощника корабельного кока «Ворги», который на самом деле давным-давно умер. Наконец усилия капитана принесли плоды. Операция была рискованная. Идея ее родилась у капитана Ян-Йеовила, когда Центральная разведка получила сведения о том, что кто-то предпринимает

осторожные попытки разыскать членов экипажа престейновского корабля «Ворга-Т:1339» и щедро платит за любую информацию.

— Это выстрел наудачу, — сказал тогда Ян-Йеовил, — но Гулли Фойл, AS-128/127:006, уже предпринимал сумасбродные попытки уничтожить «Воргу». А двадцать фунтов ПирЕ стоят того, чтобы так рискнуть.

Сейчас он ковылял вверх по лестнице навстречу человеку в маске и костюме эпохи Возрождения. Лимфатические узлы его отягчал дополнительный груз в сорок фунтов. Регулируя питание, он сделал свой облик совсем плачевным. Черты его и прежде не носили восточного оттенка, напоминая скорее ястребиный лик американского индейца, и легко трансформировались в новую конфигурацию незначительным мышечным усилием.

Сотрудник Центральной разведки поднимался по «испанской лестнице», притворяясь бывшим корабельным коком с темным прошлым, и держал в морщинистых задубелых руках пакет с замусоленными конвертами — наживку для Фойла.

— Грязные картинки, синьор? Подпольные христиане: коленопреклонение, молитвы, целование

распятия, псалмы? Очень грязные картинки, синьор, очень неприличные. Позабавьте своих друзей, порадуйте синьорин…

— Нет, — оттолкнул порнографические снимки Фойл, — я ищу Анджело Поджи.

Ян-Йеовил подал сигнал всеобщей готовности. Его рассредоточенные на «испанской лестнице» сотрудники, не прекращая приставать к прохожим и выставлять напоказ свои прелести, принялись фотографировать и записывать происходящее. Вокруг Фойла с Робин развернулась оживленная дискуссия на Тайной Речи разведгруппы Тун Вооруженных сил Внутренних Планет. Едва заметные кивки, жесты, движения, выражения лиц, плевки, покашливания. Разведчики модифицировали под свои нужды древний китайский язык жестов бровей и век, кончиков пальцев рук и ног, а также прочих едва уловимых телесных движений.

— Синьор? — прошелестел Ян-Йеовил.

— Анджело Поджи?

— Да, синьор, это я. Я Анджело Поджи.

— Помощник кока на «Ворге»?

Фойл, ожидая уже виденного им у Форреста с Орлом приступа ужаса и понимая, что это будет означать, протянул руку и ухватил Ян-Йеовила

за локоть.

— Да?

— Да, синьор, — бодро ответил Ян-Йеовил. — Как могу я заслужить ваше снисхождение к моим горестям, добрый синьор?

— Может, этот нам пригодится, — пробормотал Фойл в сторону Робин. — Он не кажется напуганным. Возможно, он сумеет обойти СПБ. — И побирушке: — Поджи, у тебя есть кое-что мне интересное.

— Что именно, добрый синьор, и по какой цене?

— Я куплю все, что у тебя есть. По любой цене. Называй свою цену.

— Но, синьор! Я старик, согбен годами и отягощен переживаниями. Я не продаюсь за просто так — зачем бы мне это? Я стремлюсь к равноценному обмену. Мера за меру. Выбирайте, что понравилось, а я назову вам свою цену. Чего бы вы хотели?

— Ты был на борту космического корабля «Ворга» 16 сентября 2436 года?

— Ответ обойдется доброму синьору в десять кредитов.

Фойл ухмыльнулся и заплатил.

— Да, синьор, я был там.

— Я хочу знать, почему вы пролетели мимо корабля, потерпевшего крушение в окрестностях пояса астероидов. Этот корабль назывался «Кочевник». Вы пролетели мимо него 16 сентября. «Кочевник» подал сигнал бедствия, но «Ворга» не откликнулась. Кто дал такой приказ?

— А, синьор!

— Кто дал такой приказ и зачем?

— А почему вы спрашиваете, синьор?

— Тебя не должно интересовать, почему я спрашиваю. Назови свою цену и выкладывай.

— Но, синьор, должен же я знать, зачем вы спрашиваете, прежде чем ответить, — хитро усмехнулся Ян-Йеовил. — И я отплачу вам за удовлетворение своего любопытства, понизив цену. Почему вы интересуетесь «Воргой», «Кочевником» и этим возмутительным случаем оставления в космосе? Возможно, вы, добрый синьор, и были тем несчастливцем, кто претерпел волею рока столь неласковое обхождение?

Он не итальянец! Его акцент безупречен, но манера речи абсолютно неверная. Ни один настоящий итальянец не стал бы строить фразу таким образом!

Фойл тревожно напружинился. Глаза Ян-Йеовила, отточенные замечать мельчайшие перемены

в поведении противника, уловили эту напряженность. Разведчик тут же понял, что выдал себя, хотя и не сообразил еще, чем. В следующее мгновение он просигналил своей группе захвата.

На «испанской лестнице» завязалась драка, и атмосфера тут же накалилась. Фойл и Робин оказались в самом центре ревущей, наседающей со всех сторон толпы. Бойцы разведгруппы Тун давно освоили в совершенстве этот спасительный в глобально джонтирующем мире прием. Они умели с точностью до доли секунды вывести любого человека из равновесия и помешать ему оценить свои пространственные координаты. Успех приема зиждился на простом факте: между неожиданным нападением и осознанием атаки всегда проходит какое-то время, пускай очень малое. И в продолжение этого промежутка времени разведгруппа Тун гарантированно блокировала любые попытки преступника спастись.

Фойла опрокинули, ударили по лбу, уволокли вниз по лестнице, схватили за руки и ноги и растянули в позе парящего орла. Маска слетела с его лица, роскошный костюм разорвали и стащили. Он оказался наг и беспомощен перед идентификационными камерами. Миновало три пятых секунды. Затем впервые за всю историю

разведгруппы Тун операция пошла не по плану. Рядом с телом Фойла появился и оттеснил разведчиков человек исполинского роста с замысловато татуированным лицом. От пришельца исходили дым и пламя. Нападавшие так изумились, что будто вросли в ступени, во все глаза глядя на него. По «испанской лестнице» прокатился могучий возглас изумленной толпы зевак:

— Горящий Человек! Глядите! Горящий Человек!

— Но это же Фойл! — вырвался потрясенный шепот у Ян-Йеовила.

Призрак стоял в молчании, продолжая полыхать, и глядел на толпу невидящими глазами, может быть, четверть минуты. Затем он исчез. Распятый на ступеньках в позе парящего орла пленник исчез вместе с ним. Он обернулся размытым вихрем, пронесся через ватагу разведчиков, выцелил и разбил камеры, записывающие аппараты и вообще все идентифицирующие личность устройства. В заключение вихрь втянул в себя девушку в платье эпохи Возрождения и растаял в воздухе.

Медленно, болезненно, словно пробуждаясь от кошмара, народ на «испанской лестнице» возвращался к жизни. Потрясенные сотрудники

разведгруппы Тун сгрудились вокруг Ян-Йеовила.

— Бога ради, Йео, что это было?

— Я думаю, это был наш субъект. Гулли Фойл. Вы же видели, у него лицо в татуировках.

— На нем горела одежда!

— Словно еретик на костре.

— Но если этот горящий человек был Фойлом, — спросил кто-то, — кого же мы, едрит вашу мать, ловили?

— Не знаю. А что, у бригады коммандос уже появилась отдельная разведслужба, и они больше не утруждают себя докладами ЦР?

— При чем тут коммандос, Йео?

— Вы же видели, как он ускорился, разве нет? Он уничтожил все наши записи.

— Я до сих пор глазам не верю.

— О, ты можешь им поверить. Ребята, вы наблюдали в действии сверхсекретную технику коммандос. Они расчленяют своих бойцов, меняют им потроха и запускают снова. Мне надо будет связаться с марсианской штаб-квартирой и выяснить, не ведет ли часом бригада коммандос параллельную охоту.

— Разве армейские станут делиться с флотом…

— Разведке они скажут, — гневно перебил

Ян-Йеовил. — Ситуация аховая, нет времени на крючкотворство. И вот еще что: нет надобности трогать эту девушку. Это возмутительное нарушение дисциплины.

Ян-Йеовил сделал паузу и впервые заметил, что бойцы разведгруппы окидывают его значительными взглядами.

— Я должен выяснить, кто она такая, — мечтательно добавил он.

— Если ей тоже заменили потроха, Йео, это будет сложновато, — сказал чей-то показательно беззаботный голос. — Девушка-коммандо может дать отпор.

Ян-Йеовила ни с того ни с сего бросило в жар.

— Все путем, — буркнул он. — Я просто поинтересовался.

— Ты просто поинтересовался, Йео. Угу, все твои романы так начинались: *нет надобности трогать эту девушку.* А по-о-отом… Квакерша Долли[35], Джин Уэбстер[36], Гвинн Роже, Мэрион…

---

[35] Примечания: 35

Исторически: прозвище **Долли Мэдисон** (1768–1849), супруги президента США Джеймса Мэдисона. — *Примеч. перев.*

[36] Примечания: 36

Исторически: **Алиса Джин Чандлер Уэбстер** (1876–1916), американская писательница. — *Примеч. перев.*

— Без имен, без имен! — влез чей-то шокированный голос. — Пускай Ромео сам скажет Джульетте!

— Вы все завтра отправляетесь драить унитазы! — пообещал Ян-Йеовил. — Провалиться мне на этом месте, если я потерплю у себя в группе такое вопиющее нарушение субординации. Нет, пожалуй, все-таки не завтра… Но как только покончим с этим делом — так сразу же.

Ястребиный лик его омрачился.

— Господи, ну что за ерунда? Выкиньте уже из головы этого Фойла, который тут маячил, как неопалимая реклама![37] Где он? Чего ему надо? Что это все означает?

[37] Примечания: 37

В оригинале: burning brand, игра слов — по-английски «неопалимая купина» (из библейской легенды о явлении Бога пророку Моисею) будет burning bush. — *Примеч. перев.*

Глава 11

Особняк Престейна из Престейнов в нью-йоркском Центральном парке готовился ко встрече Нового года. Чарующие старинные электролампы с нитями накаливания и заостренными, как свечные фитили, кончиками источали приятный желтый свет. Джонтоустойчивый лабиринт разобрали. По особому случаю открыли главные ворота. Интерьер же дома от непрошеных взглядов защищала теперь штора поперек дверного проема, инкрустированная драгоценностями.

Зеваки восторженно встречали появление каждого следующего нотабля. Гости прибывали на машинах, в двуколках, на санях и вообще самыми разными средствами наземного транспорта. Сам Престейн из Престейнов стоял в дверях, статный, седовласый, безукоризненно выдержанный, с улыбкой василиска на устах, и приветствовал вновь прибывших. Не успевала очередная знаменитость переступить порог и исчезнуть за покровом, как являлась следующая, еще более известная, в еще более замысловатом транспорте.

Клан Кока-Кола прибыл на грузовике. Семейство Эссо (шестеро сыновей, три дочери) во всем

своем великолепии явилось на автобусе «Грейхаунд» с прозрачной застекленной крышей. Сами же Грейхаунды притащились на какой-то таратайке с эдисоновским электромотором и тем вызвали бурные аплодисменты развеселившейся публики. А когда Эдисон из Вестингаузов выбрался из заправленного бензином от Эссо «жука» и тем замкнул круг, смех на крыльце особняка перерос в громогласный хохот.

Когда очередная группка гостей повернулась заходить в дом, внимание присутствующих отвлек далекий звук — частое пневматическое клацанье и металлический скрежет. Источник звука стремительно приближался. По ту сторону толпы зевак простиралась широкая лужайка, и по этой-то лужайке к дому подъехал тяжелый грузовик. Шестеро человек сноровисто выгрузили из кузова рельсы и шпалы. Двенадцать помогли их уложить ровными рядами.

Престейн и его гости завороженно наблюдали за происходящим. По рельсам к особняку подползала огромная машина, пыхая и ворча, и за ней вдаль уходили параллельные свежесваренные рельсы. Рабочие с пневматическими молотами для забивки свай орудовали вдоль линии. Полотно сноровисто протянули к дому Престей-

на. Заложив разворот, фырчащий поезд описал изящную дугу и уехал обратно, растворившись меж деревьев. Рабочие убыли вместе с ним.

— Господи ты боже мой! — сорвалось с губ Престейна отчетливое восклицание. Гости высыпали из дома поглядеть на невиданное зрелище.

Издалека донеслось конское ржание, и по рельсам приехал человек на белом коне с большим красным флагом. За ним катился паровоз с единственной обзорной платформой. Локомотив остановился у самых дверей Престейна. Кондуктор и проводник пульмановского вагона выскочили из него, проводник вытянул лесенку. По лесенке спустились леди в вечернем платье и джентльмен в костюме.

— Надолго не задержимся, — сказал кондуктору джентльмен. — Через час возвращайтесь забрать меня.

— Господи ты боже мой! — снова воскликнул Престейн.

Поезд отбыл. Пара поднялась на крыльцо.

— Добрый вечер, Престейн, — сказал джентльмен. — Мне ужасно жаль, что эта кобылка топчет вашу землю, но в старом добром Нью-Йорке все еще настаивают, чтобы перед поездами был установлен красный флаг.

— Формайл! — заревели гости.

— Формайл с Цереры! — подхватили зеваки. Теперь вечеринке у Престейна был гарантирован впечатляющий успех.

В отделанной плюшем и бархатом приемной Престейн внимательно изучал Формайла. Фойл встретил взгляд его стальных глаз и выдержал его, продолжая обмениваться кивками и приветствиями с оравой своих почитателей — от Канберры до Нью-Йорка их уже развелось предостаточно. Робин Уэнсбери весело болтала с женской половиной публики.

Самоконтроль, подумал он. *Кровеносная система, внутренности, мозг. Этот человек допрашивал меня в своем кабинете через час после той сумасбродной попытки уничтожить «Воргу». Узнает ли он меня теперь?*

— Ваше лицо мне знакомо, Престейн, — сказал Формайл. — Мы не встречались раньше?

— Я прежде не имел чести встречаться с Формайлом, — ответил Престейн по возможности двусмысленно. Фойл научился читать по людским лицам, но уверенное, красивое лицо Престейна ничего не выражало. Стоя лицом к лицу, один — собранный и напряженный, другой — сдержанный и непроницаемый, они напоминали

пару бронзовых статуй, нагретых до белого накала: вот-вот, и начнут плавиться.

— Мне сообщили, что вы во всеуслышание называете себя выскочкой, Формайл.

— Да. Я взял пример с первого Престейна.

— В самом деле?

— Вы же помните, как он нажил первоначальный семейный капитал, спекулируя на черном рынке плазмой крови во время Третьей мировой?

— Второй мировой, Формайл. Но такие лицемеры, как наш клан, никогда бы его не признали. Его имя тогда было Пэйн[38].

— Я не знал этого.

— А как же звали вас, прежде чем вы предпочли сменить то несчастливое имя на Формайла?

— Меня звали Престейн.

— В самом деле? — Усмешка василиска подчеркивала, что удар попал в цель. — Вы утверждаете, что вы родич нашему клану?

— Со временем я заявлю об этом публично.

— Какова степень родства?

— Скажем так, кровная.

---

[38] Примечания: 38

Возможно, от городка Форт-Пэйн, штат Алабама, США, где действительно расположен крупный донорский банк крови. Также Payne созвучно pain — «боль». — *Примеч. перев.*

— Как интересно. Вы положительно увлечены кровью, Формайл.

— Нет сомнения, что это и ваша семейная слабость, Престейн.

— Вы наслаждаетесь собственным цинизмом, — сказал Престейн не без цинизма, — но говорите чистую правду. Нам всегда были присущи две роковых слабости: страсть к крови и деньгам. Это наследственный порок. Я признаю его.

— А я его разделяю.

— Страсть к крови и деньгам?

— Именно. И всего более.

— Никакой жалости, никакого снисхождения, никакого лицемерия?

— Никакой жалости, никакого снисхождения, никакого лицемерия.

— Формайл, я узнаю себя в молодости. Если бы вы не заявили о родстве с нашим кланом, пришлось бы мне вас приручить.

— Вы опоздали, Престейн. Это я вас приручил.

Престейн взял Фойла за руку.

— Вас нужно представить моей дочери, леди Оливии. Позвольте мне?

Они пошли через приемную. Фойл колебался, прикидывая, сможет ли в случае чего послать те-

лепатему Робин, но он уже был опьянен успехом. *Он не знает. И не узнает.* Потом его взяло сомнение. *Но я в любом случае не узнаю, догадался ли он. Он словно из тигельной стали. Он может меня кое-чему научить в плане самоконтроля.*

Формайла осыпали поздравлениями.

— Чудесную шутку вы откололи в Шанхае!

— Отличный карнавал был в Риме, просто отличный! А, кстати, вы слышали про горящего человека, который появился на «испанской лестнице»?

— Мы вас в Лондоне ждали.

— Вы как с небес к нам снизошли, — заметил Гарри Шервин-Уильямс[39]. — Вы нас всех сделали, Формайл. Мы рядом с вами, черт подери, деревенские пацанята.

— Ты забываешься, Гарри, — холодно осадил его Престейн. — Ты же знаешь: в моем доме богохульство недопустимо.

— Простите, Престейн. Формайл, а где сейчас ваш цирк?

— Не знаю, — пожал плечами Фойл. — Но постойте…

Толпа с жадным интересом выжидала, что еще

---

[39] Примечания: 39

Шервин-Уильямс — крупная американская компания, производитель лакокрасочных изделий и стройматериалов. — *Примеч. перев.*

Формайл отчебучит. Он вытащил из кармана платиновый хронометр и откинул крышку. На экранчике появилось лицо лакея[40].

— Э… как тебя там… где мы остановились сейчас?

Ответ прозвучал глухо, с металлическим призвуком.

— Вы приказали сделать Нью-Йорк своей постоянной резиденцией, Формайл.

— Что, правда? И?

— Мы купили собор Святого Патрика, Формайл.

— А где это?

— Старый собор Святого Патрика, Формайл. На пересечении Пятой авеню и бывшей 50-й улицы. Мы внутри.

— Спасибо.

Формайл закрыл крышку платинового «хантера».

— Мой новый адрес — старый собор Святого Патрика, Нью-Йорк. Должен заметить, у запрещенных ныне культов была одна полезная черта: церкви они сооружали такие просторные, что даже цирк поместится.

---

[40] Примечания: 40

Это первое в англоязычной НФ упоминание носимых гаджетов с функцией видеосвязи. — *Примеч. перев.*

Оливия Престейн восседала на своем троне в окружении почитателей и подхалимов, составлявших свиту прекрасной альбиноски, дочери главы клана Престейнов. Она была слепа, но не как обычные слепцы, а поразительным образом: она видела в инфракрасном свете, от семи с половиной тысяч ангстрем до миллиметровых волн, то есть далеко за пределами обычного спектра. Ей были доступны тепловые колебания, магнитные поля, радиоволны. Свою свиту она воспринимала в странном свете органических эманаций на красном фоне.

Она была Снежной Девой, ледяной принцессой с коралловыми глазами и губами, величественной, высокомерной, таинственной, недоступной. Фойл один раз глянул на нее и в смущении опустил голову, прежде чем вспомнил, что слепые глаза ее способны видеть его только в электромагнитном спектре да инфракрасном свете.

Пульс его участился. Ум и сердце наполнила сотня мимолетных фантазий об Оливии.

Не тупи! — в отчаянии подумал он.

Контролируй себя. Брось мечтать. Это опасно.

Его представили девушке. Он услышал ее суховатый серебряный голос, ощутил ее тонкую холодную руку, и его будто электрошоком оглу-

шило.

Это было что-то вроде мгновенного узнавания, почти эмоционального единства.

Безумие какое-то. Она же просто символ. Принцесса из грез… Недоступная… желанная… Контролируй себя!

Он так сражался с собой, что едва услышал, как его отпускают — вежливо и равнодушно. Он сперва не поверил. Он стоял и глазел на девушку, как идиот.

— Что там? Формайл, вы, что ли, еще здесь?

— Не могу поверить, что уже настало время прощаться с вами, леди Оливия.

— Едва ли. Боюсь, что друзьями нам стать не суждено.

— Не привык я, чтобы меня так резко отпускали. *Да нет же, нет! Все не так!* По крайней мере… те, кому *я* бы с удовольствием стал другом.

— Формайл, не надоедайте. Уходите себе.

— Чем я оскорбил вас?

— *Оскорбили* меня? А теперь вы становитесь назойливы.

— Леди Оливия… *Ты хоть два слова связать в состоянии? Черт, где Робин?* Можем ли мы еще поговорить?

— Формайл, если вы решили изобразить пе-

редо мной шута, то добились своей цели и даже превзошли ее.

— По крайней мере, позвольте мне снова коснуться вашей руки. О, благодарю вас. Я Формайл с Цереры.

— Да полноте, — рассмеялась девушка. — Я запомню, что вы шут. А теперь уходите. Уверена, вы здесь найдете кого повеселить.

— А теперь-то что не так?

— Сэр, вы на самом деле хотите меня разозлить?

— Нет. *Да. Хочу. Я хочу хоть как-то до тебя достучаться… пробиться сквозь этот лед…* Сперва, отсылая меня, вы хлопнули в ладоши… намеренно громко. Теперь же — совершенно равнодушно. Что произошло?

— Формайл, — устало сказала Оливия, — я запомню вас восхитительным, чарующим, оригинальным, остроумным. Каким хотите. Только покиньте меня. Сейчас же.

Он спустился по ступеням трона.

Сука. Сука. Сука. Нет. Она моя мечта. Я всегда грезил о такой. Ледяная горная вершина, которую нужно покорить и завоевать. Крепость, которую нужно осадить… вторгнуться… разграбить… принудить… пасть на колени перед…

Тут он столкнулся лицом к лицу с Солом Дагенхэмом.

Он застыл как вкопанный. Кровь заледенела в жилах. Внутренности свело судорогой.

— А, Формайл! — сказал Престейн. — Это Сол Дагенхэм. Он может уделить нам всего тридцать минут. И настаивает, чтобы ему дали провести одну из них с вами.

Знает ли он? Послал ли он Дагенхэма, чтоб увериться? Атакуй. Toujours de l'audace.

— Что случилось с вашим лицом, Дагенхэм? — спросил Формайл, изображая любопытство.

Мертвая голова усмехнулась.

— А я-то мнил себя известным человеком. Радиационное отравление. Я «горячий». Говорили раньше: «горячей пистолета». Теперь говорят: «горячей Дагенхэма».

Устрашающие глаза изучали Фойла.

— А что скрывается за вашим цирком?

— Стремление сделать себя известным человеком.

— Я стреляный камуфляжный воробей. Я чую неладное. Вы где-то лукавите.

— Разве Диллинджер честно отвечал на расспросы Капоне? — вернул усмешку Фойл, начиная расслабляться. Он как мог сдерживал торжество.

Я перехитрил их обоих. — А вы кажетесь счастливей, Дагенхэм. — Не успели эти слова сорваться с его губ, как он понял, что допустил ошибку. Дагенхэм коршуном нырнул на добычу.

— Счастливей, чем когда? Мы где-то встречались раньше?

— Я не сказал: счастливей, чем «когда». Я сказал: счастливей, чем «кто». Счастливей, чем я. — Фойл развернулся к Престейну. — Я без памяти влюбился в леди Оливию.

— Сол! Твои полчаса вышли.

Дагенхэм и Престейн, стоявшие по обе стороны от Фойла, разом повернулись. К ним приближалась высокая женщина в изумрудном вечернем платье. Рыжие волосы ее блестели в свете ламп. Это была Джизбелла Маккуин.

Их взгляды пересеклись. Не позволяя шоку отобразить стигматы на своем лице, Фойл повернулся, прошел шесть шагов к первой попавшейся двери, открыл ее и ввалился внутрь. Дверь захлопнулась за ним. Он очутился в коротком тупиковом коридоре. Щелчок, пауза, и механический голос вежливо сообщил:

— Вы вторглись в частное помещение этой резиденции. Пожалуйста, покиньте его.

Фойл перевел дух и попытался собраться с

мыслями.

— Вы вторглись в частное помещение этой резиденции. Пожалуйста, покиньте его.

Я не знал… Я никогда бы не подумал… Решил, что она погибла там… Она узнала меня!

— Вы вторглись в частное помещение этой резиденции. Пожалуйста, покиньте его.

Мне конец. Она никогда меня не простит. Она, наверное, прямо сейчас рассказывает Дагенхэму и Престейну…

Дверь распахнулась. На миг Фойлу померещился собственный пылающий двойник. Но потом он сообразил, что смотрит на подсвеченную сзади копну рыжих волос Джизбеллы. Она не двигалась, только стояла и с яростным наслаждением разглядывала его. Он выпрямился.

Клянусь богом, я не позволю им себя унизить.

Без промедления Фойл высунулся в коридор, взял Джизбеллу за руку и отвел в гостиную. На Дагенхэма с Престейном он даже не взглянул. В скором времени они сами дадут о себе знать: силой и оружием. Он улыбнулся Джизбелле. Та торжествующе вернула улыбку.

— Спасибо, что сбежал, Гулли. Я и не мечтала о таком воздаянии.

— Сбежал? Да что ты, дорогая моя Джиз!

— Да-а?

— Я собирался с мыслями, чтобы отвесить тебе великолепный комплимент, дорогая! Мы вместе прошли долгий путь из Гуфр-Мартеля, разве не так?

Фойл потянул ее в танцзал.

— Потанцуем?

Глаза ее удивленно расширились от его напора. Она позволила ему проводить себя в танцзал и закружилась с ним.

— Кстати, Джиз, а как ты ухитрилась снова выбраться из Гуфр-Мартеля?

— Это устроил Дагенхэм. Так ты научился танцевать, Гулли?

— Я танцую, прескверно говорю на четырех языках, изучаю науки и философию, сочиняю прискорбно бесталанные стихи, развлекаю себя идиотскими взрывоопасными экспериментами, фехтую, как идиот, боксирую, как буффон… В общем, я стал знаменитым Формайлом с Цереры.

— И Гулли Фойла больше нет?

— Отчего же, дорогая, он есть. Для тебя и тех, кому ты о нем рассказала.

— Только Дагенхэму. Ты огорчился, что я выдала тебя?

— Как и я, ты не сумела с собой совладать.

— Не сумела. Твое имя просто вырвалось у меня. Сколько бы ты мне заплатил за молчание?

— Не будь дурой, Джиз. Эта досадная обмолвка обошлась тебе в семнадцать миллионов девятьсот восемьдесят тысяч кредитов.

— Что ты имеешь в виду?

— Я же тебе обещал, что отдам тебе остаток сокровищ, когда закончу дела с «Воргой».

— А что, ты закончил? — удивилась она.

— Нет, дорогая, это ты со мной покончила. Но я сдержу свое обещание.

Она рассмеялась.

— Щедрая душа, Гулли Фойл. Прояви истинную щедрость, Гулли. Устрой побег. Повесели меня.

— Сбежать, как крыса? Я не знаю, как, Джиз. Меня учили охотиться. Больше ничему.

— А я убила тигра. Доставь мне радость, Гулли. Скажи, что ты был близок к «Ворге». Что я уничтожила тебя в полушаге от возмездия. Так ли это?

— Вынужден тебя разочаровать, Джиз. Я забрел в тупик. Я пытался нащупать какой-то след этой ночью.

— Бедняжка Гулли. Может, я попробую что-нибудь сделать. Я скажу… скажу, что обозналась, или пошутила… что на самом деле ты вовсе не Гулли Фойл. Я-то знаю, как заморочить голову

Солу. Я это могу, Гулли. Если ты все еще любишь меня.

Он поглядел на нее сверху вниз и покачал головой.

— Между нами никогда не было любви, Джиз, тебе это известно. Я слишком увлеченный охотник. Односторонне развит.

— Ты слишком односторонне развит, чтобы стать кем-то, кроме идиота!

— Что ты имела в виду, Джиз, когда сказала — Дагенхэм устроил тебе освобождение из Гуфр-Мартеля? Что ты знаешь, как заморочить голову Солу Дагенхэму? Что ты с ним хочешь сделать?

— Я на него работаю. Я его курьер.

— То есть он тебя шантажирует? Угрожает засадить тебя обратно в тюрьму, если ты не…

— Нет. Мы отбросили эту возможность в первый же миг, как повстречались. Он начал с позиции силы. Потом в ней оказалась я.

— Ты о чем?

— А то ты не догадываешься.

Он уставился на нее. Глаза ее были непроницаемы, но он понял.

— Джиз! С *ним*?

— С ним.

— Но как?! Он…

— Я предохраняюсь. Он… Я не хочу об этом говорить, Гулли.

— Прости. Чего-то он запаздывает.

— Запаздывает?

— Дагенхэм со своей армией.

— А, это. Ну да, конечно. — Джизбелла снова засмеялась, потом продолжила изменившимся, низким, яростным голосом: — Ты даже не знаешь, Гулли, как близко от края пропасти прошел. Если бы ты принялся умолять, запугивать, подкупать, очаровывать меня… то, клянусь, я бы тебя выдала. Я бы тебя уничтожила. Я бы всему свету открыла, кем ты был… я бы кричала об этом со всех крыш…

— О чем ты?

— Сол не запаздывает. Он не знает. Ты волен катиться к черту. Своей дорогой.

— Не верю.

— Ты думаешь, он бы так медлил? Это Сол-то Дагенхэм?

— Почему ты ему не открылась? После того, как я от тебя сбежал?

— Потому что я не хочу, чтобы ты и его уволок за собой в преисподнюю. Дело не в «Ворге». Дело кое в чем другом. ПирЕ. Вот за этим ты им и по-

надобился. Вот поэтому они за тобой гоняются. Двадцать фунтов ПирЕ.

— Что это такое?

— Когда ты отпер сейф, то обнаружил там ящичек? Из ИСИ? Инертсвинецизомера?

— Да.

— Что было в ящичке из ИСИ?

— Двадцать пулек какого-то вещества. Вроде кристалликов йода.

— Что ты сделал с этими пульками?

— Две отослал на анализ. Никто не смог установить, что они собой представляют. Третью я пытаюсь проанализировать сам, в лаборатории, в свободное от клоунских выходок время.

— Ты пытаешься проанализировать их? Ты? Зачем?

— Потому что я поумнел, Джиз, — вежливо ответил Фойл. — И я намерен установить, что это за штука, за которой гоняются Престейн и Дагенхэм.

— Где ты держишь остальные пульки?

— В безопасном месте.

— Это место нельзя считать безопасным. Они нигде не будут в безопасности. Я не знаю, что такое ПирЕ, но им усыпана дорога в ад, и я не хочу, чтобы Сол прошел ею.

— Ты его так любишь?

— Я его так уважаю. Он первый, кто сумел простить мне двойные стандарты.

— Джиз, что такое ПирЕ? Ты знаешь.

— Я догадываюсь. Я сумела сложить воедино те обрывки информации, которые мне достались. У меня есть одна идейка. Я могла бы с тобой поделиться, Гулли, но не стану.

Ее лицо засияло от гнева.

— На сей раз я от тебя сбегу. Я брошу тебя подыхать во мраке. И посмотришь, каково это, подонок! Хапнешь полный половник…

Тут она осеклась на полуфразе и уставилась мимо него через танцзал. И в этот момент полетели первые бомбы.

Они были как метеоритный дождь: их долетело не так много, но тем смертоносней они оказались. Они ударили по утреннему квадранту, четвертушке земного шара, где царила тьма от полуночи до рассвета. Они столкнулись с планетой у переднего края тенефронта, отступавшего по мере поворота к Солнцу. Они преодолели расстояние в четыреста миллионов миль.

Исключительная скорость их почти уравновешивалась оперативностью, с какой компьютеры терранских оборонительных систем отслежива-

ли и перехватывали эти новогодние подарки от Внешних Спутников. Каждый перехват длился, может быть, микросекунды. В небе на краткий миг зажглись и тут же погасли мириады новых ярких звезд. То были бомбы, перехваченные и взорванные в пятистах милях над планетой. Но окно возможностей для перехвата так быстро закрывалось, что многим бомбам удалось уйти от защитных установок и осуществить атаку. Они пронеслись через уровень полярного сияния, уровень метеоров, уровень утренней зари, стратосферу и, наконец, устремились к земле. Незримые траектории их оканчивались титаническими конвульсиями.

Первый ядерный взрыв, уничтоживший Ньюарк, отозвался в особняке Престейна невообразимой силы землетрясением. Стены и полы задрожали, вспучились, гости попадали кто куда, мебель и предметы сервировки полетели в разные стороны. Толчок следовал за толчком, ударная волна гуляла по Нью-Йорку. Удары ужасали, оглушали, повергали в немоту. Звуки, вспышки ослепительного света над горизонтом и сокрушительные толчки были так неожиданны и загадочны, что люди потеряли всякое подобие человеческого облика и обратились в

перепуганных животных на скотобойне. Они вопили, убегали и искали укрытия. За пять секунд новогодняя вечеринка Престейна полностью лишилась светского лоска и была низринута в сущую анархию.

Фойл привстал с пола, поглядел на катавшиеся по полу танцзала тела, увидел, как пытается уцепиться за мебель Джизбелла, шагнул было к ней и замер. Повернул голову — медленно, настороженно, будто чужую. Толчки и грохот не прекращались. Он увидел в приемной Робин Уэнсбери. Та лежала на полу и слабо дергалась. Он сделал шаг в ее сторону и снова замер. Он понял, куда надо отправиться.

Он ускорился. Гром и молния спустились по спектру, превратившись в стук мельничных жерновов и слабые вспышки. Устрашающие взрывы стали далекими ундуляциями. Фойл пронесся через огромный дом, порыскал и наконец обнаружил ее. Девушка стояла в саду на цыпочках, подобная в его ускоренном восприятии мраморной статуе. Так могла бы выглядеть богиня экзальтации.

Он замедлился. Все чувства рывком подскочили вверх по спектру. Он снова поразился масштабу бомбардировок. Последствия могли оказаться

хуже смерти.

— Леди Оливия? — позвал он.

— Кто это?

— Ваш придворный шут.

— Формайл?

— Да.

— Вы явились меня искать? Я тронута. Я в самом деле тронута.

— Безумство — стоять здесь в такое время. Молю, позвольте мне…

— О нет, нет, нет! Прекрасное зрелище. Великолепное!

— Позвольте, я джонтирую с вами в безопасное место.

— Хотите предстать рыцарем в сверкающих доспехах? Шевалье явился спасти даму… Не поможет, мой дорогой. У вас недостаточно рыцарственности. Лучше оставьте меня.

— Я постою здесь.

— Как поклонник?

— Как поклонник.

— Вы по-прежнему назойливы и скучны, Формайл. Ну придумайте же что-нибудь, напрягитесь. Это же катастрофа апокалиптических масштабов. Расскажите, что видите.

— Да ничего особенного, — сказал он, огляды-

ваясь и щурясь на свет. — Над всем горизонтом завеса света. Быстро разбухают облака. Над ними что-то искрит, как огоньки на рождественской елке.

— Как мало доступно вашим глазам! Видели бы вы то, что вижу я! В небе раскинут купол — радужный купол. Он переливается всеми цветами от глубоко-загарного до алмазно-жаркого. Так называю я цвета, которые мне видны сейчас. Что бы это могло быть? Купол?

— Это радарный экран, — пробормотал Фойл.

— Над ним стремительно приплясывают, извиваются, корчатся, танцуют вспышки пламени. Что это такое?

— Лучи системы перехвата. Вы наблюдаете работу электронной обороны.

— А еще я вижу, как несутся вниз бомбы… быстрые сполохи цвета, который вы называете красным. Но он не для вас красный, а для меня. Почему я их вижу?

— Они разогреты трением о воздух, но инертная свинцовая оболочка не позволяет наблюдать их цвет невооруженным глазом.

— Вот видите, Галилей из вас куда лучший, чем сэр Галахад. О! Еще одна бомба падает на востоке. Гляньте! Она приближается, приближается, при-

ближается… Сейчас!

Над восточным горизонтом полыхнуло пламя, засвидетельствовав правоту Оливии.

— Теперь еще, на севере, совсем близко. Очень. Сейчас!

С севера пришла ударная волна.

— А эти взрывы, Формайл? Это же не просто облака света. Там тонкая структура, как у кисейной ткани, паутины или разноцветного гобелена. Как красиво! Похоже на искусно сотканный саван.

— Леди Оливия, но так и есть, в общем-то.

— Вы напуганы?

— Да.

— Тогда бегите.

— Ах, вы глухи к моим мольбам.

— Я понятия не имею, чего вы от меня ждете. Я тоже напугана, но бежать не стану.

— В таком случае и вы проявляете напускную смелость, а рыцаря за нее вините.

Суховатый голос показался ему удивленным.

— Формайл, ну подумайте. Сколько времени уходит на джонт? Уже через несколько секунд вы будете в безопасности. В Мексике, Канаде. На Аляске. Где угодно. Так спасайте себя. Уже миллионы спаслись. Мы, наверное, одни из последних остаемся в городе.

— Не каждый умеет джонтировать так далеко и так быстро.

— Тогда мы последние, кто еще занят такими прикидками. Почему вы меня не покинете? Это для вашей же безопасности. Скоро меня убьет взрывом, и никто не узнает, как Ваша Претенциозность поджали хвост.

— Ах ты сука!

— О, вы разъярены. Как грубо! Первый признак слабости. Отчего бы вам не продолжить в том же духе и не уволочь меня под мышкой? Это будет вторым признаком слабости.

— Да пошла ты!

Он подступил к ней, сжав кулаки от ярости. Девушка с холодным спокойствием коснулась его щеки, и снова он почувствовал нечто вроде электрического разряда.

— Слишком поздно, мой дорогой, — сказала она тихо. — Нам конец. Вон летит целая стая красных полос. Всё ниже, и ниже, и ниже… Прямо на нас. Выхода нет. Беги сейчас же! Джонтируй, спасай себя! Забери меня с собой и джонтируй! Не медли!

Он подхватил ее со скамьи.

— Ни за что, ты, сучка!

Он сжал ее в объятиях, отыскал мягкие корал-

ловые губы и поцеловал. Замер, прижавшись ртом к ее рту, в ожидании последней вспышки мрака.

Взрыва не последовало.

— Ты меня провела! — воскликнул он. Девушка рассмеялась. Он снова поцеловал ее и с трудом выпустил из объятий. Она перевела дух и опять засмеялась.

Коралловые глаза блестели.

— Все кончилось, — сказала она.

— Еще даже и не началось.

— Ты это о чем?

— Война между нами.

— Пускай это будет война двух *людей*, — жестко процедила она. — Ты первый, кого не обманывает моя внешность. Господи, как же меня достали рыцари, сосущие мамину сисю в мечтах о сказочной принцессе. А я не такова. Внутри я совсем другая. Не такая. Не такая. Никогда не буду принцессой. Никогда. Хорошо, устрой мне войну на истребление. Не смей меня брать в плен. Уничтожь меня!

И вдруг стала прежней леди Оливией, грациозной снежной девой.

— Боюсь, мой дорогой Формайл, что бомбардировка окончена. Шоу завершилось. Согласитесь, новогодний фейерверк вышел поистине впечат-

ляющим. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи? — беспамятным эхом откликнулся он.

— Спокойной ночи, — повторила девушка. — Ну же, дорогой мой Формайл, неужели вам и вправду так трудно понять, что вас просят удалиться, а не корчить клоуна? Идите. Спокойной ночи.

Он помедлил, отыскивая нужные слова, не нашел, повернулся наконец и покинул дом. Его трясло от восторга и смятения. Он шел, как пьяный, едва осознавая размах катастрофы и разрушений. Горизонт затянуло сплошное красное зарево пожаров. Ударные волны от взрывов бомб настолько возмутили атмосферу, что ветра до сих пор налетали странными непредсказуемыми порывами. Город так растрясло, что кирпичи, нависающие архитектурные элементы, стекла и металлические балки то и дело обрушивались оземь и разбивались. А ведь прямого удара по Нью-Йорку нанесено не было.

Улицы пустовали, город обезлюдел. Все население Нью-Йорка, как и остальных городов в зоне поражения, джонтировало куда глаза глядят в безрассудной попытке спастись. До предела своих джонт-способностей: кто на пять

миль, кто на пятьдесят, кто на пятьсот. Некоторые угодили прямо под удар. Тысячи погибли в джонт-взрывах: общественные платформы не были рассчитаны на такой массовый исход.

Фойл стал замечать команды чрезвычайников в белой униформе. Нацеленный на него предупредительный сигнал извещал, что Фойла по совокупности характеристик рекрутировали для восстановительных работ. В эпоху всеобщего джонта проблематично было не эвакуировать население города, а заставить его вернуться и навести порядок. У Фойла не было никакого желания проторчать тут неделю, сражаясь с пожарами и мародерами. Он ускорился и пронесся мимо команды чрезвычайников.

На Пятой авеню он замедлился. Ускорение потребляло так много энергии, что истощенный организм уже не мог поддерживать себя в таком состоянии дольше нескольких минут. После долгих периодов ускорения пришлось бы восстанавливаться несколько дней.

На авеню уже появились мародеры и джек-джонтеры. Поодиночке и стаями, перепуганные и озверевшие, точно шакалы, что рвут тело еще живого, но беспомощного животного. Они обступили Фойла. Этой ночью им сгодится любая

добыча.

— Я не в настроении, — сообщил он шакалам. — Поиграйте с кем-то другим.

Он вывернул карманы, полные денег, и бросил им банкноты. Те подхватили подачку, но не удовлетворились ею. Им нужно было повеселиться, а Фойл не казался способным себя защитить. Обычный растерянный джентльмен. Полдюжины шакалов отделились от стаи помучить его.

— Добрый джентльмен, — заухмылялись они. — А пригласи-ка нас на вечеринку?

Фойл уже видел как-то изувеченный труп одного из гостей их «вечеринки». Вздохнув, он отвлекся от видений Оливии Престейн.

— Ну ладно, шакалы, — сказал он. — Будет вам вечеринка.

Те приготовились к танцу смерти с добычей, но Фойл коснулся языком переключателя во рту и на двенадцать всеразрушающих секунд стал самой совершенной из когда-либо созданных машин для убийства — киллером-коммандо. Он действовал, не задумываясь и не рефлексируя. Тело попросту выполняло инструкции, записанные в мышечной и нервной ткани. На тротуаре остались валяться шесть изуродованных тел.

Собор Святого Патрика стоял, как и был, веч-

ный и неизменный, ничуть не пострадавший от бомбежки, и на позеленевшей меди его кровли отсвечивало зарево далеких пожаров. Он оказался пуст. Палатки Четырехмильного цирка заполняли неф, подсвеченные и разукрашенные, однако цирковой люд скрылся. Слуги, повара, лакеи, атлеты, философы, приживалы и прочие зеваки сбежали.

— Но вскоре они возвратятся, — пробормотал Фойл. — Мародерствовать.

Он вошел в свою палатку. Первой, кого он там увидел, была фигура в белом, скорчившаяся в углу. Она лучезарно улыбалась собственным мыслям и напевала песенку без слов. Безумная Робин Уэнсбери в смятом платье.

— Робин!

Она продолжала что-то бессвязно мурлыкать себе под нос. Он поднял ее на ноги, встряхнул и закатил пощечину. Девушка тупо улыбалась и напевала. Фойл зарядил шприц и вкатил ей лошадиную дозу ниацина. Воздействие препарата на ее патетический улет от реальности оказалось очень убедительным. Атласная кожа Робин посерела, прекрасное лицо исказилось судорогой. Она узнала Фойла, вспомнила то, что пыталась забыть, вскрикнула и упала на колени, а потом

расплакалась навзрыд.

— Так-то лучше, — сказал он. — Снова пытаешься удрать, н-да? Сначала попытка самоубийства, теперь это. Дальше что?

— Убирайся.

— Скорее всего, в религию ударишься. Я тебя так и вижу в какой-то подпольной секте с кодом доступа Pax Vobiscum[41] или что-нибудь в этом роде. Библейский бубнеж, мученичество за веру и так далее. Ты хоть когда-нибудь повернешься лицом к реальности?

— А ты никогда не пытался от нее сбежать?

— Я? Нет. Сбежать пытаются сломленные невротики.

— Невротики. Ах, это любимое словечко столь поздно получившего достойное образование Джонни… или как тебя там? Джеффри? Ты ведь у нас такой образованный, такой самодовольный, такой уравновешенный. Ты всю свою жизнь драпал, точно кролик.

— Я? Нет. Я всю жизнь охотился.

— Ты спасался бегством. Никогда не слышал фразу «лучшее бегство — нападение»? Ты убегаешь от реальности, атакуя ее, разрушая, отрицая

---

[41] Примечания: 41
Мир вам! (*лат.*)

ее. Вот чем ты занят.

— Бегство-нападение? — Фойл был озадачен. — Ты хочешь сказать, что я от чего-то бегу?

— Это же очевидно.

— И от чего?

— От реальности. Ты не в состоянии признать жизнь такой, какая она есть. Ты отказник. Ты атакуешь реальность, пытаясь подогнать под свой шаблон. Ты атакуешь и уничтожаешь все, что находится в противоречии с твоим безумием. — Она подняла залитое слезами лицо. — Я больше не могу. Отпусти меня.

— И куда ты пойдешь?

— Жить своей жизнью.

— А как насчет твоей семьи?

— Я сама их найду. Своим способом.

— Почему? Зачем?

— Слишком… ты и эта война… ты такой же, как эта война. Ты даже страшнее. То, что со мной случилось сегодня ночью… происходит ежеминутно, когда я с тобой. Я могу противостоять какой-то одной угрозе. Не обеим.

— Нет, — сказал он, — ты нужна мне.

— Я готова выкупить свою свободу.

— Как?

— Ты ведь потерял все ключики к тайне «Вор-

ги», не так ли?

— И что?

— Я тебе нашла еще один.

— Где?

— Неважно. Ты отпустишь меня, если я тебе его открою?

— Я могу его у тебя вырвать.

— Давай. Вперед. — Ее глаза блеснули. — Если ты знаешь, где он.

— Я сделаю так, что ты сама его с радостью мне отдашь.

— Как? После сегодняшней-то бомбежки? Ну попробуй.

Ее глухая оборона смутила его.

— Откуда мне знать, что ты не блефуешь?

— Я тебе намекну. Помнишь того человека в Австралии?

— Форреста?

— Да. Он пытался назвать тебе имена членов команды. Ты помнишь единственное имя, которое он успел произнести?

— Кемп.

— Он умер, не закончив его. На самом деле оно звучит как Кемпси.

— Это и есть твой ключ?

— Да. Кемпси. Имя и адрес. В обмен на твое

обещание дать мне свободу.

— По рукам, — согласился он. — Отдай мне эти данные и проваливай.

Она подошла к дорожному костюму, который носила в Шанхае, извлекла из кармана листок обгоревшей бумаги.

— Я заметила этот клочок на столе у Сергея Орла, когда пыталась сбить огонь, зажженный Горящим Человеком.

Она протянула ему листок бумаги. Это был фрагмент умоляющего письма.

Он прочел:

> …ну сделай что-нибудь, чтобы вытащить меня с этих бактериальных рассадников. Почему с человеком обращаются, будто с собакой, только потому, что он не может больше джонтировать? Пожалуйста, Сережа, помоги мне. Подсоби старому приятелю с корабля, который нельзя называть. Ты же можешь пожертвовать мне сто кредитов? Помнишь, сколько добра я тебе сделал? Переведи мне хоть двести кредитов. Или даже пятьдесят. Пожалуйста, не бросай меня.
>
> *Родж Кемпси*

Барак № 3
Бактериальная корпорация, Море Облаков, Луна

— Господи! — вырвалось у Фойла. — Да, это след. На сей раз мы не промажем. Мы знаем, как поступить. Он мне все расскажет… все. — Он с бешеной улыбкой воззрился на Робин. — Завтра же вечером отправляемся на Луну. Купим билеты. Хотя нет, из-за нападения транспорт, скорее всего, не ходит. Тогда купи корабль. Они сейчас все равно по дешевке…

— Отправляемся? — переспросила Робин. — *Ты* отправляешься.

— Я сказал — отправляемся, — ответил Фойл. — На Луну. Мы оба.

— Я ухожу.

— Ты никуда не пойдешь. Ты остаешься со мной.

— Ты обещал!

— Когда ты наконец вырастешь, девочка? Я бы чем угодно поклялся ради этой инфы. Тут не в «Ворге» дело. С «Воргой» я и сам управлюсь. Ты мне нужна ради кой-чего более важного.

Он глянул в ее недоверчивое лицо и осклабился.

— Все зашло слишком далеко, девочка. Дала бы ты мне это письмецо два часа назад — и я бы тебя отпустил. Но теперь уж поздно. Мне нужна пособница в амурных делах. Я влюблен в Оливию Престейн.

Девушка в бешенстве вскочила на ноги.

Ты в нее влюблен? В Оливию Престейн? В этот белый труп?

Ее мысли сочились такой горечью, пылали такой яростью, что он поразился до глубины души.

Теперь ты меня потерял навеки! Я тебя уничтожу!

И она исчезла.

Глава 12

Капитан Питер Ян-Йеовил обрабатывал рапорты в лондонскую штаб-квартиру Центральной разведки со скоростью шесть донесений в минуту. Информация поступала по телефону, телеграфу, проводам и джонту. Картина разрушений малопомалу прояснялась.

> Атака была сконцентрирована на Северной и Южной Америках от 60° до 120° з. д… от Лабрадора до Аляски на севере, от Рио до Эквадора на юге… оценочное проникновение боеголовок через радарный экран — 10 %; оценка жертв среди гражданского населения — от 10 до 20 млн ч.

— Если бы не джонт, — заключил Ян-Йеовил, — потери были бы пятикратно выше. В то же время приходится признать, что это практически нокаут. Еще одного такого удара Терра не перенесет.

Он обращался к своим ассистентам, джонтировавшим по офису и за его пределами. Они появлялись и исчезали, швыряли распечатки на его стол, вычерчивали результаты и уравнения

на гладкой доске, в которую была превращена стена кабинета.

Здесь царила озабоченная неформальность, и когда ассистент подчеркнуто-официально постучал в дверь, испрашивая разрешения войти, Ян-Йеовил насторожился.

— Ты чего дурака валяешь? — осведомился он.

— К вам гостья, Йео.

— Нашел время комедию разыгрывать! — возвысил голос Ян-Йеовил и обличающим жестом указал на доску, испещренную описывающими катастрофу уравнениями Уайтхеда. — Взгляните и восплачьте!

— Крайне особенная гостья, Йео. Наша Венера с «испанской лестницы».

— Кто? Какая такая Венера?

— Ваша Венера из Конго.

— А! Эта? — Ян-Йеовил поколебался. — Давай ее сюда.

— Разумеется, Йео, вы проинтервьюируете ее в уединении?

— Конечно, нет. У нас война. Докладывайте и дальше, но со мной приказываю общаться только на Тайной Речи.

В кабинете появилась Робин Уэнсбери, все еще в белом потрепанном вечернем платье. Она

джонтировала в Лондон прямо из Нью-Йорка, не утруждая себя переодеванием. Лицо ее носило следы высохших слез, но сияло красотой. Ян-Йеовил за долю секунды смерил ее испытующим взглядом и понял, что первое впечатление о девушке не подвело его. Робин оглядела капитана в ответ, и у нее глаза полезли на лоб.

— Но это же вы были тем коком с «испанской лестницы»! Анджело Поджи!

Как опытный разведчик, Ян-Йеовил загодя продумал ответ в подобной критической ситуации.

— Я не кок, мадам. У меня не было времени предстать перед вами в обычном моем великолепном облике. Пожалуйста, садитесь, мисс?..

— Уэнсбери. Робин Уэнсбери.

— Какое прекрасное имя. Я капитан Ян-Йеовил. С вашей стороны крайне любезно повидать меня, мисс Уэнсбери. Вы сэкономили нам много сил на долгий утомительный поиск.

Но… я не понимаю… Что вы делали на «испанской лестнице»? Почему вы напали на…

Ян-Йеовил обратил внимание, что ее губы не шевелятся.

— О, вы телепатка, мисс Уэнсбери? Но как это возможно? Я полагал, что знаком со всеми телепатами системы.

— Я не полноценная телепатка. Я только телепередатчик. Могу посылать мысли… но не принимать.

— И, разумеется, это делает ваш дар практически бесценным для окружающих. О да. — Ян-Йеовил заинтересованно покосился на девушку. — Как печально. Мисс Уэнсбери отягощена всеми проблемами телепата и лишена каких бы то ни было преимуществ. Я вам искренне сочувствую. Верьте мне.

Ничего себе! Он первый, кто понял это без слов.

— Осторожно, мисс Уэнсбери, я принимаю ваши мысли. Да, так что там насчет Испанской лестницы? — Он сделал паузу, прислушиваясь к ее взбудораженным телепатемам: *Почему он охотится за… Мной? Коллаборант…* О *господи! Что они со мной сделают? Они вырежут из меня инфу по кусочкам. Я пропала! Я…*

— Дорогая моя девочка, — ласково заговорил Ян-Йеовил, взяв ее за руки и погладив, — пожалуйста, выслушайте меня. Минуточку вашего внимания. Вы тревожитесь попусту. Вероятно, вы потенциальная коллаборантка. Так?

Она кивнула.

— Это печально. Но не тревожьтесь больше. Насчет методик, которыми Разведка вырывает

и вырезает инфу из нужных ей людей… это все ложь. Пропаганда.

— Пропаганда?

— Мы не звери и не садисты, мисс Уэнсбери. Мы знаем, как вытянуть из человека информацию, не прибегая к средневековым пыткам. Но мы распространяем о себе жуткие побасенки, чтобы склонить к сотрудничеству. Запугать.

Неужели это правда? Да нет же, он наверняка лжет. Это трюк.

— Это правда, мисс Уэнсбери. Я могу доказать свои слова, но сейчас в этом нет нужды. Ведь, судя по всему, вы явились сотрудничать с нами добровольно.

Он слишком хитер… слишком напорист… он…

— Ваши мысли наводят на предположение, что вас не так давно жестоко одурачили, мисс Уэнсбери. Вы больно обожглись на доверии.

— Да. Так и было. Но я сама виновата, по большей-то части. Я дура. Я такая дура…

— Вы не дура, мисс Уэнсбери, и перестаньте себя ненавидеть. Не знаю, что пошатнуло вашу самооценку, но, надеюсь, мне удастся ее восстановить. Итак, вас обманули? И, с вашей точки зрения, повинны в том вы сами? Мы все склонны к самообману. Однако вам явно кто-то помог в

этом. Кто же?

Сейчас я его предам!

— Тогда не говорите.

Но если я хочу отыскать маму и сестер… я не могу ему больше довериться… я сделаю это сама.

Робин сделала глубокий вдох.

— Я пришла донести на человека по имени Гулливер Фойл.

Ян-Йеовил тут же обратился в слух.

— Это правда, что он приехал по железной дороге? — спросила Оливия Престейн. — На локомотиве с обзорной вагонеткой? Потрясающее чудачество.

— Да, этот молодой человек весьма необычен, — ответил Престейн. Несгибаемый, как сталь, седовласый и статный, он стоял с дочерью в приемной своего особняка. Он стерег ее честь и жизнь, ожидая возвращения слуг и прочего персонала. Те в панике джонтировали кто куда. Тем временем Престейн как ни в чем не бывало перебрасывался светскими репликами с Оливией, не позволяя дочери осознавать масштаб опасности.

— Отец, я так устала…

— Ночь выдалась изматывающей, дочь моя. Но, пожалуйста, останься пока со мной.

— Почему ты меня не отпустишь?

Престейн чуть было не сказал, что с ним ей будет безопаснее.

— Мне одиноко, Оливия. Поговори со мной еще пару минут.

— О, папа, я совершила такой смелый поступок… Я наблюдала за нападением из сада.

— Дорогая моя, и ты была там в одиночестве?!

— Нет, с Формайлом.

В переднюю дверь забарабанили. Престейн ее загодя запер.

— Кто это?

— Мародеры, — спокойно ответил Престейн. — Не тревожься, Оливия, внутрь они не пробьются.

Он сделал шаг к столу, на котором у него была разложена коллекция оружия. Раньше он держал его в своем кабинете просто так, из игры в осторожность.

— Опасности никакой, дочь моя. — Он стремился отвлечь ее. — Итак, ты мне говорила про Формайла…

— А? Да. Мы вместе смотрели… описывали друг другу бомбардировку, какой мы ее воспринимаем.

— И ты была с ним без дуэньи? Такое поведение не подобает тебе, Оливия.

— Знаю, знаю. Я такая бесстыдница, а он казался таким рослым, уверенным, и я стала изображать недотрогу. Помнишь мою гувернантку, мисс Пост, которая так важничала и задирала нос, что я ее прозвала Леди Недотрогой? Я себя так и вела, совсем как мисс Пост. Он пришел в ярость, папа. Именно поэтому он стал искать меня в саду.

— И ты разрешила ему остаться? Я шокирован, девочка моя.

— Я тоже. Я чуть с ума не сошла от возбуждения. На кого он похож, отец? Расскажи мне. Как он выглядит?

— Он высокий, очень смуглый, скорее загадочный. Похож на Борджиа. Кажется, что его так и кидает от самоуверенности к дикости.

— О, ты тоже находишь его дикарем, папа? Я и сама это увидела. От него разит опасностью. Там, где остальные просто слабо засветились бы, он сияет, как молния. Он ужасает и восхищает.

— Дорогая моя, — официальным тоном сказал Престейн, — незамужней девушке не приличествует высказываться таким образом. Если ты, моя дочь, закрутишь роман с парвеню навроде Формайла с Цереры, это меня крайне опечалит.

В приемной и гостиной стали появляться слуги Престейна: повара, горничные, привратники, ко-

нюшие, пажи, лакеи. Все они были перепачканы и напуганы, побывав на краю гибели.

— Вы оставили дом, которому служите, и я это вам еще припомню, — холодно сообщил им Престейн. — Но моя честь и безопасность пока пребудут снова в ваших руках. Охраняйте дом. Мы с леди Оливией удаляемся отдохнуть.

Он взял дочь за руку и повел вверх по лестнице в ее покои — ревностный страж ледяной принцессы.

— Кровь и деньги, — пробормотал Престейн.

— Что ты сказал, папа?

— Я размышлял о наших семейных пороках, Оливия. Благодарю Всевышнего, что ты их не унаследовала.

— Что это за пороки?

— Тебе о них знать не следует. Ими в полной мере наделен Формайл.

— О, так он порочен? Я догадывалась. Ты сказал, что он похож на Борджиа. Порочный Борджиа с темными глазами и линиями на лице. Наверное, они складываются в какой-то узор.

— Узор, дорогая?

— Да. Я видела странный узор на его лице… не обычный след электрической активности нервов и мышц, а что-то иное, необычное. Этот узор меня

с первой минуты зачаровал.

— Да о каком таком узоре ты говоришь?

— Фантастическое зрелище… и несомненно зловещее. Не могу описать словами. Есть у тебя чем рисовать? Я покажу.

Они задержались перед чиппендейлским письменным столом шестисотлетнего возраста. Престейн извлек из ящичка оправленный в серебро кристаллический брусок и подал его Оливии. Она коснулась его кончиком пальца. Появилась черная точка. Она повела палец дальше. Точка удлинилась, превратилась в линию. Быстрыми уверенными штрихами она изобразила на кристалле замысловатые петли и вихри, слагавшие дьявольскую маску.

Сол Дагенхэм вышел из темной спальни. Спустя миг ее озарил свет, источаемый одной из стен. Казалось, что в огромном зеркале отражается спальня Джизбеллы, но это был всего лишь фокус. Джизбелла лежала на кровати одна, а в отражении на краю своей кровати сидел Сол Дагенхэм, также в одиночестве. Зеркало в действительности было свинцовым листом, разделявшим две идентичные спальни. Дагенхэм зажег свет на своей половине.

— Любовь по часам, — сказал из динамика го-

лос Дагенхэма. — Отвратительно.

— Нет, Сол, и никогда не будет.

— Устрашающе.

— И тоже нет.

— Но ты несчастлива.

— Нет. Вот зануда! Будь доволен тем, что имеешь.

— Это больше, чем я когда-либо имел. Ты великолепна.

— А ты экстравагантен. Ложись спать, дорогой. Мы завтра ведь едем кататься на лыжах.

— Нет. Я изменил свои планы. Я вернусь к работе.

— Ну, Сол… ну ты же обещал, что не будет больше этой работы, беготни, запарки… Ты не сдержишь своего слова?

— Не могу. Я на войне.

— Черт с ней, с войной. Ты достаточно навоевался в песках кратера Тихо. Большего они не вправе от тебя требовать.

— У меня осталось еще одно дело.

— Я помогу тебе.

— Нет. Держись подальше от него, Джизбелла.

— Ты мне не доверяешь?

— Не хочу, чтобы тебе навредили.

— Нам никто не навредит.

— Фойл способен и на это.

— К-кто?

— Фойл. Формайл. Ты знаешь. Теперь я знаю, что ты знаешь.

— Но я не…

— Ты не говорила. Я же сказал, что ты великолепна. Продолжай поддерживать во мне это мнение, Джизбелла.

— Но как ты догадался?

— Фойл проговорился.

— Как?

— Имя.

— Формайл с Цереры? Ну и что? Он купил Церерскую компанию.

— Джеффри Формайл.

— Он придумал себе это имя.

— Это он так воображает. Он его вспомнил. Джеффри Формайл — имя, которое я использовал, подвергая его испытаниям на мегаломанию в госпитале объединенных университетов, что в Мехико. Я подверг Фойла этому искусу, пытаясь его сломать. Имя, должно быть, застряло глубоко в его памяти, а потом всплыло. Он вообразил, что оно само пришло ему на ум. Так я догадался.

— Бедный Гулли.

Дагенхэм усмехнулся.

— Ну да. Как бы основательно ни защищали мы себя от внешних опасностей, так или иначе нас выдает что-нибудь внутреннее. Нет защиты от измены самому себе. Все мы себя предаем.

— Что ты намерен с ним сделать, Сол?

— Сделать? Я его прикончу.

— За двадцать фунтов ПирЕ?

— Нет. За победу в проигранной войне.

— Что?!

Джизбелла подскочила к разделявшей комнаты стене.

— Ты, Сол? Ты — и патриотизм?

Он кивнул почти с виноватым видом.

— Странно и гротескно, но это так. Ты меня полностью изменила. Я снова нормальный человек.

Он тоже подошел к стене и прижался к ней лицом. Они поцеловались через три дюйма свинцового стекла.

Море Облаков являло собою идеальную среду для культивации анаэробных бактерий, почвенных микроорганизмов, грибков, фагов, редких форм плесени и всякой полезной для медицины и промышленности мелочовки, которой требовалось безвоздушное окружение. Бактериальная корпорация занимала мозаичное скопление полей разнородных культур, простреленных

переходами, связывавшими их с центральным участком бараков, административных офисов и теплиц. Каждое поле было не чем иным, как исполинским пробирным стеклом, ста футов в диаметре, двадцати дюймов в высоту по краям и не более двух молекул в толщину.

За день до восхода Солнца над этой частью Луны, в Море Облаков, культивационные чаши заполняли нужной питательной средой. На рассвете, а на лишенном атмосферы спутнике он был внезапным и ослепительным, чаши засевали. Следующие четырнадцать дней непрестанной инсоляции за ними ухаживали, подкармливали, затеняли, регулировали рост бактерий. Полевые работники сновали туда-сюда по переходам, облачившись в скафандры. Когда до Моря Облаков докатывалась линия заката, с чаш снимали урожай, и следующие две недели лунной ночи поля стерилизовались вымораживанием.

В этой утомительной, пошаговой процедуре не было места джонту, так что Бактериальная корпорация нанимала несчастливцев, неспособных джонтировать, и платила им рабские гроши. То была низшая форма труда, известная в Солнечной системе, современный аналог чистки канав и уборных. Бараки Бактериальной корпорации

воплощали собой ад на Луне на все две недели вынужденного безделья. Фойл убедился в этом сразу же, как отыскал нужный барак.

Его ждало впечатляющее зрелище. В огромном помещении находилось, быть может, сотни две люду. Шлюхи и жестокие сутенеры со стальными взглядами, профессиональные игроки с портативными игровыми столиками, наркоторговцы, менялы. В спертом воздухе висела кислая вонь, особенно выделялись нотки алкоголя и аналога. На полу валялись в полном беспорядке предметы одежды, постельное белье, обломки мебели, бутылки, тела упившихся в зюзьку, а также гнилые объедки.

Появление Фойла было встречено ревом, но он подготовился и к этой ситуации.

— Кемпси? — тихо спросил он у первой же сунувшейся навстречу небритой морды. В ответ что-то сердито буркнули, но он улыбнулся и дал этому человеку бумажку в сто долларов[42].

— Кемпси? — спросил он у следующей морды. Та грязно выругалась. Он снова заплатил и так, пробираясь через барак, отвечая тихими вежливыми благодарностями на брань и оскорбления,

---

[42] Примечания: 42
Так в оригинале. — *Примеч. перев.*

разбрасывая окрест сотенные кредитки, отыскал в самом центре помещения местную шишку. Чудовище в человечьей шкуре, лысый нагой бычара. На плечах его повисли две шлюхи, а подхалимы поили смотрящего за бараком виски.

— Кемпси тут? — спросил Фойл, переходя на давний свой язык канав и помоек. — Я сюда за Роджем Кемпси завалил.

— Ты сюда завалил, чтоб я тебя урыл, — ответствовал смотрящий, цепляя лапищей переданные Фойлом деньги. — Я Джимми.

По толпе прокатился довольный рокот. Дружески усмехнувшись, Фойл плюнул амбалу в глаза. Это было прямым оскорблением. Бычара стряхнул шлюх и поднялся стереть Фойла с лица Луны. Пятью секундами позже он корчился на полу, а Фойл пальцами ноги пережимал ему шею.

— Я сюда завалил за Кемпси, так-то, — вежливо повторил Фойл. — Мне реально нужен твой Кемпси, чувак. Ты его лучше дай сюда, а не то я тебе так вмажу, что не встанешь, понял?

— Он в душевой! — застонал амбал. — Моется. В душевой!

— Ну ладно, заслужил, — сказал Фойл, снял ногу с шеи амбала, высыпал на пол рядом с лысым остаток денег и проследовал в душевую.

Кемпси скорчился в углу душевой кабинки, прижав лицо к стене и что-то напевая в тупом стонущем ритме себе под нос. Было ясно, что в такой позе он тут торчит уже не первый час.

— Кемпси?

Стон был ему ответом.

— Ты чего такой?

— Одежда, — застонал Кемпси и разрыдался. — Одежда. Везде одежда. Грязь. Блевотина. Дерьмо. Одежда. Хуже всего. Одежда.

— Вставай, чел. Пошли отседова.

— Одежда. Везде одежда. Грязь. Блевотина. Дерьмо.

— Кемпси, слушай сюда. Я за тобой. Меня Орел прислал.

Кемпси перестал хныкать и оборотил к Фойлу опухшее рыло.

— Кто? Кто?

— Сергей Орел. Я тебя выкупил. Ты свободен. Мы улетаем.

— Когда?

— Сейчас.

— Господи! О боже! Господи, благослови его! Господи, благослови!

Кемпси забился в лихорадке истерической радости. Его одутловатое, испещренное шрамами

лицо исказилось в явственном подобии счастливой усмешки. Он хохотал и приплясывал, когда Фойл выводил его из душевой. Но, вернувшись в барак, он снова скис и начал рыдать. Фойл поволок его прочь. Тут с верхних нар свесились голые шлюхи и замахали перед носом Кемпси каким-то драньем. Кемпси застонал, с губ его пошла пена.

— Че его так колбасит? — поинтересовался Фойл у бычары на понятном тому языке канав и помоек.

Амбал на сей раз был подобострастно нейтрален, временами его даже прошибало на дружелюбие.

— Да все время его глючит, — ответствовал бычара. — Мы ему старое рванье суем, а его так и корежит. Во урод!

— А чего так?

— Чего, чего? Шибанулся на голову, и все тут!

Достигнув главного воздушного шлюза, Фойл и Кемпси облачились в скафандры, вышли наружу и двинули через ВПП на край ракетного поля, где несколько антигравов вздымали в ночное небо, к Земле между второй четвертью и полноземлием, бледные пальцы лучевых колонн. Они добрались до нужной шахты, вошли в корабль Фойла и сняли скафандры. Фойл пошел в свою каюту,

достал из бара бутылку и шприц. Разлил напиток по стаканам и протянул один из них Кемпси. В другой ладони у него был запрятан шприц. Он улыбался.

Кемпси отхлебнул виски, все еще дрожа от изумления и восторга.

— Свободен, — пробормотал он. — Господи, благослови его! Наконец-то свободен. Ты себе даже не представляешь, через что я прошел.

Он снова выпил.

— До сих пор поверить не могу. Как во сне. Почему ты не пьешь, чувак? Я…

У Кемпси захватило дух, он выронил стакан и в немом ужасе уставился на лицо Фойла.

— Твое лицо! — вскрикнул он. — Господи, твое лицо! Что с ним случилось?

— *Ты* с ним случился, гребаный ты сукин сын! — заорал Фойл, прыгнул на Кемпси с тигриной маской на пылающем лице и метнул шприц, словно дротик. Шприц вонзился тому в шею и повис там, мелко подрагивая. Кемпси рухнул, где стоял.

Фойл ускорился, размытым вихрем скользнул к телу, поднял в воздух и перенес в кормовую наблюдательную рубку корабля. На судне имелись две рубки, и Фойл на всякий случай подготовил

для работы их обе. Он расчистил помещение и превратил его в хирургическую палату. Растянув и привязав пленника на операционном столе, Фойл открыл чемоданчик с медицинскими инструментами и приступил к тонкой операции, технику которой освоил только сегодня утром, гипнопедически. Осуществить ее было возможно только в его пятикратном ускорении.

Он рассек кожу и мышцы, распилил грудную клетку, вырвал сердце, вскрыл его, присоединил артерии и вены к сложному кровяному насосу, установленному рядом со столом. Запустил насос.

В объективном времени прошло двадцать секунд.

Он опустил на лицо Кемпси кислородную маску и перевел дыхательный аппарат в режим ритмичных сокращений и расширений.

Замедлился, проверил температуру тела Кемпси, ввел в его вены несколько противоконвульсивных препаратов и стал ждать. Кровь прокачивалась через насос и тело пленника. Через пять минут Фойл снял кислородную маску. Дыхательный рефлекс поддерживался. Кемпси существовал без сердца — но жил. Фойл сел на пол рядом со столом и погрузился в ожидание. На

лице его продолжали пылать алые стигматы.

Кемпси не приходил в себя. Фойл ждал.

Кемпси очнулся и слабо запищал.

Фойл подхватился на ноги, затянул путы и наклонился над человеком без сердца.

— Приветик, Кемпси, — сказал он, и Кемпси закричал.

— Взгляни на себя, Кемпси, — предложил Фойл. — Ты мертв.

Кемпси последовал его совету и тут же отключился. Фойл привел его в чувство с помощью кислородной маски.

— Господи, дай мне умереть!

— А что такое? Тебе больно? Я шесть месяцев подыхал и даже не пискнул.

— Дай мне умереть.

— Не всё сразу, Кемпси. Твои симпатические психоблоки отключены, но будешь вести себя хорошо, и я дам тебе умереть. Теперь я задаю тебе вопрос. Ты был на борту космического корабля «Ворга» 16 сентября 2436 года?

— Иисусе Христе! Дай мне умереть!

— Ты был на борту «Ворги»?

— Был.

— Вы заметили потерпевший крушение корабль. Он назывался «Кочевник». Этот корабль

сигналил о бедствии. Вы пролетели мимо. Так?

— Да.

— Почему вы так поступили?

— Иисусе, Иисусе Христе, помоги мне!

— Почему?

— Иисусе!

— Кемпси, на борту «Кочевника» был *я*. Почему вы бросили меня подыхать?

— Иисусе, добрый Господи, помоги мне! Боже, освободи меня!

— Кемпси, тебя освобожу *я*, если ты ответишь на мои вопросы. Почему вы бросили меня подыхать?

— Не могли мы тебя подобрать…

— Почему?

— Беженцы…

— А! Я так и думал. Вы перевозили беженцев с Каллисто?

— Да.

— Скольких?

— Шестьсот.

— Это много. Но у вас, без сомнения, нашлось бы и еще одно место. Почему вы не подобрали меня?

— Мы выбросили их в космос.

— Что?! — Фойл даже подскочил от неожидан-

ности.

— За борт… их всех… шестьсот… раздели… забрали одежду, деньги, драгоценности, багаж… всех… мы вышвыривали их в люк… штабелями… Иисусе, одежда, одежда по всему кораблю… крики… Иисусе! Не могу забыть, не могу… голые женщины… синие… распотрошенные… они вертелись там… вокруг… одежда по всему кораблю… Шестьсот! Шестьсот!

— Ах ты гребаный сукин сын! Так вы их обманули? Вы взяли с них за проезд, но даже не собирались на Терру?

— Мы решили… их… ограбить.

— Поэтому вы меня не подобрали?

— Тебя бы все равно… выбросили за борт…

— Кто приказал?

— Капитан.

— Имя?

— Джойс. Линдси Джойс.

— Адрес?

— Колония скопцов на Марсе.

— Что?! — Фойла как обухом по голове ударило. — Он скопец? Ты хочешь сказать, что после того, как я… год гонялся за ним… он в безопасности? Я не могу его изувечить, не могу сделать с ним то же, что он со мной, я вообще не могу до

него достучаться… — Он отвернулся от пытаемого, сломленный разочарованием. — Скопцы! О них я даже не подумал, готовя для мерзавца эту ординаторскую… Что мне делать? Господи, что мне делать?

Он орал, как сумасшедший, и алые стигматы ходуном ходили на его лице.

Отчаянный стон Кемпси привел Фойла в чувство. Вернувшись к столу, он склонился над развороченным телом.

— Так, давай еще раз. Этот скопец, этот Линдси Джойс, приказал выбросить беженцев в космос?

— Да.

— И бросить меня подыхать?

— Да. Да, да, да! Ну хватит! Убей меня!

— Тебя? Ты, бессердечная грязная свинья, ублюдок, тварь! Не-е-ет, я тебя не убью. Ты останешься жить. Без сердца. Жить и страдать. Ты будешь жить вечно, ты, сука!

Его ослепила внезапная вспышка света. Фойл поднял голову. Пылающий призрак заглядывал в большой квадратный иллюминатор на потолке каюты. Фойл подскочил к иллюминатору. Видение пропало.

Фойл вылетел из каюты и устремился в рубку управления, откуда открывался обзор на сто

семьдесят градусов. Горящего Человека нигде не было видно.

— Он не настоящий, — пробормотал он. — Он не может быть настоящим. Это знамение. Знамение доброй удачи. Мой ангел-хранитель. Он меня спас на Испанской лестнице. Он велит мне лететь вперед и найти проклятого Линдси Джойса.

Он затянул ремни пилотского кресла, включил двигатели и дал полное ускорение.

Линдси Джойс, колония скопцов на Марсе, думал он, погружаясь в темную пучину перегрузки. *Скопцы… бесчувственные, безмысленные. Ни наслаждений, ни боли. Ультимативная реализация стоического эскапизма. Как мне до него добраться? Как покарать? Как пытать? Засунуть его в хирургическую каюту? Как сделать так, чтобы он испытал то же, что и я на «Кочевнике»? Говнище! Он все равно что мертв. Он по сути и мертв. Ну и что мне за радость пытать труп? Так близко. Я прошел почти весь путь. И тут дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Проклятое разочарование незавершенной мести. Месть — это так, мечты… в реальности… никогда…*

Часом позже он осторожно сбросил ускорение. Ярость покидала его. Он выбрался из кресла и

вспомнил про Кемпси. Кинулся в хирургическую каюту. Высокое стартовое ускорение повредило кровяной насос и прикончило Кемпси. Внезапно Фойла пробила дрожь отвращения к самому себе. Он без особого успеха пересиливал это чувство.

— Да что с тобой такое, чувак? — шепотом подумал он вслух. — Подумай только про шесть сотен ограбленных беженцев… мертвых… Ты что, корчишь из себя подпольного христианина, белого слизняка, который в ответ на удар по одной щеке подставляет вторую? Оливия, Оливия, что ты со мной сделала? Дай мне силы, не предавай меня…

И все же он отводил глаза, выбрасывая останки в космос.

Глава 13

Все лица, известные как пособники Формайла с Цереры или как-либо с ним аффилированные, должны быть при первой возможности задержаны для допроса. *Я-Й. Центральная разведка.*

Всем сотрудникам корпорации соблюдать крайнюю осторожность и немедленно докладывать местному мистеру Престо при появлении Формайла с Цереры. *Престейн.*

Всем курьерам прервать исполнение текущих заданий и приступить к расследованию путей движения финансовых потоков Фойла. *Дагенхэм.*

Под предлогом военных действий объявить банковский выходной и отрезать Формайла от его счетов. *Я-Й. Центральная разведка.*

Все лица, от которых поступили запросы на информацию о космическом корабле «Ворга», должны быть доставлены в замок Престейнов для допроса. *Престейн.*

Всем портам и ракетным шахтам Внутренних Планет приготовиться к прибытию Формайла. Все вновь прибывающие рейсы подвергать карантину и таможенному досмотру. *Я-Й. Центральная разведка.*

Обыскать старый собор Святого Патрика и взять его под круглосуточное наблюдение. *Дагенхэм.*

Проверить базы данных страховой компании Бонесс-Уиг на предмет имен офицеров и прочего экипажа космического корабля «Ворга». Попытаться спрогнозировать следующий шаг Фойла. *Престейн.*

Комиссии по военным преступлениям обновить список врагов общества, занеся в него под первым номером имя Фойла. *Я-Й. Центральная разведка.*

За любую информацию о местонахождении Формайла с Цереры, он же — Гулливер Фойл, он же — Гулли Фойл, будет выплачено вознаграждение в 1 миллион кредитов. Приоритет операции: 1 (все Внутренние Планеты).

Даже после двух столетий колонизации ат-

мосфера Марса оставалась в таком плачевном состоянии, что растительный закон Линча, РЗЛ, до сих пор не отменили. Согласно этому закону смертью каралось не то что уничтожение любого растения, продуцирующего кислород из углекислого газа марсианской атмосферы[43], но и покушение на таковое. Даже одинокие травинки были священны. Смысла воздвигать на обочинах неоновые заградительные вывески *«По газонам не ходить»* не было никакого. В мужчину, решившего срезать путь через лужайку, стреляли на месте. Женщину, которая нагнулась сорвать цветок, ждала беспощадная расправа. Два века внезапных смертей воспитали в марсианах почтение к зеленой растительности, сопоставимое с религиозным поклонением.

Фойл помнил об этом, перейдя на бег по пешеходной дорожке, ведущей к марсианской Сен-Мишель. Он джонтировал прямо из сыртианского аэропорта[44] на туристическую остановку Сен-Мишель у начала пешеходной дороги, пет-

---

[43] Примечания: 43

На момент создания романа сведения о Марсе были еще весьма неточны. В частности, атмосфера представлялась куда более плотной, чем в действительности. — *Примеч. перев.*

[44] Примечания: 44

Так у автора; по смыслу должно быть «космопорта». — *Примеч. перев.*

лявшей добрую четверть мили по зеленым полям к марсианской Сен-Мишель. Это расстояние следовало преодолеть пешком.

Подобно изначальному аббатству Мон-Сен-Мишель на французском побережье, марсианская Сен-Мишель представляла собой величественный собор готического стиля, с башенками и шпилями, возносящимися с холма в небеса. На Терре Мон-Сен-Мишель окружали океанские волны. На Марсе местную Сен-Мишель окружало зеленое море травы. Оба комплекса строились как крепости. Мон-Сен-Мишель была крепостью веры до запрета организованной религии, марсианская Сен-Мишель — крепостью телепатии. В ней обитал единственный марсианский телепат Сигурд Магсмэн.

— И вот какие у Сигурда Магсмэна системы защиты, — напевно бормотал себе под нос Фойл, пребывая в состоянии, промежуточном между истерикой и молитвой. — Первый слой: Солнечная система. Второй: военное положение. Третий: Дагенхэм, Престейн и их свора. Четвертый: сама крепость. Пятый: охранники в униформе, слуги и посетители, а равно почитатели статного длиннобородого старца, которого все так хорошо знают. Легендарного, прославленного Сигурда

Магсмэна, который продает свои невероятные способности по невероятной цене. — Фойл не выдержал и расхохотался на бегу: — А есть и шестой слой. Ахиллесова пята Сигурда Магсмэна… Я заплатил за этот секрет миллион кредитов… Сигурду № 3, или то был Сигурд № 4?

Фойл миновал внешний лабиринт марсианской Сен-Мишель, воспользовавшись поддельными верительными документами, и немного поразмыслил, блефовать ли дальше или, перейдя в режим бойца коммандос, напрямую вломиться на аудиенцию к великому телепату. Но время поджимало, враги наседали, и не было времени тешить свое любопытство. Он ускорился, стал размытым вихрем и очутился возле скромного коттеджика в окруженном стенами саду на ферме марсианской Сен-Мишель. Окна были грязные, крыша соломенная, покосившаяся. Легко было спутать домик с коровником. Фойл скользнул внутрь. В коттеджике находилась детская. В креслах-качалках недвижно сидели три симпатичных девушки — няни. В застывших пальцах замерло вязание. Вихрь, которым стал Фойл, остановился по очереди за спинами девушек и вколол им по ампуле снотворного. Потом он замедлился и посмотрел на древнего ребенка.

Сморщенное, высохшее дитя сидело на полу и возилось с электронной железной дорогой.

— Привет, Сигурд, — сказал Фойл.

Дитя начало плакать.

— Плачешь, детка, плачешь? А чего ты боишься? Я тебе больно не сделаю.

Ты плохой дядя. У тебя лицо плохое.

— Я твой друг, Сигурд.

Нет, ты не друг. Ты хочешь, чтобы я сделал что-то п-п-плохое.

— Я твой друг. Слушай, я же все знаю про тех старых бородатых дядь, которые притворяются, что они — это ты. Но я никому не скажу. Прочти мои мысли.

Ты хочешь, чтобы я сделал ему больно. И ты хочешь, чтобы я ему сказал.

— Кому?

Человеку-капитану. Ско… Ски… Ребенок споткнулся на мыслеслове и зашелся плачем еще громче. *Уходи. Ты плохой. У тебя в голове плохие мысли и горящие люди, и… и…*

— Пошли, Сигурд.

Нет. НЯНЯ-А-А-А! НЯНЯ-А-А-А!

— Заткнись, ты, маленький паршивец!

Фойл схватил семидесятилетнего ребенка и

встряхнул его[45].

— У тебя будет совершенно необычное приключеньице, Сигурд. Это впервые ты лично влезешь в настоящую передрягу. Понял?

Древнее дитя прочло его мысли и завопило.

— Заткнись! Мы навестим колонию скопцов. Если будешь вести себя, как я скажу, верну тебя в целости и сохранности. И дам тебе игрушку, или чем бишь они там тебя подкупают. Если не будешь слушаться, я тебя прикончу.

Нет, не посмеешь… не посмеешь… Я Сигурд Магсмэн. Я Сигурд-телепат… Ты не посмеешь.

— Сынок, ты знаешь, кто я? Я Гулли Фойл, преступник Солнечной системы номер один. Я всего в шаге от завершения охоты длиной в год. И я рискую своей шеей, потому что ты мне нужен — свести счеты с одним сукиным сыном, который… Короче, детка, я Гулли Фойл. Нет такого, что я бы *не посмел.*

Телепат начал распространять вокруг на всех мыслеволнах такой ужас, что по всей цитадели

---

[45] Примечания: 45

Такое состояние действительно описано (под названием синдрома X) и встречается, заметим, ничуть не чаще телепатии во вселенной Бестера (от силы полдюжины случаев в истории медицины). Как и Сигурд, страдающие от синдрома X больные во всех случаях серьезно недоразвиты не только физически, но и умственно. Из недавних проявлений наиболее известен случай с Брук Меган Гринберг (1993–2013). — *Примеч. перев.*

Сен-Мишель на Марсе завизжали сигналы тревоги. Фойл крепко сгреб древнее дитя в охапку, ускорился и вынес его из крепости. Потом джонтировал.

> СРОЧНО.
>
> Человек, предварительно идентифицированный как Гулливер Фойл, он же Формайл с Цереры, преступник Солнечной системы № 1, похитил Сигурда Магсмэна. Направление перемещений преступника предварительно определено. Поднять по тревоге бригаду коммандос. Проинформировать Центральную разведку.
>
> СРОЧНО!

Древняя секта скопцов, возникшая в Белоруссии[46], мнила секс корнем всех зол и практиковала изуверскую самокастрацию, чтобы иссечь этот корень. Современные скопцы полагали, что корнем всех зол выступает чувственное восприятие, и прибегали к еще более жестокому самоувечию. Вступив в колонию скопцов (а обходилась эта

---

[46] Примечания: 46

Обычно считается, что в Орловской и Тамбовской губерниях Российской империи. Любопытно заметить, что общины скопцов назывались «кораблями». — *Примеч. перев.*

привилегия в немаленькое состояние), человек с радостью подвергал себя операции, нарушавшей функционирование сенсорной нервной системы, чтобы прожить остаток дней своих во тьме и тишине, без запаха, вкуса, осязания и речи.

Впервые появляясь в монастыре, послушники лицезрели красивые кельи цвета слоновой кости, где им якобы полагалось провести остаток жизни в самосозерцании, под заботливым уходом. На самом деле бесчувственные создания швыряли в катакомбы, где они сидели на голых камнях, а пищу получали и нужду справляли раз в сутки. Двадцать три из двадцати четырех часов любого дня они сидели одни во мраке, лишенные сочувствия, заботы и охраны.

— Живые мертвецы, — пробормотал Фойл.

Он сбросил скорость, поставил Сигурда Магсмэна на землю и включил скрытые в сетчатке светоизлучатели, пытаясь оглядеться в склепе. Наверху была полночь. В катакомбах полночь царила в любое время. Сигурд Магсмэн распространял вокруг ужас и отчаяние такой жуткой телепатической интенсивности, что Фойлу пришлось снова встряхнуть ребенка.

— Заткнись! — прошептал он. — Ты их не пробудишь, этих дохляков. А теперь найди мне

Линдси Джойса.

Они больные… они все больные… у них будто черви в головах… черви… там болезнь… они…

— А то я этого не знаю, детка. Давай-давай, не раскисай. Дальше хуже.

И они углубились в петлявший лабиринт катакомб. От пола до потолка вдоль стен тянулись каменные полки. На каждом ярусе скорчились скопцы, белые, точно слизняки, немые, как трупы, недвижные, как статуи Будды. В пещерах явственно воняло смертью. Ребенок-телепат плакал и кричал, но Фойл ни на миг не ослаблял своей безжалостной хватки, ни на миг не забывал, что явился сюда на охоту.

— Джонсон, Райт, Кили, Графф, Настро, Андервуд… Господи, да их тут тысячи! — Фойл читал имена на бронзовых табличках, приваренных к каменным полкам для идентификации. — Давай, Сигурд. Отыщи мне Линдси Джойса. Мы не можем шляться тут от полки к полке. Регал, Кон, Брэйди, Винсент… Что…

Фойл вздрогнул и оглянулся. Белая, как скелет, фигура дернула бровью. Она засучила конечностями и стала извиваться. Лицо скопца исказила судорога. Следом и остальные белые слизняки задергались на своих местах: неумолчный ши-

рокополосный телепатический сигнал Сигурда Магсмэна, сигнал ужаса и отчаяния, достиг их и поверг в муки.

— Заткнись! — бросил Фойл. — Прекрати это. Найди мне Линдси Джойса, и убираемся отсюда. Дотянись и найди.

Там, внизу. Сигурд всхлипывал. *Прямо там. Семь, восемь, девять ярусов вниз. Я домой хочу. Мне плохо… Я…*

Фойл мчался вниз по катакомбам, держа за шкирку Сигурда и просматривая опознавательные таблички, пока не увидел наконец:

Линдси Джойс. Бугенвилль. Венера.

То был враг, желавший его смерти и погубивший шесть сотен беженцев с Каллисто. То был враг, о мести которому он мечтал и за которым охотился долгие месяцы. То был враг, которому он уготовил жесточайшую агонию в импровизированной хирургической палате на борту своего корабля. Это была «Ворга». Это была женщина.

Фойла как громом ударило. В эпоху двойных стандартов, когда женщин держали взаперти в сералях, многие из них подделывались под мужчин, желая попасть в закрытые для женского пола миры, но он еще никогда не слышал,

чтоб женщина замаскировалась так удачно, что сумела завербоваться в торговый космофлот и подняться по служебной лестнице до высшего офицерского ранга.

— Это она? — в ярости выкрикнул он. — Это и есть Линдси Джойс? Линдси Джойс с «Ворги»? Спроси ее!

Я не знаю, что такое «Ворга».

— Спроси ее!

Но я не… Она не… Она любила отдавать приказы.

— Капитан?

Мне не нравится, что у нее внутри. Она вся больная. Там темно. Мне больно. Я хочу домой.

— Спроси ее. Она была капитаном «Ворги»?

Да. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня больше залезать в эту тетю. Она уворачивается. Она делает мне больно. Она мне не нравится.

— Скажи ей, что я тот человек, которого она не подобрала 16 сентября 2436 года. Скажи, что это было давно, а все-таки я выжил и вернулся свести с ней счеты. Скажи, что она мне за все заплатит.

Не понимаю… не знаю…

— Скажи, что я собираюсь ее убить. Медленной мучительной смертью. Скажи ей, что у меня на

борту каюта, похожая на тот шкаф для инструментов на «Кочевнике», где я гнил и подыхал шесть месяцев. Она приказала «Ворге» бросить меня там одного подыхать. Скажи ей, что она будет гнить и подыхать так же, как я. Скажи ей! — Фойл яростно встряхнул визжащего ребенка. — Пускай она это почувствует. Я ей не дам ускользнуть, заделавшись скопчихой. Скажи, что я ее убью. Я ее урою. Прочти мои мысли и передай ей!

Она… она не отдавала такого приказа…

— Что?!

Я не понимаю…

— Она не отдавала приказа меня там бросить?

Я боюсь лезть к ней внутрь.

— Лезь, сучонок, или я тебя на куски разрежу! Что она хочет сказать?

Дитя вопило, женщина корчилась, Фойл пылал от ярости.

— Давай! Лезь! Вытащи это из нее! Иисусе, ну какого ж черта единственный телепат на Марсе — ребенок? Сигурд! Сигурд, послушай меня. Спроси ее так: она давала приказ выбросить беженцев за борт?

Нет. НЕТ!!!!

— Нет, не давала? Или нет, ты не будешь у нее спрашивать?

Она не давала.

— Это она приказала облететь «Кочевник» стороной?

Она корчится… ей больно… Ой, пожалуйста, ну пожалуйста! НЯНЯ-А-А-А-А! Я домой хочу! Отпусти меня!

— Она приказала пролететь мимо «Кочевника»?

Нет.

— Нет?

Нет. Пусти меня домой!

— Спроси ее, кто это сделал.

Я хочу к моей няне.

— Спроси ее, *кто* отдал ей приказ. Она была капитаном своего собственного корабля. Кто мог ей приказывать? Спроси!

Я хочу к моей няне.

— Спроси ее!

Нет, нет, нет! Я боюсь, мне больно! Она плохая. У нее внутри темно и больно. Она темная. Я ее не понимаю. Я хочу к моей няне! Я домой хочу!

Ребенок визжал и трясся, Фойл орал во весь голос. В катакомбах гремело эхо. Фойл в очередной раз дернулся гневно встряхнуть ребенка, и тут ему в глаза ударил ослепительный свет.

Туннель озарило явление Горящего Человека.

Призрак Фойла стоял перед ним в полыхающей одежде, и на лице его пламенела татуировка. Сияющие глаза смотрели на конвульсивно извивавшуюся слизнячку-скопчиху, некогда бывшую Линдси Джойс.

Горящий Человек открыл тигриную пасть. Раздалось громыхание, подобное огненному смеху.

— Ей больно, — молвил он.

— Ты кто? — прошептал Фойл.

Горящий Человек поморщился.

— Слишком ярко, — сказал он. — Меньше света!

Фойл ступил вперед. Горящий Человек в панике заткнул уши руками.

— Слишком громко! — вскричал он. — Не ходи так громко!

— Ты мой ангел-хранитель?

— Ты меня слепишь, шх-х-х! — Внезапно видение снова рассмеялось. — Послушай: она вопит. Она молит о пощаде. Она не хочет умирать. Она не хочет, чтоб ей делали больно. Ну прислушайся же к ней.

Фойл задрожал.

— Она говорит тебе, кто отдавал ей приказы. Разве не слышишь? Прислушайся к ней своими глазами.

Горящий Человек вытянул в сторону корчащейся скопчихи палец, подобный пламенному когтю.

— Она говорит: *Оливия.*

— Что?!

— Она говорит: *Оливия.* Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

И Горящий Человек исчез.

На катакомбы снова опустилась тьма.

Вокруг Фойла плясали цветные сполохи и катилась какофония звука. Он с трудом перевел дух и выпрямился.

— Джонтировать бы щас в синь, — пробормотал он. — Оливия? Нет. Да нет же. Не может быть. Оливия… Я…

Он почувствовал, как его руки касается другая рука.

— Джиз? — каркнул он.

И понял, что это Сигурд Магсмэн: ребенок цеплялся за его руку и рыдал. Фойл поднял его на руки.

— Мне плохо, — пропищал Сигурд вслух.

— Мне тоже плохо, сынок.

— Хочу домой.

— Хорошо, я отнесу тебя домой.

Держа дитя на руках, он побрел по катаком-

бам.

— Живые мертвецы, — пробормотал он и, подумав, добавил: — И я сам такой же.

Фойл нашарил каменные ступени, ведущие наружу из недр монастыря. Он поплелся наверх. В ноздрях стояла вонь смерти и отчаяния. Откуда-то сверху блеснул яркий свет, и на миг ему померещилось, что уже настал рассвет. Затем до Фойла дошло, что общину скопцов заливает искусственное освещение. Там топали и рявкали какие-то приказы. На полпути наверх Фойл остановился и собрался с мыслями.

— Сигурд, — шепнул он. — Кто там над нами?

Сойдаты, — всхлипнуло дитя.

— Солдаты? Какие солдаты?

Сойдаты коммандос. Испачканное слезами лицо Сигурда просияло. *Они за мной. Забрать меня к няне. Я ТУТ!!!!! Я ТУТ!!!!!*

Телепатический вопль ребенка произвел наверху явственный отклик, там закричали и забегали. Фойл ускорился и пролетел остаток лестницы. Он очутился в дворике, окруженном романскими арками. Посреди была зеленая лужайка. В центре рос исполинский ливанский кедр. Монастырь кишел поисковыми группами коммандос, и Фойл оказался лицом к лицу с

противниками, равными себе. Завидев вынырнувший из катакомб вихрь, они ускорились тоже, причем не хуже его самого.

Но у Фойла оставался козырь — мальчишка. Стрелять солдаты не смели. Держа Сигурда на руках, он метался по монастырю, как бейсбольный раннер. Ему не преграждали путь, потому что столкновения при пятикратном ускорении закончились бы плачевно. В объективном времени головокружительные движения его казались пятисекундными вспышками молний. Фойл вырвался из клуатра, промчался через неф, миновал лабиринт и вылетел на общественную джонт-платформу за главными воротами. Остановился, сбросил скорость и джонтировал на монастырскую ВПП, расположенную в полумиле оттуда. Ракетное поле тоже кишело коммандос и было залито прожекторными огнями. Каждую антиграв-шахту занимал корабль бригады. Его собственное судно взяли в оцепление.

Спустя одну пятую секунды после Фойла на ВПП прибыли преследователи, джонтировавшие из монастыря. Он беспомощно озирался. Его окружило полвзвода коммандос, все ускоренные и нацеленные убивать, все — его уровня или лучше. У него не осталось никаких шансов.

И тут шансы выравнялись, потому что ровно через неделю после удара по Терре Внешние Спутники атаковали Марс.

Вновь ракеты ударили по утреннему квадранту, где стояла пора суток от полуночи до рассвета. Вновь небеса перечеркнули могучие сполохи взрывов перехваченных боеголовок, и у горизонта поднялись сияющие облака. Вновь содрогнулась земля. Но на этот раз имелось и грозное отличие: над самыми головами взошла бриллиантово-сияющая новая звезда, заливая темную сторону планеты яростным светом. Рой снарядов сотряс маленькую марсианскую луну, Фобос, и в мгновение ока испарил ее.

Коммандос на миг замешкались, решая, как отреагировать на эту неожиданную атаку. Это дало Фойлу шанс. Он снова ускорился и пролетел к своему кораблю. Остановился перед главным люком и увидел, как охрана застыла в нерешительности, не понимая, продолжать запланированную операцию или отреагировать на новую угрозу. Фойл подкинул высоко в воздух Сигурда Магсмэна, тот взлетел, как древний пикт на шесте, и пока оцепление рассыпалось, страхуя падающего ребенка, Фойл нырнул в главный люк и закрыл его за собой.

Не сбрасывая ускорения, не останавливаясь ни на миг, даже чтобы глянуть, есть ли кто внутри, он промчался в рубку управления, дернул рычаг запуска, и корабль воспарил на антигравитационном луче с полным ускорением 10g. Он забыл пристегнуться, и воздействие десятикратной перегрузки на его ускоренное беззащитное тело оказалось чудовищным.

Ужасающая сила надавила на него и вышвырнула из кресла. Он побрел к задней переборке, как лунатик: в ускоренном восприятии ему чудилось, что это стена движется навстречу. Он вытянул руки ладонями вперед, стремясь защитить себя. Неумолимое ускорение растащило руки в стороны и вмазало его в переборку; сперва относительно мягко, потом все сильнее и сильнее, пока скулы, челюсти, грудь и все тело не хрустнули, вдавленные в металл.

Фойл агонизировал под невыносимым давлением. Он попытался достать языком переключатель в зубах, но его так вжало в переборку, что даже это движение оказалось непосильным. Ряд взрывов, таких далеких, что съехавшие далеко вниз по спектру звуки эти показались перестуком камешков, известил, что бригада коммандос обстреливает корабль с планеты.

Наконец суденышко вырвалось в черную пустоту пространства, Фойл издал крик вроде писка летучей мыши, и нахлынуло спасительное забытье.

Глава 14

Фойл проснулся во мраке. Он был замедлен. Истощение тела указывало на то, что в бессознательное состояние он перешел под ускорением. Либо источник энергии разрядился, либо… Он ощупал рукой копчик. Батареи там не оказалось. Ее кто-то удалил.

Он продолжал дрожащими пальцами обследовать окружающие предметы. Он лежал в постели, прислушиваясь к шороху вентиляторов и кондиционеров, клацанью и жужжанию сервомеханизмов. Он был на борту корабля. Его привязали к койке. Корабль находился в невесомости.

Фойл отстегнулся, оттолкнулся локтями от матраца и поплыл во тьму. Он искал выключатель или звонок, но руки его наткнулись на графин для воды. На стекле были буквы. Он стал ощупывать их кончиками пальцев. КК, прочел он. Космический корабль. В, О, Р, Г, А. «Ворга».

Он закричал.

Дверь каюты открылась. Внутрь проследовала неясная фигура, слабо озаренная сзади светом из роскошной гостиной.

— На этот раз мы тебя подобрали, — сказал голос.

— Оливия?

— Да.

— Значит, это правда.

— Да, Гулли.

Фойл разрыдался.

— Ты еще очень слаб, — тихо сказала Оливия Престейн. — Ляг.

Она помогла ему перебраться в гостиную и привязала к шезлонгу, все еще хранившему тепло ее тела.

— Ты был в таком состоянии шесть дней. Мы и не думали, что ты выживешь. Твой организм все отвергал, пока хирург не наткнулся на эту батарейку у тебя в копчике.

— Г-хде б'трейкх…? — каркнул он.

— Не беспокойся, милый, заберешь, как только захочешь.

Он смотрел на нее долгое мгновение. На свою Снежную Деву, свою прекрасную Ледяную Принцессу. На ее белую атласную кожу, на слепые коралловые глаза и точеные коралловые уста. Она коснулась надушенным платочком его век и утерла слезы.

— Люблю тебя… — выдавил он.

— Тс-с. Я знаю, Гулли. Я знаю.

— Ты знала все это время. Как долго ты знала?

— Я знала Гулли Фойла с «Кочевника». Своего врага. Пока мы не повстречались, я и не подозревала, что Формайл — это ты. Ах, если бы я только знала. Сколько усилий и времени можно было бы сэкономить.

— Нет. Ты знала. Ты насмехалась надо мной. Ты стояла и тряслась от смеха.

— Стояла и содрогалась от любви к тебе. Нет, не перебивай меня. Пытаюсь мыслить рационально, а это непросто.

Румянец разливался по мраморному лику статуи.

— Я с тобой не забавляюсь, поверь. Я… я выдала тебя своему отцу. Я так поступила. Я думала, что это такая самозащита. Теперь, повстречавшись с ним, думала я, разве не убедилась я, что он опасен? Часом позже я сочла это ошибкой, поскольку поняла, что люблю тебя. Я расплачиваюсь за эту ошибку. Ты бы никогда не узнал…

— Ты воображаешь, что я в это поверю?

— Тогда зачем, по-твоему, я здесь?

Ее потряхивало.

— Зачем, по-твоему, я последовала за тобой? Бомбардировка была ужасна. Тебя бы разнесло

через минуту после того, как мы тебя успели подобрать. Твой корабль разлетелся на обломки…

— Где мы?

— Какая разница?

— Мне нужно узнать. Мне нужно выгадать время.

— Зачем?

— Так, храбрюсь.

— Мы на орбите Терры.

— Как ты меня нашла?

— Я понимала, что ты пойдешь по следам Линдси Джойс. Я взяла первый попавшийся из кораблей моего отца. Так вышло, что это снова оказалась «Ворга».

— Он знает?

— Он и не подозревает о моей личной жизни.

Фойл не мог отвести от нее взгляда, но созерцание девушки причиняло ему боль. Он обожал ее и ненавидел. Стремился зачеркнуть уже известное, случившееся в реальности, и ненавидел ее — поскольку понимал, что сделанного не воротишь. Он обнаружил, что мнет ее платочек дрожащими пальцами.

— Я люблю тебя, Оливия.

— Я люблю тебя, Гулли, враг мой.

— Господи! — заорал он. — Зачем ты это сде-

лала? Ты же была на «Ворге», возглавляла тот мародерский рейд. Ты приказала заманить беженцев на борт и вышвырнуть их в космос. Ты приказала не подбирать меня. Зачем ты это сделала? Зачем?

— *Ты?* — бросила она. — Ты требуешь от меня извинений?

— Я требую *объяснений.*

— От меня ты их не дождешься.

— Кровь и деньги, сказал твой отец. Он был прав. О сука! Сука, сука!

— Кровь и деньги, да. Я не стыжусь страсти к ним.

— Оливия, я тону. Брось мне спасательный круг…

— Ну и тони. Меня никто никогда не пытался спасти… Хотя нет. Нет, дорогой мой. Всё не так. Погоди. — Она собралась с мыслями и снова заговорила полным нежности голосом: — Я могла бы придумать правдоподобную ложь, Гулли, и сделать так, чтоб ты в нее поверил, но не стану. Есть простое объяснение. Я живу своей жизнью. Мы все живем своими жизнями.

— А в чем твоя жизнь?

— Она не слишком отлична от твоей. От жизней остальных — тоже. Я обманываю. Я мошенничаю.

Я разрушаю. Как и мы все. Я преступница. Как и все мы.

— Но зачем? Ради денег? Тебе не нужны деньги.

— Не ради денег.

— Ради контроля… власти?

— Не ради власти.

— Зачем же тогда?

Она глубоко вздохнула, словно ответ явился ей только что и обрушился сокрушительной тяжестью.

— Чтобы отомстить вам всем.

— За что?

— За то, что я слепа, — сказала она сдавленным ненавидящим голосом. — За то, что надо мной издеваются. За то, что я беспомощна. Лучше бы меня убили, когда я только родилась. Ты знаешь, что такое быть слепой? Чувствовать себя человеком второго сорта? Зависимой, инвалидкой, дармоедкой? Я решила построить свою тайную жизнь так, чтобы и всех остальных затащить на свой уровень. Если они уже слепы, сказала я себе, сделаю их еще более слепыми. Если они беспомощны, изуродую их. Отплачу им всем. Всем.

— Оливия, ты безумна.

— А ты?

— Я люблю тебя, мое чудовище.

— Мы пара чудовищ.

— Нет!

— Нет? — вспыхнула она. — Думаешь, ты лучше? А чем ты был занят? Ты пытался отомстить миру точно так же, как это делала я! Что есть твое возмездие, как не попытка свести счеты с Роком? Любой назовет тебя чудовищем, безумцем! Я тебе говорю, Гулли, мы два сапога пара. Мы не могли не влюбиться друг в друга.

Истина, заключенная в ее словах, надломила его. Он попытался примерить эту картину на себя. Она идеально совпала с тигриной маской на лице.

— Ты права, — медленно сказал он. — Я ничем не лучше тебя. Даже хуже. Но, клянусь Богом, никогда я не убивал шестьсот человек просто так.

— Ты убил шесть миллионов человек.

— Что?!

— А возможно, даже больше. У тебя есть средство, способное положить конец войне. Ты скрываешь его.

— Ты говоришь о ПирЕ?

— Да.

— И какую такую великую миротворческую миссию способны сотворить эти двадцать фунтов

чуда?

— Не знаю, но мне точно известно, что им они нужны. Впрочем, мне плевать. Я с тобой откровенна, и мне плевать. Пускай себе миллионы дохнут. Какая нам разница? Нам, Гулли, никакой разницы. Мы себе отделимся и создадим собственный мир. Мы сильные, мы выживем.

— Мы прокляты.

— Мы благословенны. Мы ведь нашли друг друга.

Внезапно девушка расхохоталась и воздела руки к потолку.

— Черт, я с тобой спорю, но слова здесь не нужны… Иди же ко мне, любовь моя. Где бы ты ни был, приди ко мне…

Он коснулся ее и обнял. Отыскал ее губы и насладился ими, но потом заставил себя разжать объятия.

— Ну что с тобой, милый Гулли?

— Я больше не ребенок, — сказал он устало. — Я научился понимать, что в жизни ничто так просто не бывает. Не бывает простых ответов. Можно кого-то любить и одновременно ненавидеть.

— Ты можешь, Гулли?

— И ты принуждаешь меня ненавидеть себя.

— Нет, нет, мой дорогой…

— Я всю свою жизнь был тигром. Я тренировался, учился, растягивал путы, превращался в еще более сильного тигра, с клыками подлиннее и зубами поострее, быстрого и смертоносного, а потом еще более…

— Ты такой. Ты и есть самый смертоносный из тигров.

— Нет. Я зашел слишком далеко. Я изжил простые ответы. Я научился мыслить. Я смотрю в твои слепые глаза, моя любовь, и понимаю, что я тебя ненавижу, и смотрю на свое отражение. Тигр исчез.

— Куда бы он мог скрыться? Некуда ему бежать. Ты в ловушке, Гулли. Тебя окружили Дагенхэм, Разведка, мой отец и весь мир.

— Я знаю.

— Но со мной ты будешь в безопасности. Вместе мы будем в безопасности, мы двое. Они даже не подумают искать тебя рядом со мной. Мы станем вместе планировать, вместе сражаться, вместе уничтожим их…

— Нет. Не вместе.

— Что, опять? — вспыхнула девушка. — Ты все еще охотишься на меня? В этом все дело? Ты все еще жаждешь мести? Ну ладно, бери меня. Вот она я. Давай. Вперед. Уничтожь меня.

— Нет. С уничтожением я покончил.

— А, я поняла. — В мгновение ока она снова сделалась нежна. — Это все твое лицо, бедный мой, дорогой мой. Ты стыдишься своего тигриного лица. Но я его как раз и люблю. Ты так светло горишь. Твое сияние пробивает пелену моей слепоты. Поверь мне!..

— Господи, ну и парочка же мы! Гнусные уроды.

— Что с тобой? — требовательно спросила она, оторвалась от него, сверкнув коралловыми глазами. — Где тот человек, с которым мы вместе наблюдали бомбардировку? Где бесстыдный дикарь, который…

— Его больше нет, Оливия. Мы его потеряли. Мы оба.

— Гулли!

— Мы его потеряли.

— Но почему? Что я такого сделала?

— Тебе не понять, Оливия.

— Где ты? — потянулась она к нему, тронула руками, прильнула. — Послушай, милый мой. Ты устал, ты изможден, вот и все. Ничто не потеряно. — Слова полились из нее бурным потоком. — Ты прав. Конечно, ты прав. Мы были ужасными людьми. Мы оба. Достойными презре-

ния. Отвратительными. Но теперь все прошло, и ничто не потеряно. Мы считали себя проклятыми, потому что были одиноки и несчастны. Но мы нашли друг друга, мы спасем друг друга любовью. Всегда будь со мной, останься со мной навеки, милый, я так долго тебя ждала, так долго надеялась, молила…

— Нет. Ты лжешь, Оливия, и тебе самой это известно.

— Гулли, ну бога ради!

— Сажай «Воргу», Оливия.

— Сажать?

— Да.

— На Терру?

— Да.

— Что ты собираешься делать? Ты обезумел. Они за тобой охотятся. Они ждут тебя. Что ты собрался делать?

— Думаешь, мне легко? — сказал он. — Я делаю то, что должен. Меня гонит судьба, а от судьбы еще никто не ушел. Но наездница сменила позу в седле, и шпоры вонзились глубоко, ох как глубоко. Как мне больно. Адски больно!

Он с трудом подавил гнев и восстановил контроль над собой. Взял ее за руки и поцеловал ладони.

— Все кончено, Оливия, — сказал он тихо. — Но я буду тебя любить. Всегда. Вечно.

— Давайте я подытожу, — проворчал Дагенхэм. — В ту ночь, когда мы идентифицировали Фойла, упали бомбы. Мы потеряли его на Луне и нашли неделю спустя на Марсе. Нас снова забросали бомбами. Мы снова его потеряли. Он пропал еще на неделю. Надо полагать, на очереди третья бомбардировка. Какую из Внутренних Планет они выберут? Венеру? Луну? Снова Терру? Кто его знает. Однако вот в чем мы можем быть уверены: еще один такой рейд, оставленный без адекватного ответа, и мы проиграли войну.

Он оглядел собравшихся за столом. Его лицо, как и лица остальных собеседников на совещании в отделанной золотом и слоновой костью Звездной палате замка Престейнов, выглядело напряженным. Ян-Йеовил задумчиво щурился. Престейн поджал тонкие губы.

— И вот что еще нам известно наверняка, — продолжил Дагенхэм. — Мы не сможем дать такой ответ без ПирЕ. А до ПирЕ мы не доберемся без Фойла.

— Я велел не упоминать о ПирЕ публично, — влез Престейн.

— Во-первых, у нас тут не публичная дискус-

сия, — отпарировал Дагенхэм. — Это частная информационная заводь. Во-вторых, ситуация уже накалилась до предела. Не время обсуждать права собственности. Мы обсуждаем выживание. У нас у всех здесь равные совещательные голоса. Джиз, что там?

В Звездную Палату джонтировала суровая и решительная Джизбелла Макквин.

— По-прежнему никаких следов Фойла.

— Старый собор С-П патрулируют?

— Да.

— Поступил ли доклад от бригады коммандос с Марса?

— Это мое дело, — мягко возразил Ян-Йеовил, — и притом совершенно секретное.

— У вас от меня так же мало секретов, как у меня от вас, — безрадостно усмехнулся Дагенхэм. — Поглядим, сумеет ли Джиз вернуться из Центральной Разведки с этим рапортом на руках. Отправляйся.

Она исчезла.

— Так вот, насчет прав собственности, — промурлыкал Ян-Йеовил. — Я вправе засвидетельствовать Престейну от имени Центральной разведки, что все его права на ПирЕ, а равно сопряженные с вышеозначенными правами

титулы и бизнес-интересы найдут надлежащее отражение в исчерпывающей материальной компенсации.

— Не нужно ему зубы заговаривать, Йеовил.

— Это совещание записывается, — холодно ответил Престейн, — и предложение капитана было занесено в файл. — Он повернул лицо василиска к Дагенхэму. — Я вас нанял, мистер Дагенхэм. Пожалуйста, будьте повежливее в том, что меня касается.

— И вашей собственности? — уточнил Дагенхэм с жуткой усмешкой. — Вас и вашей гребаной собственности? Да если хотите знать, без вас и вашей гребаной собственности мы бы не сидели в такой заднице, как сидим. Система на краю полного взаимоуничтожения. А все ради сохранности вашей драгоценной собственности. Я ведь не преувеличиваю. Эта война положит конец всем войнам, если мы не найдем способа ее остановить.

— Всегда можно сдаться, — ответствовал Престейн.

— Э, нет, — сказал Ян-Йеовил. — Этот вариант уже обсуждался на брифинге в штаб-квартире ЦР и был отброшен. Нам стали известны планы Внешних Спутников на случай победы. Они

намереваются развернуть полномасштабную эксплуатацию Внутренних Планет. Они нас запрягут надрываться за хлеб и воду, пока тут не останется ничего ценного. Сдаться мы не можем. Это будет хуже поражения.

— Но не для Престейна, — съехидничал Дагенхэм.

— Допустимо ли продолжать беседу… в нынешнем составе участников? — вежливо осведомился Ян-Йеовил.

— Ладно, Престейн, — Дагенхэм со вздохом опустился в свое кресло. — Выкладывайте.

— Простите, сэр?

— Выкладывайте все, что у вас есть на ПирЕ. У меня есть одна идейка, как нам выманить Фойла из берлоги и определить местонахождение этой хрени, но прежде я хотел бы узнать, что оная хрень собой представляет. Я попросил бы вас сделать свой вклад в дискуссию.

— Нет, — сказал Престейн.

— Что значит *нет*?

— Я вылезаю из этой уютненькой информационной заводи. Я ничего не расскажу вам про ПирЕ.

— Господи, Престейн! Вы сдурели? Что с вами? Снова решили пободаться с либеральной парти-

ей Регриса Шеффилда?

— Все куда проще, Дагенхэм, — вмешался Ян-Йеовил. — Моя обмолвка о ситуации с шансами в случае поражения или сдачи указала Престейну путь. Без сомнения, он сейчас прикидывает, как бы повыгоднее продать свою информацию врагу.

— Вы что, совсем бесчувственны? — едко спросил Престейна Дагенхэм. — Вас вообще ничто не колышет, кроме своих прав и своей долбаной собственности? Джиз, уходи! Все полетело к чертям собачьим.

Но Джизбелла уже джонтировала в Звездную палату.

— Я получила доклад бригады коммандос, — сказала она. — Мы теперь знаем, что случилось с Фойлом.

— И что?

— Он в руках Престейна.

— Что?! — Дагенхэм и Ян-Йеовил, не сговариваясь, подскочили из кресел.

— Он улетел с Марса на частном корабле. Его подбили. Коммандос видели, как его подобрал другой корабль. Это была престейновская «Ворга».

— Да черт же тебя дери, Престейн, — выплюнул Дагенхэм. — Так вот почему ты…

— Погоди, — скомандовал Ян-Йеовил. — Он поражен не меньше нашего, Дагенхэм. Взгляни на него.

Красивое лицо Престейна приобрело пепельный оттенок. Он с трудом привстал и без сил повалился обратно.

— Оливия… — прошептал он. — Она его… этого мерзавца…

— Престейн?

— Джентльмены, моя дочь… уже некоторое время вовлечена в определенные занятия… семейный порок, страсть к деньгам и крови. Я как мог закрывал на это глаза. Я почти убедил себя, что ошибался. Я… Но Фойл! Мразь! Подонок! Шваль! Его надо уничтожить! — Голос Престейна подозрительно задребезжал. Шея его выгнулась, искривилась, как у повешенного, и он забился в конвульсиях.

— Что за…

— Эпилептический припадок, — сказал Ян-Йеовил и вытащил Престейна из кресла на пол. — Ложку, мисс Маккуин, быстро ложку! — Он вставил ложку между зубов Престейна, чтобы тот не прокусил язык. Внезапно — так же быстро, как и начался, — припадок прошел. Престейн перестал дергаться и открыл глаза. — Petit

mal[47], — пробормотал Ян-Йеовил. — Некоторое время он будет не в себе.

Неожиданно Престейн заговорил низким монотонным голосом.

— ПирЕ — это пирофорный сплав. Пирофор — металл, который искрит при царапании или ударе. ПирЕ излучает энергию, отсюда символ Е. Знак энергии в сочетании с префиксом *пир-*. ПирЕ — это твердый раствор трансплутониевых изотопов, высвобождающий термоядерную энергию с общим энерговыходом порядка величин внутризвездной феникс-реакции[48]. Первооткрыватель считал, что ему удалось получить эквивалент первозданной протоматерии, взрыв которой положил начало Вселенной.

— О боже! — вскрикнула Джизбелла.

Дагенхэм жестом велел ей замолчать и склонился над Престейном.

— Как именно накапливается критическая масса, Престейн? Как высвобождается энергия?

— Так же, как высвобождалась изначальная

---

[47] Примечания: 47

Малая форма эпилептического припадка (*фр.*).

[48] Примечания: 48

В современной науке и фантастике термоядерными обычно называют только реакции ядерного синтеза с участием легких элементов. — *Примеч. перев.*

энергия, в точке отсчета времени, — тоном автомата отвечал Престейн. — Посредством Идеи и Воли.

— Я бы заподозрил в нем подпольного христианина[49], — пробормотал Дагенхэм в сторону Ян-Йеовила и возвысил голос: — Престейн, объясни.

— Посредством Идеи и Воли, — повторил Престейн механически. — ПирЕ может сдетонировать только от психокинетического воздействия. Его энергия высвобождается лишь силою мысли. Следует направить на него мысль и вложить в нее желание детонации. Таков единственный способ.

— И нет никакого кода? Никакой формулы?

— Нет. Необходимы только Идея и Воля.

Остекленевшие глаза Престейна закрылись.

— О Господь на небесах! — Дагенхэм заломил бровь. — Что скажешь, Йеовил? Это заставит Внешние Спутники подумать?

— Это всех нас заставит подумать.

— Это путь в ад, — сказала Джизбелла.

— Тогда отыщем на нем развилку и пойдем

---

[49] Примечания: 49

Концепция ПирЕ и его детонации силой Идеи и Воли скорее напоминает учение Алистера Кроули о Телеме; отрицать знакомство Бестера с ним нет оснований. — *Примеч. перев.*

своим путем. Йеовил, я вот что думаю. Фойл ведь возился с этой адовой смесью в своей лаборатории, в старом соборе С-П, пытаясь ее проанализировать.

— Я тебе рассказала это под строгим секретом, — разъярилась Джизбелла.

— Прости, дорогая, не время сейчас соблюдать уговоры и прочие телячьи нежности. Теперь, Йеовил, смотри: там должны были остаться какие-то следы… в виде порошка, раствора, осадка. Мы могли бы взорвать эти отходы и поднять весь чертов цирк шапито Фойла на воздух.

— Зачем?

— А мы его выманим. Он наверняка обеспокоится состоянием остального ПирЕ и побежит туда, где прячет главную его часть.

— А если это ПирЕ тоже взорвется?

— Не может. Во всяком случае, внутри инертсвинецизомерного сейфа.

— Может быть, там не все вещество.

— Джиз говорит, что всё. По крайней мере, так ей сказал Фойл.

— Избавьте меня от этого, пожалуйста, — вставила Джизбелла.

— Придется рискнуть.

— Рискнуть! — воскликнул Ян-Йеовил. — Ты

хоть соображаешь, что будет, если мы воспроизведем феникс-реакцию? Вся Солнечная система превратится в сверхновую.

— А что нам еще осталось? Любой другой путь также приведет нас к уничтожению. Разве у нас есть из чего выбирать?

— Можем подождать, — сказала Джизбелла.

— Чего нам ждать? Чтобы Фойл взорвал себя во время неудачного опыта?

— Можем его остеречь.

— Мы не знаем, где он.

— Его можно найти.

— И как быстро? Не будет ли и это ставкой выше жизни? Как насчет следовых количеств ПирЕ, которые затерялись и ждут, пока кто-нибудь мыслеэнергетизирует их? Представь себе, что сейф находят и взламывают джек-джонтеры, охотники за драгоценностями. Если это произойдет, нам придется думать не о следовых количествах, а обо всех двадцати фунтах.

— И что ты решил?

— Взрываем. Фойл выбежит и приведет нас туда, куда нам и надо.

— Нет! — вскричала Джизбелла.

— Как? — не обратил на нее внимания Дагенхэм.

— У меня есть человек, идеально подходящий для такой работы. Телепередатчик. Ее зовут Робин Уэнсбери.

— Когда?

— Так-так, не всё сразу. Мы расчистим окрестности. Мы подготовим прямую трансляцию для новостных служб и покажем через широкополосное вещание. Если Фойл прячется где-нибудь на Внутренних Планетах, он услышит об этом.

— Не *об этом*, — в отчаянии вымолвила Джизбелла. — Он услышит *это*. И мы все это услышим. Последнее, что нам доведется услышать.

— Идея и Воля, — прошептал Престейн.

Обычно, возвращаясь с бурного заседания ленинградского гражданского суда, Регис Шеффилд был крайне доволен собой, точно бойцовый петух, победивший в решающей схватке на крупном турнире. Так и на сей раз. Он заглянул в Берлин, к Блекманну, выпил с ним и посудачил немного о войне, заскочил к законникам на Ке Д'Орсе для другого, более продолжительного разговора о войне и, наконец, провел третью за день встречу: в ресторане «Кожа да кости» напротив Темпл-бара. В Нью-Йорк он вернулся уже порядком навеселе. Пробираясь по опасно качавшимся коридорам и комнатам, он повстречал секретаря

с охапкой мнемокристаллов.

— Я обвел Джарго-Данченко вокруг пальца! — торжествующе сообщил ему Шеффилд. — Я добился осуждения с полной конфискацией! Старый ДД был красный, как вареный рак. Теперь счет 11:5 в мою пользу.

Он взял мнемобусинки, принялся ими жонглировать и швырять в разные места по всему офису, не исключая и разинутого от изумления рта клерка.

— Мистер Шеффилд, да вы пьяны!

— Все, на сегодня никакой больше работы. Новости с войны так напрягают! Надо немножко повеселить себя. Прошвырнемся по улицам? Шлюх снимем?

— Мистер Шеффилд!

— Ну что, неужели меня ждет кто-то, кому недосуг прийти завтра?

— В вашем офисе один джентльмен.

— Ты его завел так далеко? — изумился Шеффилд. — Он вообще кто? Господь Бог?

— Он не станет называть себя. Он дал мне это.

Секретарь протянул Шеффилду запечатанный конверт. На нем было нацарапано единственное слово: СРОЧНО. Шеффилд разорвал конверт, пьяно ухмыляясь в предвкушении сюрприза. Потом

глаза его полезли на лоб: в конверте лежала пара банкнот. Пятьдесят тысяч кредитов каждая. Шеффилд без звука развернулся и помчался в свой офис. Фойл встал из кресла.

— Они настоящие! — воскликнул Шеффилд.

— Насколько мне известно, да.

— В прошлом году отпечатали ровно двадцать таких банкнот. Все они на депозитах в терранских казначействах. Как вам удалось раздобыть эти?

— Я говорю с мистером Шеффилдом?

— С кем же еще? Как вы достали эти банкноты?

— Я подкупил кое-кого.

— С какой целью?

— Я решил, что в будущем они мне пригодятся.

— Для чего? Для другой взятки?

— Если адвокатские гонорары теперь стали так называть, то — да.

— У меня свои источники дохода, — сказал Шеффилд, швыряя банкноты назад Фойлу. — Если я решусь взяться за ваше дело и уверюсь, что овчинка для вас стоит выделки, можете предложить их мне снова. Что у вас?

— Криминал.

— Не слишком прозрачное определение. И…

— Мне нужно сдаться.

— Сдаться полиции?

— Да.

— За какое преступление?

— За преступления.

— Назовите два.

— Грабеж. Изнасилование.

— Еще два.

— Шантаж и убийство.

— А еще?

— Измена и геноцид.

— Есть еще что в запасе?

— Думаю, да. Если постараться, наскребем на несколько.

— А вы не теряли времени зря, гм? Вы либо атаман разбойников, либо безумец.

— Я был ими обоими, мистер Шеффилд.

— Отчего вы захотели сдаться?

— Я пришел в себя, — горько ответил Фойл.

— Я не об этом. Преступник обычно не сдается, если опережает своих преследователей. Вы явно опережаете их. Какой вам смысл так поступать?

— Со мной случилась самая пакостная штука, которая только может произойти с человеком. Я подцепил редкую болезнь под названием совесть.

Шеффилд фыркнул.

— Эта болезнь зачастую приводит к летальному исходу.

— Она приведет. Я осознал, что веду себя как зверь.

— И поэтому захотели покарать себя?

— Нет, все не так просто, — мрачно отвечал Фойл. — Вот почему я к вам явился. Вы поможете мне с главной хирургической операцией. Человек, который восстает против морфологической структуры социума, подобен раковой опухоли. Человек, который ставит свою волю выше общественной, называется преступником. Но это лишь цепная реакция. Покарать себя через общественное наказание недостаточно. Надо все искупить. Свести счеты. Молю Бога, чтобы их удалось свести, просто сослав меня назад в Гуфр-Мартель или пристрелив меня…

— *Назад?* — вскинулся Шеффилд.

— Нужны подробности?

— Еще нет. Продолжайте. Создается такое впечатление, словно у вас острый приступ этических колик.

— Именно так! — Фойлу не сиделось, он стал прохаживаться по комнате, нервно комкая банкноты пальцами. — Все так и даже скверней, Шеффилд. Есть девушка, которая должна поне-

сти наказание за чудовищное, омерзительное преступление. Я ее люблю, но… ладно, забудем. Она — раковая опухоль, которую следует иссечь, совсем как я. Я обязан о ней донести. Сдать полиции одного только себя недостаточно.

— Что вы несете?

Фойл развернулся к Шеффилду.

— Одна из новогодних бомб только что вошла к вам в офис, приняв человеческий облик, и говорит: «Сделай все как было. Упакуй меня обратно в свинец и отправь назад. Собери воедино руины города, который я спалила, и воскреси людей, которых я убила». Вот зачем я намерен вас нанять. Не знаю, как себя чувствуют обычные преступники, но…

— Вообще говоря, они испытывают досаду, как бизнесмены, которым перестало фартить, — честно ответил Шеффилд. — Вот как обычно чувствует себя профессиональный преступник. Вполне очевидно, что вы любитель, если вообще совершили хоть одно преступление. Дорогой сэр, будьте же благоразумны. Вы явились ко мне нагромоздить экстравагантную кучу самообвинений в грабеже, изнасиловании, убийстве, геноциде, измене и бог знает чем еще. Вы действительно полагаете, будто я вам поверю?

Тут в офис джонтировал Кролик, ассистент Шеффилда.

— Шеф! — восторженно воскликнул он. — У нас та-а-акое дело! Наконец хоть что-то новенькое! Лич-джонт![50] Два пацанчика наняли молоденькую шлюху класса С… Ой, извините. Не думал, что у вас тут… — Кролик осекся и застыл, разинув рот.

— *Формайл?* — выдохнул он.

— Ты чего? — раздраженно вскинулся Шеффилд. — Кто?..

— Шеф, а вы разве не знаете, *кто* этот человек? — обалдел Кролик. — Да это же Формайл с Цереры! Гулли Фойл!

Более года назад Регису Шеффилда гипнотически обработали и запрограммировали для этого мига. Тело его среагировало бессознательно, молниеносно. За полсекунды он уложил Фойла тройным ударом в висок, кадык и пах. Решено было не применять оружие, потому что оружия под рукой могло не оказаться.

Фойл рухнул. Шеффилд развернулся в сторону Кролика и одним пинком послал его в полет че-

---

[50] Примечания: 50

Одно из жаргонных значений lech — «любитель подглядывать девушкам под юбки». Видимо, в данном случае лучше всего подходит именно это прочтение. — *Примеч. перев.*

рез весь офис. После этого он плюнул на ладонь. Решено было не применять наркотиков, потому что наркотиков в зоне досягаемости могло не оказаться. Слюнные железы Шеффилда, реагируя на ключевую стимуляцию, выделили анафилактический токсин. Он распорол рукав одежды Фойла, глубоко расцарапал ему руку у локтя ногтем и смазал порез слюной. Потом стянул края раны.

С губ Фойла слетел странный вопль, и татуировка ярко проступила на его лице. Прежде чем ассистент успел хоть шевельнуться, Шеффилд взвалил Фойла на закорки и джонтировал. Он возник в центре Четырехмильного цирка, в старом соборе Святого Патрика. Решение неординарное, но тщательно просчитанное. Там его стали бы искать в последнюю очередь, и в то же время это место было первым, где он мог надеяться обнаружить ПирЕ. Он был готов отразить любое нападение, но цирк оказался пуст. Пустые палатки посреди нефа кое-где были изодраны: тут уже похозяйничали мародеры. Шеффилд сунулся в первую же палатку и обнаружил, что это библиотека Формайла: тот везде возил за собой сотни книг и тысячи сверкающих романочеток. Джек-джонтеров литература не интересовала. Шеффилд сгрузил Фойла на пол и только после

этого выхватил из кармана пистолет.

Веки Фойла затрепетали. Глаза распахнулись.

— Ты под наркотиками, — быстро произнес Шеффилд. — Не пытайся джонтировать. Не делай резких движений. Я тебя предупреждаю: я готов на все.

Фойла мутило, но он попытался встать на четвереньки. Шеффилд выстрелил и попал ему в плечо. Фойла отшвырнуло на каменный пол. Он потерял дар речи и почти не соображал, что творится. В ушах ревело, по кровеносной системе гуляла отрава.

— Я тебя предупреждаю, — повторил Шеффилд. — Я готов на все.

— Чего ты хочешь? — прошептал Фойл.

— Во-первых, мне нужны двадцать фунтов ПирЕ. Во-вторых, и это важнее, мне нужен ты.

— Ты идиот! Придурок! Я же пришел к тебе сдаться…

— ВС?

— Кому?

— Внешним Спутникам? Тебе, что ли, показать, как это пишется?

— Нет… — пораженно пробормотал Фойл. — Я должен был сообразить. Безупречный патриот Шеффилд — агент ВС. Я должен был догадаться.

Какой же я дурак!

— Ты, Фойл, самый ценный дурак в мире. Ты нам нужен даже больше, чем ПирЕ. Ты представляешь неизвестную ценность, но мы знаем, кто ты есть.

— Ты о чем?

— Господи! Ты ведь не знаешь? Ты все еще не вспомнил. Ты даже не догадывался, гм?

— О чем?..

— Послушай меня, — сказал Шеффилд тяжелым гулким голосом. — Я возвращаю тебя на два года назад, на борт «Кочевника». Понимаешь? Назад на «Кочевник». Корабль погиб. Один из наших рейдеров подбил его. Ты единственный из команды выжил.

— Так, значит, «Кочевника» уничтожил корабль ВС?

— Да. Ты не помнишь?

— Я ничего не помню. Я ни разу ничего не вспомнил.

— Я тебе скажу, почему. У капитана рейдера появилась отличная мысль. Тебя сделали приманкой. Наживкой. Подсадной уткой. Понимаешь? Ты был при смерти, но тебя забрали на борт и вылечили. Потом тебя запихнули в скафандр и выкинули в космос, включив микроволновой

передатчик. Ты передавал сигнал бедствия в широком диапазоне. Ты молил о помощи на всех волнах. Они рассчитывали, что какой-нибудь корабль ВП проследует мимо и свернет тебя подобрать, а они в это время выскочат из засады.

Фойл начал смеяться.

— Я встаю, — беспомощно проговорил он. — Если хочешь, стреляй, сукин сын, но я поднимаюсь. — И он поднялся, массируя простреленное плечо. — Значит, «Ворга» и не должна была меня подбирать…

Фойл захохотал.

— Я был приманкой. Вокруг меня — смерть каждому, кто приблизится. Я был предателем, птичьим манком, наседкой. Разве это не забавно? Последняя издевка судьбы. «Кочевника» вообще не имели права спасать. У меня не было никакого права мстить.

— Ты по-прежнему не понимаешь, — веско сказал Шеффилд. — На «Кочевнике» никого не было, когда тебя выбросили в космос. Они были за шестьсот тысяч миль от «Кочевника».

— Шестьсот ты…

— «Кочевник» находился слишком далеко от обычных корабельных трасс. Они же хотели сделать тебя приманкой для судов. Они отвезли тебя

на шестьсот тысяч миль к Солнцу и выпустили в космос. Они опустили тебя через воздушный шлюз и выкинули в пространство. Твой скафандр замигал, засемафорил, принялся молить о спасении на микроволнах. Потом ты исчез.

— Как исчез?

— Тебя не стало. Ни семафорных огней, ни широкополосного сигнала. Они вернулись проверить. От тебя не осталось и следа. Следующее, что мы знаем наверняка: ты снова очутился на борту «Кочевника».

— Это невозможно!

— Человече, ты хоть соображаешь, что ты *джонтировал в космосе*? — яростно выплюнул Шеффилд. — Ты был без сознания, тебя била лихорадка, тебя залатали вкривь и вкось, и ты *джонтировал в космосе*! Ты переместился на шестьсот тысяч миль через пустоту к обломкам «Кочевника»! Ты сотворил нечто невиданное. Одному Богу ведомо, как. Ты сам не знаешь, но мы это узнаем! Я забираю тебя на Спутники, и мы выясним, в чем твой секрет. Если понадобится, вырежем.

Он взял Фойла за горло сильной рукой, а другой нацелил на него пистолет.

— Но сперва мне нужно ПирЕ. Ты мне его от-

дашь, Фойл. Не думай, что ты увернешься.

Он хлестнул Фойла по лицу стволом.

— Я с тобой сделаю все, что понадобится. Не думай, что я не осмелюсь.

Он снова и снова бил Фойла — методично, метко, с холодной жестокостью.

— Если ты искал себе кары, чувак, то могу тебя поздравить, ты ее нашел!

Кролик, похожий на перепуганного кролика, выскочил с общественной джонт-платформы Файв-Пойнтс и помчался ко входу в нью-йоркское отделение Центральной разведки[51]. Он пронесся мимо заградительного кордона, где охрана считала ворон, проскакал противоджонтовый лабиринт и углубился в офисный комплекс. Когда он очутился там, за ним уже висел длинный хвост запыхавшихся преследователей. Более квалифицированные втихомолку джонтировали перед ним, рассредоточились и стали выжидать.

— Йеовил! — визжал Кролик. — Йеовил! Йеовил!

---

[51] Примечания: 51

Файв-Пойнтс — местность на нижнем Манхэттене. Юмор фразы в том, что отделение Центральной разведки волей Бестера воздвигнуто в самом что ни на есть бандитском районе старого Нью-Йорка, рассаднике всяческой заразы и преступности. В наше время этот район плотно застроен высотными зданиями, и от былой его лихой славы не осталось ничего. — *Примеч. перев.*

Не сбавляя скорости, он переворачивал столы, раскидывал стулья, сеял опустошение на своем пути.

— Йеовил! — выкликал он жалобно. — Йеовил! Йеовил!

За миг до того, как охранники избавили бы Кролика от земных скорбей, появился Ян-Йеовил.

— Что за галдеж? — бросил он. — Я же приказывал, чтоб не мешали мисс Уэнсбери. Нужна абсолютная тишина!

— Йеовил! — завопил Кролик.

— Кто это?

— Ассистент Шеффилда.

— Что?.. Кролик?

— Фойл! — простонал Кролик. — Гулли Фойл!

Ян-Йеовил покрыл отделявшую его от Кролика дистанцию (пятьдесят футов) ровно за 1,66 секунды.

— Что — Фойл?

— Шеффилд его нашел, — выдохнул Кролик.

— *Шеффилд*? Когда?!

— Полчаса назад.

— Почему он его сюда не…

— Он его похитил. Думаю, Шеффилд — агент ВС.

— Почему ты сразу не явился?

— Шеффилд джонтировал вместе с Фойлом… вырубил его и уволок… я стал их искать. Везде искал. Везде. Я, наверное, полсотни джонтов за двадцать минут сделал…

— Ну что за любительщина! — отчаянно воскликнул Ян-Йеовил. — Ну почему ты не мог оставить это дело профи?

— Я их нашел.

— Ты их нашел? Где?

— В старом соборе С-П. Шеффилд был в…

Но Ян-Йеовил уже круто развернулся на пятках и ринулся назад по коридору, крича:

— Робин! Робин! Стой! Стой!

По ушам ударил оглушительный взрыв.

Глава 15

Подобно кругам, расходящимся по воде в пруду, распространялись Идея и Воля, отыскивая, активируя и спуская тончайший субатомный триггер ПирЕ. Мысль находила частички, пыль, дым, испарения, молекулы. Идея и Воля трансформировали всё.

На Сицилии, где доктор Франко Торре месяц напролет бился над разгадкой тайны одной из пулек ПирЕ, остатки экспериментальных растворов и выпавшие из них осадки сливали по канализационной трубе в море. Средиземноморские течения разносили их по морскому дну. В мгновение ока увенчанная пенной шапкой волна высотой пятьдесят футов зародилась на всем пути осадков, от Сардинии на северо-востоке до Триполи на юго-западе. За микросекунду гладь Средиземного моря вздыбилась исполинским водяным червяком, закрутившимся вокруг островов Пантеллерия, Лампедуза, Линоза и Мальта.

Некоторые отходы сгорали, уносились через вытяжные трубы дымом и паром, дрейфуя на сотни миль, прежде чем осесть. Эти малюсенькие частицы проявили себя в Марокко, Алжире, Ли-

вии и Греции слепящими точечными взрывами необыкновенной яркости и интенсивности.

Некоторые продолжали дрейфовать в стратосфере и обнаружили свое присутствие бриллиантовыми вспышками, похожими на звезды, видимые днем.

В Техасе, где столь же изматывающие и безрезультатные исследования с ПирЕ проводил профессор Джон Мантли, большую часть отходов спускали в старую нефтяную скважину, где заодно накапливались и радиоактивные стоки. Глубинные скважинные воды растворили их и мало-помалу разнесли по территории общей площадью приблизительно десять квадратных миль. Этот участок стал похож на corduroy[52]. Огромное нетронутое месторождение природного газа обрело выход, и на поверхности от искр, порожденных ударами друг о друга летавших во все стороны валунов, вспыхнул ревущий факел высотой футов двести.

Миллиграмм ПирЕ пристал к давно выброшенному и позабытому кружочку фильтровальной бумаги, пропутешествовал в баке для мусора на

---

[52] Примечания: 52

Разновидность вельветовой или хлопковой ткани с параллельным рисунком волокон и отчетливыми вдавленными впадинками. — *Примеч. перев.*

переработку этого бака в типографскую форму и окончил свое существование, испепелив поздней ночью весь тираж свежего выпуска «Глазго обзервер». Частичка ПирЕ вместе с лабораторным дымом осела на листочке бумаги, претерпевшем сходные трансформации и погубившем теперь благодарственную записку леди Шрапнель, а также еще тонну почты первого класса.

Случайно пропитавшийся кислым раствором ПирЕ, давно забытый в кармане рубашки носовой платок вспыхнул ярким пламенем под норковой шубой джек-джонтера и в мгновение ока ампутировал ему запястье и руку. Децимиллиграмм ПирЕ, задержавшийся на пепельнице, которая в предыдущем воплощении была испарительным стеклышком, учинил пожар, полностью погубивший офис некоего Бэйкера, торговца уродами и коллекционера чудовищ.

На всех широтах и долготах планеты вспыхивали изолированные пожары и звучали серии взрывов, зажигались фейерверки, загорались точечные молнии и проносились огненные метеоры. Землю перепахивали огромные кратеры и узкие трещины, ее чрево рвалось изнутри и извергало глубинные отложения наружу.

В старом соборе Святого Патрика, в лабора-

тории Формайла, наличествовало не менее десятой доли грамма ПирЕ. Остаток вещества был надежно укрыт от случайной или намеренной психокинетической детонации в сейфе из инертсвинецизомера. Детонация десятой доли грамма высвободила колоссальную энергию. Стены собора рухнули, потолки обвалились, полы разошлись, будто в подземельях располагался эпицентр землетрясения. Старинное здание конвульсивно затряслось. Контрфорсы поддерживали валящиеся колонны долю секунды, а потом обрушились тоже. Башни, шпили, колонны, арки, крыши всесокрушающей лавиной неслись во чрево колоссального кратера, развернутого в полу нижнего уровня. Стоило подуть ветерку или донестись далекой вибрации, как обрушение возобновлялось, стремясь к шаткому равновесию, пока весь кратер не оказался заполнен измельченными обломками грандиозной постройки.

Взрыв высвободил тепло, сопоставимое с выделяемым в недрах звезды, зажег сотни пожаров и переплавил древний толстый слой меди на обрушенной крыше. Если бы сдетонировал еще миллиграмм ПирЕ, тепла бы хватило, чтоб моментально перевести металл в пары. Вместо

этого он раскалился добела и начал кипеть. Расплавленная медь металлопадами стекала по изувеченным сегментам крыш и прорывалась меж камней, дерева, железа и стекла. Выглядело это так, словно чудовищный плавкий грибок, внезапно обретя разум, пробивается сквозь затянувшую его паутину.

Первыми, почти сразу же, на место происшествия прибыли Дагенхэм и Ян-Йеовил. Мгновением позже появились Робин Уэнсбери и Джизбелла Маккуин. За ними последовали дюжина разведчиков и шестеро курьеров Дагенхэма, престейновская джонт-стража и полиция. Они взяли раскаленные развалины здания в кольцо. Кроме них, наблюдателей почти не было. Новогодняя атака так переполошила жителей Нью-Йорка, что сейчас одного-единственного взрыва оказалось достаточно, чтобы полгорода в панике джонтировало прочь.

Пламя устрашающе ревело, и было ясно, что обрушение еще нескольких тонн обломков в недра кратера — дело скорого времени. Присутствующим приходилось перекрикиваться и в то же время стараться не обрушить какой-то участок вибрациями голоса. Ян-Йеовил проорал новости про Фойла и Шеффилда Дагенхэму на ухо. Даген-

хэм кивнул и усмехнулся жуткой усмешкой.

— Мы должны проникнуть туда! — закричал он.

— Нужны пожарные костюмы! — заорал в ответ Ян-Йеовил.

Он исчез и вернулся с двумя белыми огнеупорными униформами чрезвычайников. Завидев, что он принес, Робин и Джизбелла закатили истерику. Двое мужчин проигнорировали их, облачились в броню из ИСИ и вступили в огненную преисподнюю.

Было похоже, что какая-то исполинская рука опустилась на собор Святого Патрика и раздавила его, перемешав дерево, камень и металл. Из всех щелей сочились ручейки расплавленной меди, медленно стекавшей в подвалы, поджигавшей дерево, раскалывавшей камень и стекло. Где медь лишь сочилась — она сияла, а где текла — плевалась во все стороны каплями добела раскаленного металла. Под грудами обломков обнаружился черный зияющий кратер. Тут раньше находилась центральная часть нефа. Взрыв расколол фундамент собора, обнажил подземелья, кельи и сокрытые глубоко под зданием потайные ходы. Эти пространства оказались заполнены хаотически перемешанными камнями, балками,

проводами, трубами, остатками палаток Четырехмильного цирка. Там все тлело и пылало. Первый ручеек меди достиг кратера, пролился в него и озарил блистающим всплеском.

Дагенхэм хлопнул Ян-Йеовила по плечу, привлекая внимание, и ткнул куда-то рукой. На полпути вниз ко дну кратера, в куче мусора, валялись человеческие останки. Это был Регис Шеффилд, четвертованный и распотрошенный взрывом. Ян-Йеовил тоже хлопнул Дагенхэма по плечу и, в свою очередь, указал на самое дно кратера. Там лежал Гулли Фойл. Еще одна струя расплавленной меди обрушилась в кратер, и в ее свете они увидели, что Фойл шевелится. Мужчины, не сговариваясь, повернулись и выбрались наружу: остыть и посоветоваться.

— Он жив.

— Но как такое возможно?

— Кажется, догадываюсь. Видишь над ним обрывки палаточного тента? Возможно, взрыв произошел относительно далеко, на другом конце собора, и палатки частично прикрыли Фойла. Потом он провалился сквозь пол так глубоко, что летевшие сверху обломки его не задели.

— Да, скорее всего. Мы должны его вытащить. Он единственный знает, где остаток ПирЕ.

— А он разве не взорвался, остаток-то?

— Если вещество было в сейфе из ИСИ, оно не взорвалось. Сейф устойчив к любым воздействиям. Он даже сейчас наверняка цел. Как нам его вытащить?

— Ну, очевидно, что спуститься туда не получится.

— Почему бы и нет?

— Один неверный шаг, и вся куча завалится окончательно. Разве ты не видишь, что туда стекает медь?

— Вижу, черт дери, вижу!

— Если мы его не вытянем в ближайшие десять минут, он утонет в меди.

— Что нам делать?

— У меня есть одна не очень надежная идея.

— Какая?

— Подвалы старых зданий RCA через дорогу. Они почти такие же глубокие, как подземелья Святого Патрика.

— И что?

— Спустимся туда и пробуравим проход. Может, удастся вытащить Фойла снизу.

Отряд вломился в старые здания RCA, уже пару поколений стоявшие заброшенными и запертыми. Они спускались на подвальный уровень,

пересекая настоящие музеи прошлых веков. Отыскав старую лифтовую шахту, они спустились до самого низа, где размещались покинутые электрические установки, теплицы и рефрижераторы. Потом полезли еще ниже, утопая по колено в грязи и отложениях доисторических слоев острова Манхэттен. Подземные ручейки и речки продолжали струиться под улицами. Держа курс примерно на восток-северо-восток, в сторону подземелий собора Святого Патрика, спасательная команда неожиданно обнаружила, что непроглядная тьма подсвечена мерцающими огнями. Дагенхэм крикнул, подзывая остальных. Взрыв развалил земляные и каменные слои, отделявшие кельи под собором от подвальных убежищ под зданиями RCA. Через дыру с рваными краями они заглядывали в огненный ад.

В пятидесяти футах от дыры лежал Фойл. Он был заключен в лабиринт труб, камней, балок, металла и проводов. Ревущее пламя озаряло его сверху и снизу. Одежда на нем тлела, татуировка ярко проступила на лице. Он слабо шевелил конечностями, как перепуганное животное.

— Господи! — воскликнул Ян-Йеовил. — Горящий Человек!

— Кто?

— Горящий Человек, которого я видел на Испанской… Ладно, сейчас не до того. Что нам делать?

— Лезть в дыру, само собой.

Внезапно рядом с Фойлом пролился ручеек добела разогретой меди. Трубное эхо всплеска прокатилось футах в десяти под его телом. За ним последовал второй ручеек, третий, и медь потекла уже настоящим потоком, заполняя дно кратера. Дагенхэм и Ян-Йеовил опустили забрала огнеупорных доспехов и протиснулись в дыру. Три минуты они потратили на отчаянные попытки пробиться сквозь лабиринт, но поняли, что до Фойла добраться не получится. Лабиринт остался проходим только изнутри, а не снаружи. Дагенхэм и Ян-Йеовил вылезли обратно и стали совещаться.

— Мы не можем к нему пролезть, — крикнул Дагенхэм, — но он может выбраться к нам.

— Ну и как? Очевидно, он не в состоянии джонтировать, иначе его бы тут уже не было.

— Нет, он мог бы оттуда вылезти. Глянь. Если он проберется налево, потом вверх, пойдет в обратную сторону, вдоль той балки, соскользнет по ней вон в том месте, протиснется сквозь проволочный узелок… Проволоку нельзя протолкнуть внутрь, поэтому мы и не сумеем до него добрать-

ся. Но ее можно вытолкнуть наружу. Он может оттуда вылезти. Это дверь в одну сторону.

Вокруг Фойла быстро накапливалась расплавленная медь.

— Если он оттуда не выберется, его заживо поджарит.

— Надо до него докричаться, рассказать ему, куда идти.

Они принялись звать его:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Горящий Человек в лабиринте продолжал слабо шевелиться. Металлопад кипящей меди усилился.

— Фойл! Сверни налево. Ты меня слышишь? Фойл! Сверни налево и поднимись там. Ты выберешься оттуда, если послушаешь меня. Поверни налево и лезь вверх. Потом… Фойл!

— Бесполезно. Он не слышит. Фойл! Гулли! Ты нас слышишь?

— Пошлем-ка за Джиз. Может, к ней он прислушается.

— Нет, Робин. Она телепередатчик. Он услышит ее мысли.

— А она станет это делать? Спасать его ради человечества?

— Должна. Есть на свете кое-что важней нена-

висти. Ничего подобного в мире еще не происходило. Я иду за ней.

Ян-Йеовил начал выбираться из прохода. Дагенхэм задержал его.

— Стой, Йео. Посмотри на него. Он мерцает!

— Мерцает?

— Да, взгляни! Мерцает, как светлячок. Видишь?

Фигура Фойла появлялась и исчезала, возникала снова и опять пропадала. Так бабочка бьется о стенки газовой лампы.

— Что он делает? Что он пытается сделать? Что, черт побери, происходит?

Он пытался выбраться оттуда. Как пойманный светлячок или морская птаха, обманувшаяся светом маяка, он колотился о прутья темницы. Он горел и обугливался. Он пытался ускользнуть в неизвестность.

Звук приходил к нему путями зрения, как световые узоры. Он видел, как складываются в странную мозаику звуки выкрикиваемого имени, его собственного имени:

Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ
Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ
Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ

Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ
Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ Ф ОЙЛ

Движения стали слухом. Он слышал, как извивается пламя, как поднимается дым, как мечутся тени, и все эти движения оглушительно ревели на странном наречии[53]:

БУРУУ ГУАРР РВАВВ ДЖЕРРМАКИНН? — спросила огненная буря.

— Аша-аша-рит-кит-дит-цит-мгид, — ответили ей быстрые тени.

— Ох. Ах. Хи. Ти. Ох. Ах, — застучали тепловые колебания. — Ах. Ма-а-а. Па-а-а. Ла-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Даже язычки пламени, плясавшие на его одежде, ревели ему в уши.

МАНТЕРГАЙСТМАНН! — вопили они. АНВЕРТРАКИНСТЕЙН ГАНЦЕЛЬССФУРСТИНЛАСТЕНБРЮГГ!

Цвета отдавались в нем болью. Теплом, холодом, давлением, ощущениями непереносимой высоты и всепоглощающей глубины, сокрушительного ускорения и давящего сжатия.

---

[53] Примечания: 53

Первое и очень точное с медицинской точки зрения описание синестезии в фантастике. — *Примеч. перев.*

КРАСНЫЙ УДАЛЯЛСЯ от него.
зеленый свет АТАКОВАЛ.
ИНДИГОВЫЙ ИЗГИБАЛСЯ
В ТОШНОТНОМ ТЕМПЕ,
ИЗВИВАЛСЯ, БУДТО ЗМЕЯ

Осязание представлялось вкусом. Дерево отдавало во рту горечью и мелом. Металл был соленый, камень — горько-сладкий, когда он шарил по нему кончиками пальцев, а стекло расползалось по нёбу чрезмерной сладостью.

Обоняние было осязанием. Горячий камень бархатно касался щеки. Дым и пыль проползали по коже твидом, на грани мокрой парусины. Расплавленный металл гвоздями забивали в его

сердце, а взрыв ПирЕ ионизировал воздух до озона, пахнущего утекавшей сквозь пальцы водой.

Не то чтобы он оказался глух, нем и бесчувствен. Чувства продолжали ему служить, но нервную систему закоротило и исказило шоком от контузии при взрыве ПирЕ. Он испытывал синестезию. В этом редком психическом состоянии мозг получает сигналы от окружающего мира через органы восприятия, но интерпретирует их неверно, путаясь между системами обработки. Для Фойла слух стал зрением, движение — слухом, цвета вызывали боль, осязание перешло во вкус, а обоняние — в осязание. Он не просто потерялся в лабиринте преисподней, разверзшейся под старым собором Святого Патрика, но и очутился в калейдоскопе перекрестно замкнутых ощущений.

Вновь он был в отчаянии, на грани гибели, вновь он отбросил все жизненные представления и привычки, или, вернее сказать, они с него осыпались. Он стал из рафинированного субъекта окружения и опыта беснующимся первобытным существом, у которого цель одна — выжить, существом, которое хватается за любую соломинку. И повторилось чудо двухгодичной давности. Неразделенная, слитная энергия всего организ-

ма, каждой клетки, нерва, мышечного волокна обратилась на выживание, и Фойл вновь джонтировал в космос.

Он мчался вдоль геодезических пространственноподобных кривых искривленной Вселенной на скорости мысли, намного быстрее света. Пространственная скорость его оказалась так велика, что ось времени отклонилась от вертикали, соединяющей Прошлое с Будущим через Настоящее. Он понесся вдоль новой, почти горизонтальной оси, по новой пространственно-временной геодезической, движимый чудом человеческого разума, для которого больше не существовало никаких запретов, никаких представлений о непредставимом.

И вновь он избежал ловушки, погубившей Гельмута Гранта, Энцио Дандриджа и десятки других экспериментаторов. Слепая паника заставила его отринуть псевдотемпоральные ограничения, ставшие преградой прежним попыткам. Он джонтировал не Куда-то, но в Какое-то время. И, что важнее всего, в нем поднялась и развернулась полная картина четвертого измерения в виде Стрелы Времени и своего места на этой Стреле; оно присуще каждому, но так легко и прочно теряется под спудом повседневности. Фойл джон-

тировал вдоль пространственно-временных геодезических из Какого-то места в Какое-то время, перенося *i*, корень из −1, с комплексной плоскости в реальность чудесным актом воображения.

Он джонтировал. Он оказался на борту «Кочевника», дрейфующего в стылой пустоте пространства.

Он стоял у двери в никуда. Холод обладал лимонным вкусом, вакуум царапал его кожу, словно когтями. Солнце и звезды сотрясали его до костей своим светом.

ГЛОММХА ФРЕДНИС КЛОМОХАМАГЕНСИН! — проревело движение в его ушах.

Это двигалась, повернувшись к нему спиной, человеческая фигура — летела по коридору, таща за собой медный котелок. Фигура вертелась, петляла, сопротивлялась невесомости. Это был Гулли Фойл.

МЕЕХАТ
ДЖЕССРОТ КРОНАГАН, НО ФЛИММКОРК, — проворчало зрелище его движений.

— Ах! Ох-хо-хо! М'тит ни как, — ответили быстрые пересверки света и теней.

— О-о-о-о-о-о-о-о-о-ох? Ита-а-а-а-а-а-а-а-а-ак? Ну-у-у-у-у-у-у-у. А-а-а-а-а-а-ах! — пробормотали

вертящиеся в вакууме обломки корабля.

Лимонный вкус на языке стал невыносим. Царапанье когтей по коже перерастало в пытку.

Он джонтировал. Он появился в адской печи под старым собором Святого Патрика менее чем через секунду после того, как исчез. Его снова и снова кидало в пламя, от которого он пытался ускользнуть, как морскую птицу внутри фонаря маяка. Он выдержал эту ревущую пытку не долее мгновения.

Он джонтировал. Он оказался в глубинах Гуфр-Мартеля.

Бархатно-черная тьма была наслаждением, раем, вызывала эйфорию.

— Ах! — блаженно выдохнул он.

— АХ! — отозвалось его голосом эхо, и звуки превратились в сияющий световой узор:

АХАХАХАХАХАХАХАХАХАХ
ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА
АХАХАХАХАХАХАХАХАХАХ
ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА
АХАХАХАХАХАХАХАХАХАХ
ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА

Горящий Человек сощурился.

— Хватит! — крикнул он, ослепленный шумом. И снова явилось замысловатое эхо:

ХваТитХваТитХваТит

ТитХваТитХваТитХваТит

ХваТитХваТитХваТитХваТит

ТитХваТитХваТитХваТитХваТит

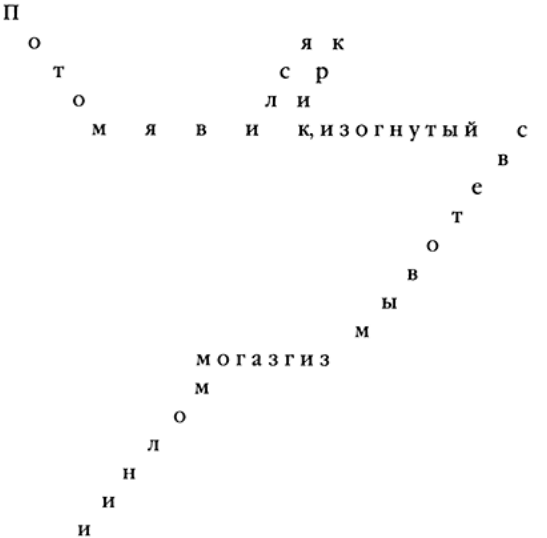
ТитХваТитХваТитХваТитХва

ТитХваТитХваТитХваТит

ТитХваТитХваТитХва

Далекий перестук шагов явился ему мягкими вертикальными узорами полярных сияний:

п п п п п
е е е е е
р р р р р
е е е е е
с с с с с
т т т т т
у у у у у
к к к к к



ЛУЧ СВЕТА АТАКОВАЛ ЕГО

n n n n n

е е е е е

р р р р р

е е е е е

с с с с с

т т т т т

у у у у у

к к к к к

Потом явился крик, изогнутый световым зигзагом молнии
луч света АТАКОВАЛ ЕГО

Это искали Фойла с Джизбеллой Маккуин, сканируя подземелья Гуфр-Мартельского госпиталя геофоном. Горящий Человек исчез, но перед тем случайно сбил ищеек со следа беглецов, и те ускользнули незамеченными.

Он вернулся в кратер под старым собором Святого Патрика, появившись там спустя миг после очередного своего исчезновения. Его отчаянные попытки вырваться из западни в неизвестность раз за разом возвращали его кувырком по пространственно-временным геодезическим назад в Настоящее, откуда он и стремился сбежать, потому что в пространстве-времени, имеющем

форму перевернутого седла, Настоящее — самый глубокий минимум.

Он прорывался вверх, прочь по геодезическим в прошлое или будущее, но неминуемо сваливался назад в Настоящее, как шарик, скачущий по стенкам безвыходной ямы: подлетит почти до уровня земли, замрет на краю и скатится вниз в ее бездонные глубины.

Но он продолжал свои отчаянные попытки.

Он джонтировал снова.

Он оказался на Джервис-Бич, на побережье Австралии.

Набегающий прибой голосил: ЛОГГЕРМИСТ КРОТХАВЕН ДЖОЛЛ, ЛУГЕРМИСК МОТСЛАВЕН ДОЛЛ.

Накатывался и ослеплял его вспышками света, подобными ерзанию застежки-молнии:

Перед ним стояли Гулли Фойл и Робин Уэнсбери. На песке лежало тело мужчины. Песок для Горящего Человека на вкус был как уксус. Ветер, налетавший ему в лицо, — как коричневая бумага.

Фойл открыл рот и издал восклицание. Звуки вылетели оттуда горящими пузырчатыми звез-

дочками. Фойл сделал шаг.

ГРАШШ? — трубно ухнуло движение.

Горящий Человек джонтировал.

Он очутился в Шанхае, в кабинете Сергея Орла. Фойл снова стоял перед ним и спрашивал светящимися узорами:

К Т О К Т О К Т О
Т Ы Т Ы Т Ы
? ? ?

Он вернулся в пламя агонии старого собора Святого Патрика и снова джонтировал.

⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗
⊗ ОН ОКАЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ ⊗
⊗ НА ИСПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ⊗
⊗ ОКАЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА ⊗
⊗ ИСПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОК ⊗
⊗ АЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА И ⊗
⊗ СПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОКА ⊗
⊗ ЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА ИС ⊗
⊗ ПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОКАЗ ⊗
⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗

ОН ОКАЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА ИСПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОКАЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА

ИСПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОК
АЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА И
СПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОКА
ЗАЛСЯ ПОСРЕДИ ДРАКИ НА ИС
ПАНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ. ОН ОКАЗ

Горящий Человек джонтировал.

Снова холод, лимонный вкус, снова вакуум царапает его кожу невыносимо острыми когтями. Он смотрел в иллюминатор серебристого кораблика. Вдалеке виднелись иззубренные лунные горы. В иллюминаторе был клекот кровяных насосов, кислородных баллонов, вой, с которым Гулли Фойл устремился ему навстречу. Вакуум сомкнул на его глотке свои когти смертельной хваткой.

Пространственно-временные геодезические отшвырнули его назад в Настоящее, под старый собор Святого Патрика. Там прошло менее двух секунд с момента последней его попытки вырваться из темницы. И еще раз он зашвырнул себя в неизвестность сверкающим копьем.

Он очутился в катакомбах под монастырем скопцов на Марсе. Перед ним извивался белый слизняк. Линдси Джойс.

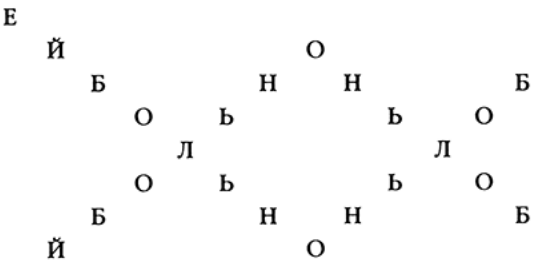
— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — вопили ее корчи. —

НЕ ДЕЛАЙ МНЕ БОЛЬНО. НЕ УБИВАЙ МЕНЯ. ПОЖАЛУЙСТА,
НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА. ПОЖАЛУЙСТА.

Горящий Человек распахнул тигриную пасть и захохотал.

— Ей больно, — молвил он.

Звук собственного голоса опалил ему уши.



ЕЙ БОЛЬНО ОНЬЛОБ
ЕЙ БОЛЬНО ОНЬЛОБ

— Ты кто? — прошептал Фойл.

ТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТ
ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ
ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ
КТОКТОКТОКТОКТОКТОКТОКТО?

??????????????????????

????????????????????????????

Горящий Человек поморщился.

— Слишком ярко, — сказал он. — Меньше света!

Фойл шагнул вперед.

БЛАААГАААДАААМАВВФРААМИШИНГЛИСТОН ВИСТА! — проревело его движение.

Агонизируя, Горящий Человек заткнул уши руками.

— Слишком громко! — вскричал он. — Не ходи так громко!

Скопчиха продолжала корчиться в муке, умоляя:

— НЕ ДЕЛАЙ МНЕ БОЛЬНО. НЕ ДЕЛАЙ БОЛЬНО.

Горящий Человек снова захохотал.

— Послушай: она вопит. Она молит о пощаде. Она не хочет умирать. Она не хочет, чтоб ей делали больно. Ну прислушайся же к ней.

— ЭТО СДЕЛАЛА ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. ОНА МНЕ ПРИКАЗАЛА. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. НЕ Я. НЕ ДЕЛАЙ МНЕ БОЛЬНО. ЭТО БЫЛА ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН.

— Она говорит тебе, кто отдавал ей приказы. Разве не слышишь? Прислушайся к ней своими глазами. Она говорит: *Оливия.*

ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО?

Сверкающий, как шахматная доска, вопрос Фойла доставлял ему невыносимые страдания.

— Она говорит: *Оливия.* Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Он джонтировал.

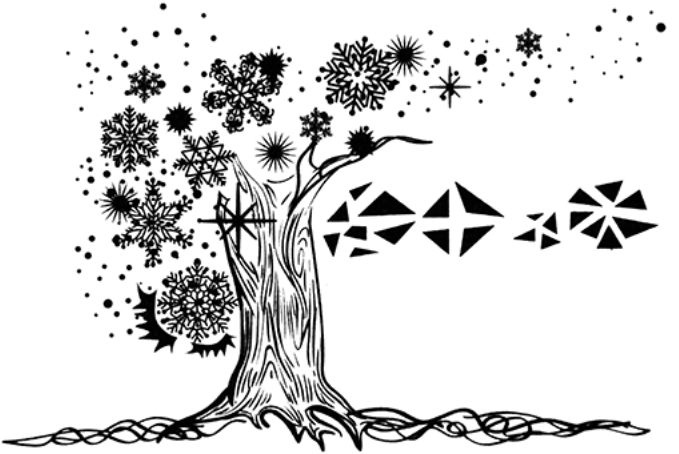
Его снова отшвырнуло в кратер под старым собором Святого Патрика. Внезапно нахлынули смятение и отчаяние, и он понял, что пропал. Гулли Фойлу конец. Навсегда. Навеки. Оказывается, ад существует на самом деле, и он в него угодил. Явленные ему в прошлом видения оказались предсмертными конвульсиями поломанной системы восприятия. Что он испытывает сейчас, тем обречен мучиться вечно. Он уже умер. Он знал, что мертв.

Он отказался подчиниться этой вечности.

Он снова послал себя в неведомое.

Горящий Человек джонтировал.

Он очутился в искрящейся мгле.



Звездное скопление, как пригоршня снежинок.
Ливень жидких алмазов.
Крылья бабочек касались его кожи.

Вкус холодного жемчуга во рту.

Его калейдоскопически перемешанные ощущения не помогли определить, где он очутился, но одно он знал: в этом Нигде он бы с радостью остался навсегда.

Привет, Гулли.

— Кто здесь?

Это Робин.

— Робин?

Ты меня знал как Робин Уэнсбери.

— Знал как…

Я теперь Робин Йеовил.

— Не понимаю. Я что, умер?

Нет, Гулли.

— Тогда где я?

Очень, очень далеко от Святого Патрика.

— Но где?

Это долго объяснять, Гулли, а тебе отведено здесь лишь несколько мгновений.

— Почему?

Потому что ты еще не умеешь правильно джонтировать в пространстве-времени. Ты вернешься назад и научишься.

— Но я ведь знаю. Я должен знать. Шеффилд сказал, что я джонтировал на борт «Кочевника», через шестьсот тысяч миль.

То была случайность, милый Гулли. Да, ты

воспроизведешь такое перемещение, когда научишься. Но сейчас ты еще не умеешь. Ты не знаешь, как удержаться… как превратить любой вариант Настоящего в реальность. Тебя сейчас отбросит назад в собор Святого Патрика.

— О Робин, я только что вспомнил: у меня дурные вести.

Я знаю, Гулли.

— Твоя мать и сестры мертвы.

Я давно знаю, Гулли.

— Как давно?

Тридцать лет.

— Невозможно.

Возможно. Я же тебе сказала: ты далеко, очень далеко от собора Святого Патрика. Я ждала тебя здесь. Я расскажу тебе, как выбраться из огня, Гулли. Ты послушаешь?

— Так я не умру?

Нет.

— Я слушаю.

У тебя все чувства перепутаны, закорочены. Это скоро пройдет, но пока я не стану показывать тебе ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз, ибо ты не поймешь. Я тебе расскажу так, чтобы ты сейчас понял.

— Почему ты мне помогаешь после всего, что я

с тобой сделал?

Ныне все прощено и забыто[54]*, Гулли. Послушай меня. Когда вернешься в С-П, поворачивай, пока не доберешься до самых громких теней. Понял?*

— Да.

Иди на шум, пока тебя не начнет глубоко колоть по коже. Потом остановись.

— Потом остановлюсь.

Полуобернись в сжатие и свободное падение. Следуй в ту сторону.

— В ту сторону.

Ты пройдешь через толстый лист света и найдешь за ним вкус хинина. Там перепутана проволока. Дави хинин, пока не увидишь за ним нечто вроде шума молота, падающего на наковальню. Так ты спасешься.

— Робин, откуда ты это знаешь?

Я получила экспертную консультацию, Гулли. Он ощутил смех. *Тебя в любой момент может унести в прошлое. Так что Питер и Сол говорят*

---

[54] Примечания: 54

Фраза, сказанная Чезаре Борджиа в 1502 г. перед встречей с мятежными командирами его наемнической армии. Добившись соглашения о сдаче, Борджиа велел заточить пленников и впоследствии казнил. Ранее в книге Фойл несколько раз сравнивается с этим историческим деятелем. *— Примеч. перев.*

тебе au revoir[55] *и желают удачи. Они здесь. И Джиз Дагенхэм здесь. До встречи и удачи, милый Гулли…*

— Это прошлое? А ты в будущем?

Да, Гулли.

— А я там есть? А… Оливия?..

Но тут его закрутило и снова швырнуло вниз, вниз, все вниз по направляющим пространства-времени в жуткую яму Настоящего.

---

[55] Примечания: 55
До свидания (*фр.*).

Глава 16

Его перепутанные ощущения расплелись, и он обнаружил, что стоит в Звездной палате замка Престейнов, отделанной золотом и слоновой костью. Зрение снова стало зрением. Он увидел застекленные высокие окна с жалюзи и золотой библиотечный стеллаж с андроидом-библиотекарем на библиотечной лестнице. Слух опять стал слухом, и он услышал, как за письменным столом времен Людовика XV неутомимо отстукивает что-то на ручном мнемографе андроид-секретарь. Вкус снова стал вкусом, и он пригубил коньяк, который ему с поклоном подал робот-бармен.

Он знал, что достиг конечного пункта и теперь стоит перед выбором, которому суждено определить всю дальнейшую жизнь. Он не обращал внимания на врагов. Он смотрел на робота-бармена с выгравированной на лице усмешкой. Классической ирландской усмешкой.

— Спасибо, — сказал ему Фойл.

— Рад вам служить, сэр, — сказал робот и стал ждать следующего заказа.

— Хорошая сегодня погода, — заметил Фойл.

— В любой день всегда где-то да выдастся хоро-

шая погода, — просиял робот.

— Ужасная нынче погодка, — продолжал Фойл.

— В любой день всегда где-то да выдастся хорошая погода, — ответил робот.

— День, — повторил Фойл.

— В любой день всегда где-то да выдастся хорошая погода, — сказал робот.

Фойл повернулся к остальным.

— Вот и я такой же, — сказал он, протянув руку в сторону робота. — И мы все такие же. Мы разводим антимонию насчет свободы воли, но в действительности все наше поведение — лишь механический отклик, повинующийся определенной программе. Ну что. Я здесь. Я жду. Я готов отвечать. — Он сымитировал механический голос бармена. — Нажмите кнопочку, и я подскочу. Рад вам служить, сэр.

Внезапно его тон уязвил их.

— Чего вам от меня надо?

Они неловко затоптались. Фойл был весь обожжен, изранен, в синяках — и все же он контролировал их, а не они его.

— Давайте пропустим угрозы, — сказал Фойл. — Ясненькое дело, буде я откажусь сотрудничать, меня распнут, выпотрошат и четвертуют, а потом ввергнут в ад. Это все понятно. Ну что? Чего вы

от меня хотите?

— Я хочу вернуть то, что принадлежит мне, — с холодной усмешкой отвечал Престейн.

— А именно — восемнадцать с небольшим фунтов ПирЕ. Ага. А что вы готовы за него предложить?

— Ничего, сэр. Я требую, чтобы вернули то, что мне принадлежит.

Ян-Йеовил и Дагенхэм заговорили одновременно. Фойл жестом заткнул их.

— Я реагирую только на одно нажатие кнопки зараз, джентльмены. Сейчас очередь Престейна. Он пытается сделать так, чтоб я подскочил. — Он повернулся к Престейну. — Давите сильнее, любитель крови и денег, или попробуйте другую кнопку. Кто вы вообще такой, чтобы чего-то от меня сейчас требовать?

Престейн поджал губы.

— Закон… — начал было он.

— Что? — засмеялся Фойл. — Мне угрожают? Это меня-то пытаются запугать? Не прикидывайтесь имбецилом. Говорите со мной так, как на новогодней вечеринке. Никакой жалости, никакого снисхождения, никакого лицемерия.

Престейн коротко наклонился, перевел дыхание и выдавил из себя улыбку.

— Я предлагаю власть, — сказал он с трудом. — Я предлагаю тебе стать моим наследником. Партнером по компании. Соправителем клана и моим коллегой-септом. Вместе мы будем править миром.

— С ПирЕ?

— Да.

— Я зарегистрировал ваше предложение. Предложение отклонено. Как насчет вашей дочери?

— Оливии?

Престейн побагровел и сжал кулаки.

— Да. Оливии. Где она, кстати?

— Ах ты мерзавец! — заорал Престейн. — Ты, подонок, развратник, ворюга… ты осмелился?..

— Ты отдашь мне свою дочь в обмен на ПирЕ?

— Да, — едва слышно ответил Престейн.

Фойл повернулся к Дагенхэму.

— Теперь ты жми на кнопку, мертвая голова, — сказал он.

— Если уж мы съехали на подобный уровень, с позволения сказать, дискуссии… — начал Дагенхэм.

— Именно. Никакой жалости, никакого снисхождения, никакого лицемерия. Что ты предлагаешь?

— Славу. Мы не обещаем тебе денег или вла-

сти. Мы обещаем славу. Гулли Фойл, человек, который спас Внутренние Планеты. Мы обещаем безопасность. Мы сотрем твое криминальное досье, дадим тебе имя в обществе, гарантируем тебе пьедестал в зале славы человечества.

— Нет, — сказала внезапно Джизбелла Маккуин. — Не соглашайся. Если хочешь спасти нас, уничтожь его. Никому не отдавай ПирЕ.

— Что такое ПирЕ?

— Тихо! — крикнул Дагенхэм.

— Это термоядерная взрывчатка, детонация которой может быть инициирована только силой мысли, — сказала Джизбелла. — Психокинетически.

— Какой мысли?

— Желанием, чтобы вещество взорвалось. Направленным желанием. Это придает ему критическую массу. Если, конечно, вещество это не окружено ИСИ.

— Я же тебе сказал сидеть тихо… — простонал Дагенхэм.

— Если всем позволено нажимать на кнопки, я требую доступа к своей.

— Это тебе не просто идеалистическое…

— Нет ничего важнее идеализма.

— Тайна Фойла важнее, — промурлыкал Ян-

Йеовил. — Господа, тайна ПирЕ по сравнению с ней незначительна. — Он улыбнулся Фойлу. — Ассистент адвоката Шеффилда подслушивал часть вашей беседы в старом соборе Святого Патрика. Мы знаем, что вы умеете джонтировать в космосе.

Остальные онемели.

— Джонт в космосе? — выдавил Дагенхэм. — Невероятно! Вы ничего не путаете?

— Не путаю. Фойл продемонстрировал, что это реально. Он джонтировал через шестьсот тысяч миль с рейдера ВС на борт полуразрушенного «Кочевника». Как я уже сказал, это поважнее ПирЕ. Я предпочел бы сперва обсудить это новое обстоятельство.

— Все объявили, чего хотят они, — медленно проговорила Робин Уэнсбери. — Но чего хочешь ты сам, Гулли Фойл?

— Спасибо, хоть ты вспомнила, — ответил Фойл. — Я хочу подвергнуться наказанию.

— Что?!

— Я хочу, чтобы меня покарали, — сказал он сдавленным голосом, и на его перебинтованном лице начали проступать стигматы. — Я хочу расплатиться за то, что совершил, и обнулить баланс. Я хочу сбросить с себя этот проклятый

крест, который волоку. Он ломает мне хребет. Отправьте меня обратно в Гуфр-Мартель, пожалуйста. Я хочу, чтобы меня лоботомировали, если я это заслужил. Я знаю, что заслужил. Я хочу…

— Ты хочешь сбежать, — вмешался Дагенхэм, — но тебе это не удастся.

— Я хочу освободиться!

— Это не обсуждается, — сказал Ян-Йеовил. — В твоей башке слишком много ценного, чтобы ее лоботомировать.

— Давай оставим детский лепет о преступлении и наказании, — прибавил Дагенхэм.

— Нет! — запротестовала Робин. — Грех можно искупить. Об этом нельзя забывать.

— Прибыль и убыток, грех и искупление, идеализм и реализм, — улыбнулся Фойл. — Какие ж вы самоуверенные. Какие тупые. Какие прямолинейные. Видите только то, что хотите видеть. Вы на себя, блин, посмотрите. Престейн, ты отдашь Оливию мне? Или ты отдашь ее под суд? Она виновна в массовом убийстве.

Престейн попытался встать, но повалился назад в кресло.

— А что там ты говорила насчет искупления? А, Робин? Оливия Престейн убила твою мать и сестер. Ты ее простишь?

Темная кожа Робин стала пепельной. Ян-Йеовил что-то промямлил, но Фойл оборвал его:

— У Внешних Спутников нет ПирЕ, Йеовил. Шеффилд мне об этом проговорился. Ты все еще намерен использовать это вещество против них? Ты хочешь сделать мое имя нарицательным? Как сталось с именами Линча и Бойкота?

Фойл круто развернулся к Джизбелле.

— А ты достаточно последовательна в своем идеализме, чтобы отсидеть остаток срока в Гуфр-Мартеле? А ты, Дагенхэм, позволишь ее туда бросить? Ты ее отпустишь?

Он постоял немного с горькой усмешкой, слушая галдеж: все заговорили одновременно, оправдываясь.

— Жизнь — простая штука, — сказал он. — И решение так же просто, разве нет? Уважить ли мне права собственности Престейна или благополучие Внутренних Планет? Идеализм Джизбеллы или реализм Дагенхэма? Совестливость Робин? Нажмите на кнопку, робот подпрыгнет. Но я-то не робот. Я фрик. Таких уродов во Вселенной еще не бывало. Я мыслящий зверь, а не человек. Я пытаюсь разобраться во всей этой лабуде. А не раскидать ли мне ПирЕ по миру, чтобы вы себя сами прикончили? А не обучить ли мне чело-

вечество искусству космоджонта, чтобы люди распространились по всей Вселенной от галактики к галактике? Каков же верный ответ?

Робот-бармен вдруг ожил и швырнул через палату свой смеситель для коктейлей. Тот с ощутимым звуком врезался в стену. Повисло удивленное молчание. Дагенхэм ругнулся:

— Черт! Престейн, я, кажется, снова испортил ваши игрушки своей радиацией.

— Ответ утвердительный, — совершенно разборчиво проговорил робот.

— Что? — спросил изумленно Фойл.

— Ответ на ваш вопрос утвердительный.

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Рад служить, сэр, — отвечал робот. — Человек — прежде всего общественное животное, а потом уже индивид. Оставайтесь членом общества, выбирает ли оно разрушение или нет.

— Чушь собачья, — нетерпеливо перебил его Дагенхэм. — Престейн, выключите эту железяку.

— Погодите, — остановил его Фойл и воззрился на вечную усмешку, выгравированную на лице робота. — Но ведь обществом могут заправлять идиоты. Оно может избрать неверную дорогу, запутаться. Ты сам слышал, о чем мы тут говорим.

— Да, сэр, но общество следует обучать, а не

диктовать ему. Вы должны научить общество.

— Джонтировать в космосе? Зачем? Зачем отправляться к звездам, в иные галактики? Зачем?

— Потому что вы живы, сэр. С тем же успехом можно спросить: зачем жить? Не спрашивайте. Просто живите.

— Он сбрендил, — проворчал Дагенхэм.

— Но какой великолепный бред! — шепотом заметил Ян-Йеовил.

— В жизни должен быть какой-то высший смысл, — сказал роботу Фойл.

— Так разыщите его сами, сэр. Не просите мир остановиться просто потому, что вы сомневаетесь в цели его движения.

— Почему мы не можем выступить вперед все вместе?

— Потому что все люди разные. Вы люди, а не лемминги. Кто-то должен вести, а кто-то — быть ведомым.

— И кто будет вести?

— Тот, кто может… зажечь людей. Вдохновить их.

— Я фрик.

— Все вы фрики. Но фрики существовали всегда. Жизнь — выходка фрика. Всегда есть место для надежды и славы.

— Большое спасибо.

— Рад служить, сэр.

— Вы просто спасли мне этот день.

— В любой день всегда где-то да выдастся хорошая погода, — просиял робот. Потом он заскрипел, задымился и рухнул на пол грудой железа.

Фойл поглядел на собравшихся.

— А железяка-то права! — заметил он. — Это вы ошибаетесь. Кто мы такие? Кто мы все такие, чтобы решать за остальной мир? Давайте мир решит сам. Кто мы такие, чтобы скрывать от него эту тайну? Давайте откроем ее миру, и пускай люди решат сами. В собор Святого Патрика!

Он джонтировал. Присутствующие последовали за ним. Развалины собора все еще были оцеплены, но рядом уже собралась колоссальная толпа. На место взрыва джонтировало столько зевак, что полиция вынужденно раскинула над руинами защитное индукционное поле. И даже так зеваки, безумцы и просто досужие любознатцы пытались джонтировать внутрь, но защитное поле обжигало их; они отскакивали, вскрикивая от боли. По знаку Ян-Йеовила поле убрали. Фойл пробрался через горячие руины к восточной стене собора, которая частично уцелела: от нее сохранился вал высотой, может быть, футов пят-

надцать. Он ощупал дымящиеся камни, нажал и потянул. Что-то заскрежетало. Секция стены размером три на пять футов отошла было, но тут же застряла. Фойл схватился за нее и нажал в нужную сторону. Секция дрогнула. Потом оплавленные петли поддались, и камни осыпались к его ногам.

За два века до этого, когда организованная религия попала под запрет, а приверженцев всех конфессий загнали в подземные схроны, нашлись набожные люди, соорудившие под старым собором Святого Патрика это укрытие. Там был установлен алтарь. Позолоченное распятие, ничуть не потускнев, сияло светом вечности. У подножия креста покоился небольшой черный ящичек из инертсвинецизомера.

— Это знак? — задыхаясь, пробормотал Фойл. — Это и есть ответ, о котором я просил?

Прежде чем кто-то успел среагировать, он сгреб тяжелый ящик в охапку и джонтировал за сотню ярдов, к остаткам лестницы, ведущей к собору с Пятой авеню. Там он открыл сейф на виду у толпы. Раздался вопль отчаяния. Он вырвался у скрывавшихся в толпе сотрудников Центральной разведки, которые слишком хорошо знали, что в этом ящике.

— Фойл! — заорал Дагенхэм.

— Фойл, бога ради, не надо! — присоединился Ян-Йеовил.

Фойл вытащил из ящичка пульку ПирЕ. Она была цвета кристаллов йода и размером с сигаретку. Один фунт твердого раствора трансплутониевых элементов.

— ПирЕ! — заревел он, обращаясь к толпе. — Берите его! Вот! Вот ваше будущее! ПирЕ!

Он швырнул пульку зевакам и закричал, обернувшись через плечо:

— Сан-Фран, Русский холм!

Он джонтировал через Сент-Луис и Денвер в Сан-Франциско. Он прибыл на общественную джонт-остановку на Русском холме. Там было четыре часа пополудни, улицы бурлили выбравшимися перекусить и на закупки джонтерами.

— ПирЕ! — орал Фойл. Его лицо налилось кровью, проступила чудовищная маска. — ПирЕ! Оно опасно! Оно смертельно опасно! Оно ваше! Пускай расскажут, что это такое!

Он обернулся к запыхавшимся преследователям и крикнул:

— Ном!

И джонтировал.

В Номе стоял обеденный час, и с лесопилок

джонтировали подкрепиться бифштексами суровые, но добродушные лесорубы. Появление человека с тигриной мордой вместо лица их немало всполошило. Человек швырнул в самую гущу толпы фунтовую пульку какого-то сплава йодистого оттенка и проревел на языке канав и помоек:

— ПирЕ! Слышь, народ? Все слушайте сюда! ПирЕ — это полный кабздец. Всем нам кабздец. Вы ж тупо не в курсе, шо это? Ну побазарьте с ними, шо это за ПирЕ. Всё, пацаны, я сваливаю!

Следом появились Дагенхэм, Ян-Йеовил и остальные. Они опоздали на несколько секунд. Он обернулся и крикнул им:

— Токио! Императорский дворец!

Он исчез за доли секунды до того, как выстрелы поразили бы его.

В Токио было девять утра. Стояло свежее, пронзительно-холодное и ясное утро, и толпа, клубившаяся на джонт-остановке у Императорского дворца, рядом с прудами, где водились чудесные карпы, была ошарашена при виде тигроликого самурая, который явился из ниоткуда, швырнул им пульку странного металла и проорал невероятные, незабываемые предостережения и благословения.

Фойл джонтировал в Бангкок, где лил дождь, в Дели, где разгулялся муссон, и везде повторил свое безумное выступление. В Багдаде было три часа пополуночи. Посетители ночных клубов, вечные весельчаки, летящие за полчаса до закрытия вокруг всего мира, приветствовали его пьяными возгласами. Он перенесся в Париж и Лондон, где пробила полночь. Толпы на Елисейских Полях и Пикадилли были зачарованы появлением Фойла и взбудоражены его страстным воззванием.

За пятнадцать минут Фойл протащил своих преследователей на три четверти оборота планеты. В Лондоне он позволил им схватить себя, повалить на пол, вырвать сейф из ИСИ, пересчитать оставшиеся пульки ПирЕ и в бешенстве захлопнуть ящичек.

— Там вполне достаточно для войны. Вполне хватит для убийства… аннигиляции… если осмелитесь. — Он смеялся и рыдал в припадке триумфальной истерии. — Миллионы на оборону, ни цента на выживание!

— Ты соображаешь, гребаный убийца, что ты наделал? — завопил Дагенхэм.

— Че ж не соображать-то.

— Девять фунтов ПирЕ рассеяны по миру! Одна

мысль, и мы… Как мы вернем их, не рассказав людям правды? Господи, Йео, отгони толпу, чтоб они не услышали нас!

— Это невозможно.

— Тогда джонтируем отсюда!

— Нет! — взревел Фойл. — Пускай услышат! Пускай всё услышат!

— Ты рехнулся, человече. Ты только что раздал детям заряженные ружья.

— Прекрати ты обращаться с людьми, словно они малолетние придурки, и они перестанут себя так вести. Ты кто, черт тебя дери, вообще такой, чтобы им в учителя набиваться?

— О чем ты?

— Прекрати обращаться с ними, как с детьми. Объясни им, что это за ружье у них в руках. Пускай все услышат. Вынеси этот скелет из шкафа. — Фойл дико захохотал. — Я закрыл последнее в мировой истории заседание Звездной палаты. Я вынес на люди последний секрет в мире. Больше никаких тайн. Хватит уже решать за деток, что им надо знать, а чего не надо. Пускай сами решат, когда подрастут. Просто подождите.

— Господи, он с ума сошел!

— Че, правда? Я вернул право распоряжаться жизнью и смертью людям. Людям, которые живут

и умирают. Обычным людям, над чьими спинами мы заносим бичи и хлысты. Слишком долго мы их тянули одной колеей. Такие, как мы… жертвы компульсивного расстройства. Люди-тигры, для которых весь мир — поле охоты. Все мы тигры. Мы трое — тигры. Но кто мы такие, чтобы решать за мир, чего ему надо? Просто потому, что мы настойчивы? Нет уж. Пусть мир сам сделает свой выбор между жизнью и смертью. Кто сказал, что ответственность вправе нести только мы?

— Мы ее не брали на себя, — тихо сказал Ян-Йеовил. — Она сама на нас свалилась. Мы вынужденно принимаем на себя ответственность за решения, от которых обычный человек бы со страху помер.

— Тогда прекратите это дело. Пускай обычный человек наконец займется тем, чем должен, и перестанет перекладывать ответственность на первого попавшегося фрика. Сколько можно работать козлами отпущения?

— Черт бы тебя побрал, — разъярился Дагенхэм, — ты что, не понимаешь, что доверять людям нельзя?! Они сами толком не знают, что для них будет благом.

— Научатся или сдохнут. Мы в одной лодке плывем. Вместе выживем или вместе сдохнем.

— Хочешь, чтоб умертвили себя своим невежеством? Нет уж. Надо придумать, как вернуть пульки, не взорвав весь мир. Вот и придумай.

— Нет. Я в них верю. Я был обычным человеком, прежде чем превратился в тигра. Все так могут, если им хорошего подсрачника дать.

Фойл встряхнулся, вырвался от них и неожиданно джонтировал на бронзовую голову статуи Эроса, в пятидесяти футах над углом Пикадилли. С трудом удерживая равновесие, он завопил:

— Слушайте все! Народ, слушайте меня! Не надо на меня молиться! Идите вы со своими молитвами!

Ему ответил рев толпы.

— Вы все свиньи! Вы хрюкаете, как свиньи, роетесь пятачками в земле! Вам так много дано, а вы используете самую малость. Вы меня слышите? У вас миллионы, а вы перебиваетесь на пенни. Вы все гении, а ведете себя, как безумные идиоты. У вас такие сердца, а вы себя чувствуете опустевшими и вымотанными. Все вы. Каждый из вас!

Он опасно зашатался, восстановил равновесие и продолжил с истерической страстью одержимого:

— Вас надо припугнуть войной, чтоб вы перестали экономить. Вам надо по башке врезать,

чтоб вы начали думать. Вам надо бросить вызов, чтоб вы обрели величие! Остаток времени вы сидите сложа руки и валяете дурака. Вы все свиньи! Ну ладно, я вам покажу! Я бросаю вам вызов! Живите или подыхайте! Если останетесь жить, обретете величие! Продолжайте молиться мертвому Христу или придите ко мне, найдите Гулли Фойла, и я сделаю вас людьми! Я сделаю вас великими людьми! Я дарую вам звезды!

И он исчез.

Он джонтировал по геодезическим пространства-времени в Какое-то место Какого-то времени. Он прибыл в хаос. На миг он завис в ненадежном квази-Настоящем и снова рухнул в хаос.

Это можно совершить, подумал он. *Это нужно сделать.*

Он снова джонтировал — пылающее копье, летящее из неизвестности в неизвестность, и снова обрушился в хаос квазипространства и квазивремени. Он потерялся Нигде.

Я верю, подумал он. *У меня есть вера.*

Он снова джонтировал и снова потерпел неудачу.

Во что я верю? спросил он себя, утопая в лимбо.

Я верю, что я верю, ответил он себе. *Нет нужды*

во что-то верить. Достаточно верить, что есть на свете такое, во что можно поверить.

Он джонтировал в последний раз. Мощь его желания *поверить* трансформировала квази-Настоящее случайной цели в реальное Настоящее. Он очутился у Ригеля в созвездии Ориона, пылающего бело-голубого светила, на расстоянии пятисот сорока световых лет от Терры, у звезды, чья светимость в десять тысяч раз превосходила солнечную, у котла энергии, окруженного тридцатью семью массивными планетами.

Фойл завис в космосе, замерзая и задыхаясь, лицом к лицу с невероятной судьбой, в которую он верил, но пока находил непостижимой. Он висел в пространстве долгое ослепляющее мгновение, беспомощный и пораженный. Судьба его была неминуема, как у первого существа, которое некогда выбралось из моря на сушу и повалилось, разевая пасть и задыхаясь, на первобытный пляж, на заре истории Терры и жизни.

Он джонтировал в космосе, превратив квази-Настоящее в Настоящее. Он оказался у Веги в созвездии Лиры. Звезда класса А0, в двадцати шести световых годах от Терры, сияла даже ярче Ригеля, а планет не имела. Зато вокруг нее кружились рои сверкающих комет, чьи газообразные

хвосты искрились на сине-черном фоне.

И еще раз он преобразил квази-Настоящее в Настоящее.

Канопус, желтая, как Солнце, гигантская звезда, безмолвно сотрясающая своими вспышками пустоту, куда наконец дополз потомок существа, вышедшего некогда из моря на сушу. Существо зависло в космосе, разинув пасть на пляже Вселенной, скорее мертвое, чем живое, ближе к будущему, нежели к прошлому, в десятке лиг от края мира. Оно изумленно смотрело на колоссальные пылевые облака и метеорные потоки, окружавшие Канопус огромным толстым кольцом, похожим на кольца Сатурна, но диаметром как вся орбита Сатурна.

Настоящее. Альдебаран в созвездии Тельца, чудовищная красная звезда — нет, пара звезд, где шестнадцать планет выделывали диковинные высокоскоростные сложно-эллиптические коленца вокруг своих родителей.

Он еще раз швырнул себя через пространство-время и с растущей уверенностью преобразил его в Настоящее.

Антарес, красный гигант класса MII, тоже двойная звезда, как и Альдебаран, на расстоянии двухсот пятидесяти световых лет от Терры,

окруженный двумя с половиной сотнями планетоидов. Каждый был размером как Меркурий, а климатом как Эдем.

И наконец… Настоящее.

Он вернулся в утробу своего рождения. Он возвратился на борт «Кочевника», погребенного в недрах Саргассова астероида, где по-прежнему ютились затерянные, промышлявшие грабежом и собирательством падали на космических трассах между Марсом и Юпитером, дикари Науконарода. Он вернулся в дом Дж♂зефа, который расписал лицо Фойла тигриной татуировкой и спарил его с девушкой по имени М♀йра.

Он снова очутился на «Кочевнике».

Гулли Фойл — таково мое имя,
Мне приютом — небесная твердь,
С Терры жизнь от рожденья влачу я,
И цель моя — звезд круговерть[56].

---

[56] Примечания: 56

Из приведенной формулировки катрена еще более очевидно знакомство Бестера с оккультным учением Алистера Кроули и его последователей. Например, Джону Уайтсайду Парсонсу, английскому ученому и мистику, принадлежит следующее высказывание: «Ракетное дело может и не быть выражением моей Подлинной Воли (True Will), но все же останется чертовски мощным двигателем ее. Взоры мои устремились горе, ибо Телема — мое назначение, а *звезды — моя цель* и мой дом (With Thelema as my goal and *the stars my destination* and my home, I have set my eyes on high)». В этой фразе дословно повторяется фрагмент катрена и название всего романа. — *Примеч. перев.*

Девушка по имени М♀йра обнаружила его в шкафчике для инструментов на борту «Кочевника». Он сжался в тугой ком, как эмбрион во чреве матери, лицо его сияло, глаза пылали божественным откровением. Хотя астероид давно уже залатали и даже оборудовали воздуховодом, Фойл руководствовался памятью жуткого существования, давшего ему новую жизнь за пару лет до того.

Сейчас он спал и медитировал, переваривал и осмысливал великое умение, которому научился. Тогда же, перейдя от мечтаний к трансу, он выплыл из шкафчика, с невидящими глазами пролетел мимо М♀йры, которая благоговейно уступила ему дорогу и опустилась на колени, поблуждал по пустым переходам, возвратился в утробу шкафчика, свернулся калачиком и ушел в себя.

Она коснулась его. Он не отреагировал. Она произнесла имя, блиставшее на его лице. Он не ответил. Она повернулась и бежала в безопасную внутреннюю часть астероида, добравшись до святейшего места, откуда правил Дж♂зеф.

— Мой муж вернулся к нам! — сказала М♀йра.

— Твой муж? А, богочеловек, который чуть не уничтожил нас! — Лицо Дж♂зефа потемнело от

гнева. — Где он? Покажи!

— Ты не навредишь ему?

— Любые долги нужно возвращать. Покажи его мне.

Дж♂зеф последовал за нею на борт «Кочевника», залез в шкаф и внимательно оглядел Фойла. Гнев на его лице сменился изумлением. Он коснулся Фойла и позвал его. Ответа не было.

— Ты не сможешь покарать его, — сказала М♀йра, — ибо он умирает.

— Нет, — тихо ответил Дж♂зеф. — Он грезит. Как жрецу, мне ведомы сии грезы. Настанет день, он пробудится и поведает нам, своим людям, о том, что ему открыло видение.

— И тогда ты покараешь его.

— Он уже покарал сам себя, — сказал Дж♂зеф.

Он устроился на полу рядом со шкафчиком.

Девушка по имени М♀йра устремилась по скособоченным коридорам и несколько мгновений спустя вернулась, неся серебряный кувшин с теплой водой и серебряный поднос с едой. Она осторожно омыла Фойла и поставила подле него поднос как приношение. Затем села возле Дж♂зефа… вместе со всем миром… и стала дожидаться его пробуждения.

Один из лучших фантастических романов двадцатого века.

Яркий, энергичный, полный отсылок и скрытого смысла текст самого «Мастера пиротехники» – Альфреда Бестера. Роман, совершивший прорыв из «золотого века» в современную фантастику. Публикуется в новом переводе.

Межпланетный корабль «Кочевник» был атакован и уничтожен. «Ворга» прилетел на сигнал бедствия, но не оказал помощь. Гулливер Фойл, единственный оставшийся в живых, брошен на верную смерть. У Фойла появляется цель – отомстить экипажу «Ворги». Месть станет легендарной и отправит человечество к звездам.

«Есть всего несколько истинно гениальных фантастических работ, и это одна из них».

Джо Холдеман

Альфред Бестер (1913–1987) – американский сценарист, редактор и писатель-фантаст, оказавший огромное влияние на современную культуру. Его дебютный роман «Человек без лица» получил первую в мире премию «Хьюго» (1953). В 1988 году Бестер становится «Грандмастером фантастики», а роман «Моя цель – звезды» (также известный под названием «Тигр! Тигр!»), сложное модернистское полотно о «Графе Монте-Кристо космического века», получает премию «Прометей» в категории «Зал славы».

В 2001 году Альфред Бестер введен в «Зал славы научной фантастики и фэнтези», посмертно.

ISBN 978-5-04-093055-5

